

Редакционная коллегия

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А. И. Бастрыкин,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Почетный Председатель Международного союза криминалистов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации

А. А. Бессонов,

генерал-майор юстиции,
доктор юридических наук, доцент,
член Международного союза криминалистов

А. И. Александров,

доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

В. Ю. Владимиров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. Ф. Волынский,

доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации

Б. Я. Гаврилов,

доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

И. В. Грошев,

доктор психологических наук,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

В. К. Дадабаев,

доктор медицинских наук, доцент

А. Г. Звягинцев,

член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. М. Зинин,

доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

А. В. Камалян,

кандидат медицинских наук

Ю. Ф. Каменецкий,

кандидат юридических наук, доцент,
член Президиума Международного союза криминалистов

М. В. Кардашевская,

доктор юридических наук, профессор

И. М. Комаров,

доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов

А. Е. Кукушкин,

Председатель Национальной
Ассоциации организаций ветеранов следственных
органов «Союз ветеранов следствия»,
Председатель Международного союза криминалистов

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный член Литовского криминалистического общества,
член Международного сообщества судебных экспертов
член Президиума Международного союза криминалистов

А. А. Мохов,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации

Е. Р. Россинская,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член Президиума Международного союза криминалистов,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, академик РАЕН

И. М. Рагимов,

президент ассоциации юристов
стран Черноморско-Каспийского региона,
член Президиума Международного союза криминалистов,
иностранный член Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Савенков,

доктор юридических наук, профессор, академик РАН,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

К. К. Сейтенов,

доктор юридических наук, профессор,
член Международного союза криминалистов.

С. А. Смирнова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации

О. А. Соколова,

доктор юридических наук, профессор

А. И. Усов,

доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации

Л. В. Чичановская,

доктор медицинских наук, профессор

В. Н. Чулахов,

доктор юридических наук, профессор

А. И. Швед,

доктор юридических наук (Республика Беларусь)

Н. Д. Эриашвили,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации, почетный адвокат России,
лауреат премии Правительства Российской
Федерации в области науки и техники,
лауреат премии Правительства Российской
Федерации в области образования

Editor's Board

CHAIRMAN

A. I. Bastrykin,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honorary Chairman of the International Union of Criminalists, honored lawyer of the Russian Federation, doctor of law, professor, general of justice of the Russian Federation

A. A. Bessonov,

major general of justice,
doctor of legal science, associate professor
member of the International Union of Criminologists

A. I. Alexandrov,

doctor of legal science, professor
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation,

V. Yu. Vladimirov,

doctor of legal science, professor,
honored lawyer of the Russian Federation

A. F. Volynsky,

doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation

B. Ya. Gavrilov,

doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation

I. V. Groshev,

doctor of psychological sciences,
doctor of economics, professor,
honored scientist
of the Russian Federation

V. K. Dadabaev,

doctor of medical sciences, associate professor

A. G. Zvyagintsev,

member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation

A. M. Zinin,

doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation,
honorary worker of higher professional
education of the Russian Federation,

A. V. Kamalyan,

doctor of medical sciences

Yu. F. Kamenetsky,

candidate of legal science, associate professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,

M. V. Kardashevskaya

doctor of legal science, professor

I. M. Komarov,

doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,

A. E. Kukushkin,

Chairman of the National Association of Organizations
of Veterans of investigative bodies "Union of Veterans of Investigation" —
Chairman of the International Union of criminologists

N. P. Mailis,

doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation,
honorary member of the Lithuanian Forensic Society,
member of the International Community of Forensic Experts,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists

A. A. Mokhov,

doctor of legal science, professor,
honorary worker of education of the Russian
Federation

E. R. Rossinskaya,

doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honorary worker of higher professional education of
the Russian Federation,
academician of the Russian Academy of Sciences

I. M. Rahimov,

President of the Association of Lawyers
of the countries Black Sea-Caspian region,
foreign member of the Russian Academy of Sciences,
doctor of legal science, professor

A. I. Savenkov,

doctor of legal science, professor, academician of
the Russian Academy of Sciences,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation

K. K. Seitenov,

doctor of legal science, professor,
member of the International Union of Criminalists,

S. A. Smirnova,

doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation

O. A. Sokolova,

doctor of legal science, professor

A. I. Usov,

doctor of legal science, professor

O. V. Khimicheva,

doctor of legal science, professor,
honored worker of the higher school
of the Russian Federation

L. V. Chichanovskaya,

doctor of medical sciences, professor

V. N. Chulakov,

doctor of legal science, professor

A. I. Shved,

doctor of legal science (Republic of Belarus)

N. D. Eriashvili,

doctor of economics, candidate of legal science,
candidate of historical sciences,
honorary worker of Education of the Russian
Federation, honorary lawyer of Russia,
laureate of the Russian Government Prize
in science and technology, laureate of the
Government of the Russian Federation Award
in the field of education

СОДЕРЖАНИЕ

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-87142
от 05 апреля 2024

Учредители
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»
ООО «Издательство Юнити-Дана»

Главный редактор

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
почетный работник
сферы образования
Российской Федерации,
Лауреат премии Правительства
Российской Федерации
в области науки и техники,
Лауреат премии Правительства
Российской Федерации
в области образования

В. Н. Закаидзе,
Генеральный директор
Издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»
123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел/факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности
за качество, правильность и
корректность цитирования
произведений авторами статей.

**Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно
авторы опубликованных
материалов.**

www.unity-dana.ru
www.niion.org

Всероссийский молодежный научно-практический форум «Следственная деятельность: теория и практика» под эгидой Международного союза криминалистов	5
Тимченко К.М., Чиркова Д.Д. Сфера действия уголовно-правового запрета об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в свете примечания к статье 238 УК РФ	9
Чумаевская Е.Б. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с генерацией синтетических порнографических материалов с использованием технологий ИИ: квалификация и границы уголовной ответственности	14
Ашурвалиев М.Р. Электронные доказательства в современном уголовном процессе России	21
Яхункин В.Г. Проблема понимания оснований возвращения прокурором уголовного дела для организации дополнительного расследования: теоретический и практические аспекты	26
Богданов И.Л., Ли Д.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних	31
Костина В.С. Возможность использования программ модерации в социальных сетях и стриминговых сервисах для выявления, расследования и профилактики преступлений, характеризуемых травлей в Интернете	37
Маснева Е.В. Выявление признаков пропаганды отказа от деторождения как новая задача судебной экспертизы	42
Шурховецкая А.Д. К вопросу о внедрении систем искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность: проблемы и перспективы	50
Балабин Ю.А., Иванова Н.В. Актуальные вопросы назначения и производства судебной строительно-технической экспертизы, проводимой в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации	56
Вознюк М.А. Теоретические и практические аспекты формирования методической базы фотовидеотехнической экспертизы	62
Галкин Д.В. Цифровые следы современных автомобилей: криминалистические возможности и процессуальные проблемы	68
Енгальчев В.Ф., Исаев М.Ю. Психологические особенности использования видеозаписи при проведении допроса подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации	72
Курегян Г.Г. Практика работы Северо-Кавказского филиала федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» в производстве судебных лингвистических экспертиз, назначенных по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности	77
Пичугин С.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: интеграция антропологического подхода, информационных технологий и искусственного интеллекта в преодолении вызовов глобализации.	80
Следствие сквозь годы...	
Звягинцев А.Г. «Станции утешения». Сексуальное рабство по-японски	85
Некролог	
Не стало профессора А.Ф. Волынского	90

CONTENT

Chief editor

N. D. Eriashvili,
doctor of economics,
candidate of legal science,
candidate of historical sciences,
honorary worker of Education
of the Russian Federation,
laureate of the Russian
Government Prize
in science and technology,
laureate of the Government
of the Russian Federation
Award in the field
of education

V. N. Zakaide,
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»
1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel/fax: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

*The editors and external
reviewers are not responsible
for quality, correctness
and correctness of citation
of works by authors articles.*

*Responsibility
for quality, correctness
and correct citation
of works bear exclusively
authors of published
materials.*

www.unity-dana.ru
www.niion.org

All-Russian Youth Scientific and Practical Forum «Investigative activity: theory and practice» under the auspices of the International Union of Criminologists	5
Timchenko K.M., Chirkova D.D. The scope of the criminal law prohibition on providing services that do not meet safety requirements, in light of the note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation	9
Chumaevkaya E.B. Criminal Law Characteristics of Crimes Related to the Generation of Synthetic Pornographic Materials Using AI Technologies: Qualification and Limits of Criminal Liability	14
Ashuraliev M.R. Electronic Evidence in the Modern Russian Criminal Procedure	21
Yakhunkin V.G. The problem of understanding the grounds for the prosecutor's return of a criminal case for additional investigation: theoretical and practical aspects	26
Bogdanov I.L., Li D.A. Features of the methodology for investigating crimes involving minors	31
Kostina V.S. The possibility of using moderation programs in social networks and streaming services to identify, investigate, and prevent crimes characterized by online harassment	37
Masneva E.V. Identification of signs of propaganda against childbirth as a new task for forensic expertise	42
Shurkhovetskaya A.D. On the issue of introducing artificial intelligence systems in forensic expert activity: problems and prospects	50
Balabin Yu.A., Ivanova N.V. Actual issues of appointment and production of forensic construction and technical expertise conducted at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation	56
Voznyuk M.A. Theoretical and practical aspects of the formation of the methodological base of photo and video technical expertise	62
Galkin D.V. Digital Footprints of Modern Cars: Forensic Opportunities and Procedural Challenges	68
Engalychev V.F., Isaev M.Yu. Psychological features of the use of video recordings during the interrogation of adolescents in difficult situations	72
Kuregyan G.G. The practice of the North Caucasus branch of the Federal State Institution "Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation" in the production of forensic linguistic examinations assigned in criminal cases related to the investigation of crimes against the sexual integrity and sexual freedom of an individual	77
Pichugin S.A. Forensic Support of Crime Investigation: Integration of the Anthropological Approach, Information Technologies and Artificial Intelligence in Overcoming the Challenges of Globalization	80
Investigation through the years...	
Zvyagintsev A.G. «Stations of consolation». Sexual slavery in Japanese	85
Obituary	
Professor A.F. Volynsky died	90

Всероссийский молодежный научно-практический форум «Следственная деятельность: теория и практика» под эгидой Международного союза криминалистов

В Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева под эгидой Международного союза криминалистов 24—25 ноября 2025 г. состоялся Всероссийский молодежный научно-практический форум «Следственная деятельность: теория и практика».

На открытии форума ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева Алексей Александрович Бессонов отметил значимость таких мероприятий для формирования у будущих молодых специалистов профессионального мышления и юридического мировоззрения. «Это пространство для конструктивного диалога и выработки молодыми юристами новых подходов к решению практических задач», — подчеркнул он.

Советник председателя Международного союза криминалистов по молодежной политике, заведующая кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Игоревна Галышина в своем приветственном слове сделала акцент на стратегической важности мероприятий такого формата в период борьбы за умы и сознание молодежи. Она пожелала молодым исследователям жарких и плодотворных дискуссий, новых научных открытий, хорошего настроения и творческих успехов.

В первый день форума была организована IX Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Следственная деятельность: проблемы, решения, перспективы развития», на которой присутствовали более 100 участников из 15 городов России от Луганска до Омска. На пленарном заседании были заслушаны восемь лучших докладов:

1) Кристины Тимченко, Дарьи Чирковой (Саратовская государственная юридическая академия) — «*Сфера действия уголовно-правового запрета об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в свете примечания к статье 238 УК РФ*»;

2) Елизаветы Чумаевской (Санкт-Петербургская академия СК России) — «*Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с генерацией синтетических порнографических материалов с использованием технологий ИИ: квалификация и границы уголовной ответственности*»;

3) Мурада Ашуралиева (Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)) — «*Электронные доказательства в современном уголовном процессе России*»;

4. Валерия Яхункина (Самарский университет им. Королева) — «*Проблема понимания оснований возвращения прокурором уголовного дела для организации дополнительного расследования: теоретический и практические аспекты*»;

5) Ивана Богданова, Дианы Ли (Московская академия СК России имени А.Я. Сухарева) — «*Особенности методики расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность*»;

6) Варвары Костиной (МГУ им. М.В. Ломоносова) — «*Возможность использования программ модерации в социальных сетях и стриминговых сервисах для выявления, расследования и профилактики преступлений, характеризуемых травлей в Интернете*»;

7) Елизаветы Масневой (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) — «*Выявление признаков пропаганды отказа от деторождения как новая задача судебной экспертизы*»;

8) Арины Шурховецкой (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) — «*К вопросу о внедрении систем искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность: проблемы и перспективы*».

Затем работа конференции продолжилась в рамках секций по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике и судебной экспертизе. По результатам работы были отмечены дипломами молодые исследователи, подготовившие лучшие доклады:

- Алена Литвин, Анна Громова, Даниила Федонников, Елизавета Фирсова (Московская академия СК России имени А.Я. Сухарева);
- Виктория Михайлова, Андрей Матвеев (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);
- Вероника Борисюк, Интизор Эгамберганова (Московский финансово-юридический университет);
- Никита Ковалев (Российский технологический университет);
- Джамиля Чигирова (Саратовская государственная юридическая академия);
- София Ефимова, Анастасия Пензеник (Санкт-Петербургская академия СК России);
- Руслана Игнатенко (Ростовский филиал Российской таможенной академии);
- Эльмира Ибрагимова (Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)).

Также в рамках первого дня Форума состоялся II съезд Молодежной секции Международного союза криминалистов, который провели руководитель Молодежной секции Международного союза криминалистов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Константин Михайлович Богатырев**, а также исполняющий обязанности руководителя Молодежной секции Международного союза криминалистов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Сергей Анатольевич Пичугин**.

Во второй день Форума, 25 ноября, в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева состоялся конкурс профессионального мастерства «Формула следственной истины».

На открытии конкурса выступила декан факультета подготовки криминалистов, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции Елена Вячеславовна Иванова и подчеркнула высокую важность проведения подобных мероприятий, так как они учат молодых специалистов работе в команде, сотрудничеству, распределению ролей, а самое главное — применению теоретических знаний на практике.

В конкурсе приняли участие восемь команд из четырех городов России.

1. Команда Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева — «Левое полушарие права», Москва, Россия
2. Команда Тверского государственного университета — «Юрфак ТвГУ», Тверь, Россия
3. Команда Саратовской государственной юридической академии — «Шепот закона», Саратов, Россия
4. Команда Университета прокуратуры Российской Федерации — «Университет прокуратуры», Москва, Россия
5. Команда Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя — «КримЛеди и Я», Москва, Россия
6. Команда Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя — «Охотники за заключениями», Москва, Россия
7. Команда Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева — «Формула правосудия», Москва, Россия
8. Команда Санкт-Петербургской академии Следственного комитета — «Юридическая сила», Санкт-Петербург, Россия

В качестве членов жюри выступили преподаватели ведущих вузов страны:

Юлия Анатольевна Дронова — доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Алексей Александрович Ильюхов — доцент кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции;

Виктория Александровна Коглина — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, капитан полиции;

Наталья Ивановна Кузнецова — доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент;

Юлия Николаевна Михайлова — доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент;

Ирина Олеговна Несмиянова — старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Наталья Сергеевна Пономарева — доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции;

Светлана Александровна Саакова — ассистент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Российской государственной университета правосудия имени В.М. Лебедева;

Элина Сергеевна Сарыгина — доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, капитан юстиции;

Ольга Александровна Харламова — начальник кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

В рамках конкурса командам предстояло выполнить практические задания на четырех станциях.

1. «Школа уголовного права» — уголовное право. Участники решали нестандартные задачи на квалификацию преступлений за ограниченный промежуток времени, попробовали себя в роли как стороны защиты, так и стороны обвинения. Дискуссии были действительно жаркими!

2. «Процессуальный дебют» — уголовный процесс. Задания на данной станции были нацелены на проверку знаний в области уголовного процесса; не последнюю роль играла внимательность участников, так как им предстояло за ограниченное время найти около 20 процессуальных ошибок в протоколе осмотра моноблока.

3. «Кримполигон» — криминалистика. Эта станция доставила участникам наибольшее количество впечатлений, ведь на ней было настоящее театральное представление от курсантов магистратуры Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, сопровождавшее следственное действие « обыск», которое за ограниченное время было необходимо осуществить командам в условиях, максимально приближенных к реальным.

4. «Отпечаток гения» — судебная экспертиза. На этой станции участникам предстояло решить реальную экспертную задачу — определить последовательность нанесения на лист бумаги печати и тонера посредством использования метода влажного копирования.

По итогам командного первенства победителем конкурса стала команда Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева «Левое полушарие права», почетное второе место заняла команда Санкт-Петербургской академии Следственного комитета «Юридическая сила», а третье место было отдано яркому женскому коллективу Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя «КримЛеди и Я».

Также призом зрительских симпатий была отмечена команда Саратовской государственной юридической академии «Шепот закона», а остальным участникам были вручены утешительные призы. Всем призерам и участникам были вручены фирменные подарки от Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Помимо конкурса, для участников были организованы интересные мастер-классы.

Мастер-класс «Криминальные татуировки. История возникновения и соответствие криминальной иерархии», который провел действующий сотрудник МВД России, старший эксперт криминалистического центра УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве, майор полиции и ассистент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Дмитрий Анатольевич Тюхтин**.

Мастер-класс «Мобильный криминалист», на котором курсанты 2-го курса магистратуры Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева **Александра Николаевна Дружинина** и **Павел Олегович Тимаев** в реальном времени показали возможности данного программного обеспечения для выгрузки криминалистически значимой информации с устройств с различными операционными системами — iOS и Android.

Сфера действия уголовно-правового запрета об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в свете примечания к ст. 238 УК РФ

Кристина Максимовна Тимченко

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

E-mail: d.chirkovaaa05@mail.ru

Дарья Дмитриевна Чиркова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

E-mail: d.chirkovaaa05@mail.ru

Аннотация. В статье поднимаются проблемные вопросы, обусловленные введением примечания к ст. 238 УК РФ. Определяется соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга». На основе судебной практики выявляются трудности квалификации деяний, совершаемых в рамках медицинской деятельности, не отвечающей требованиям безопасности. Предлагается уточнение примечания к ст. 238 УК РФ.

Ключевые слова: охрана здоровья, медицинская помощь, медицинская услуга, медицинский работник, требования безопасности, причинение вреда, уголовная ответственность.

Для цитирования: Тимченко К.М., Чиркова Д.Д. Сфера действия уголовно-правового запрета об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в свете примечания к ст. 238 УК РФ // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 9–13.

The scope of the criminal law prohibition on providing services that do not meet safety requirements, in light of the note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation

Kristina M. Timchenko

Saratov state law academy, Saratov, Russia

E-mail: d.chirkovaaa05@mail.ru

Darya D. Chirkova

Saratov state law academy, Saratov, Russia

E-mail: d.chirkovaaa05@mail.ru

Abstract. The article raises problematic issues caused by the introduction of a note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article defines the relationship between the concepts of «medical assistance» and «medical service». Based on judicial practice, the article identifies difficulties in qualifying acts committed as part of medical activities that do not meet safety requirements. The article proposes a clarification of the note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: health protection, medical assistance, medical service, medical professional, safety requirements, harm, criminal liability.

For citation: Timchenko K.M., Chirkova D.D. The scope of the criminal law prohibition on the provision of services that do not meet Safety requirements in the light of the note to art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 9–13.

Исходя из смысла главы 25 УК РФ, при совершении преступлений, посягающих на здоровье населения и общественную нравственность, создается угроза причинения вреда не отдельно взятому человеку, а неопределенному кругу лиц.

В значительной степени общественно опасные проявления такого поведения связаны со сферой здравоохранения. Конституционный принцип, отраженный в ст. 41 Основного закона Российской Федерации, гласит, что каждый человек

имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь¹. Реализация данного права предполагает создание и функционирование надежного правового механизма, одним из элементов которого выступает институт здравоохранения, объединяющий медицинские организации, медицинских работников, а также осуществляемую ими деятельность.

В современности масштабы развития медицины столь значительны, что порождают огромное количество рисков как для здоровья пациентов, так и для медицинских работников, действия (бездействие) которых ввиду сложного характера осуществляющей ими деятельности не всегда оцениваются верно с юридической точки зрения. Риски, попадающие в поле зрения уголовного законодателя, минимизируются путем конструирования четких и понятных уголовно-правовых запретов. Однако, к сожалению, до настоящего времени ему не удалось создать нормы такого качества, которое, с одной стороны, обеспечивало бы надежную охрану прав и свобод пациента, а с другой — гарантировало бы правильную и единообразную квалификацию деяний медицинских работников. Как следствие, в отдельных случаях оценка правоприменителем ятрогенных проявлений идет вразрез с существом конкретных уголовно-правовых предписаний.

Особого внимания заслуживают положения ст. 238 УК РФ, устанавливающей ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Принципиальное значение для правильного ее применения имеет примечание, в соответствии с которым положения данной статьи не распространяются на действия медицинских работников по оказанию медицинской помощи. Включение в 2024 г. этой новеллы в текст уголовного закона существенно ограничило сферу применения ст. 238, в то время как, по

мнению Е. Павловой, «факты ненадлежащего оказания медицинской помощи, их негативные последствия постоянно привлекают внимание общественности» [3, с. 45]. Все это побуждает к более тщательному осмыслению обозначенного вопроса.

Прежде всего, нуждается в определении соотношение понятия «медицинская помощь», которое как раз и используется в примечании к ст. 238 УК РФ, с понятием «медицинская услуга». Под *медицинской помощью* Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» понимает комплекс мероприятий, ориентированных на поддержание и (или) восстановление здоровья и охватывающих предоставление медицинских услуг (п. 3 ст. 2, ст. 32). *Медицинская услуга* представляет собой медицинское вмешательство (комплекс таких вмешательств), направленное на профилактику, диагностику, лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющее законченный характер (п. 4 ст. 2)². Таким образом, по смыслу закона можно говорить о том, что медицинская услуга способна как входить в содержание медицинской помощи, так и оказываться вне ее, отдельно.

Анализируя соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», отдельные исследователи полагают, что ко второму виду указанной медицинской деятельности относятся только те услуги, которые оказываются на платной основе, предполагая существование договорных отношений [1, с. 91]. Однако такая позиция не находит подтверждения в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Кроме того, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» акцентирует внимание на том, что потерпевшим от такого преступления может быть любое лицо,

¹ Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 6 окт.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп. от 23.07.2025, № 261-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2025. № 23. Ст. 3009.

независимо от того, имело оно договорные отношения с организацией или нет¹.

Не следует рассматривать соотношение медицинской помощи и медицинской услуги и с точки зрения гражданского права, где указанные понятия, как правило, отождествляются. Подобный подход с учетом действующей редакции примечания к ст. 238 УК РФ во всех случаях блокирует применение данной статьи и идет вразрез с указанными ранее доводами о самостоятельном законченном характере медицинской услуги, допускающем ее предоставление как в рамках медицинской помощи, так и отдельно.

Оба понятия — «медицинская помощь» и «медицинская услуга» — предполагают медицинские манипуляции и медицинское вмешательство, но они различаются по характеру оказываемого воздействия. Применительно к медицинскому вмешательству в рамках медицинской помощи можно говорить о повышенных рисках в случае ее неоказания. Напротив, медицинское вмешательство в рамках отдельно взятой услуги, не связанной с оказанием медицинской помощи, в большей степени носит профилактический характер.

Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» устанавливает перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии, и относит к их числу медицинскую деятельность (п. 46 ч. 1 ст. 12)². Одновременно с этим Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет необходимость соблюдения лицензионных требований для осуществления медицинской деятельности (п. 2 ч. 2 ст. 87). Таким образом, согласно действующему законодательству, лицензированию подлежат все виды медицинской деятельности, в том числе связанной с предоставлением медицинских услуг вне рамок медицинской помощи

В перечень медицинских услуг Минздрав России включает, к примеру, косметологию³, в связи с чем закономерно возникает вопрос об ответственности лиц, которые в отсутствие медицинского образования оказывают медицинские услуги в области косметологии, не отвечающие требованиям безопасности, создавая тем самым реальную угрозу наступления негативных последствий для здоровья и жизни человека. До введения ранее упомянутого примечания подобные случаи оценивались в судебной практике на основании ст. 238 УК РФ. Так, вопреки доводу осужденной о том, что все процедуры пациентам она проводила немедицинской техникой, суд апелляционной инстанции оставил обвинительный приговор без изменений, поскольку виновная вводила клиентов в заблуждение относительно своей квалификации и оказывала медицинские услуги, повлекшие обезображивание и асимметрию лиц, образование корост и т.д.⁴ Следует отметить, что введенное примечание и сегодня не исключает оценки описанного деяния по ст. 238 УК РФ, поскольку лицо не являлось медицинским работником и на постоянной основе осуществляло медицинскую услугу, не связанную с оказанием медицинской помощи. Но даже если рассматривать случаи, где косметолог оказывает подобные услуги, будучи медицинским работником, то такие деяния все равно попадают, на наш взгляд, в сферу действия ст. 238 УК РФ, ведь речь идет об услуге вне оказания медицинской помощи. Таким образом, один лишь статус медицинского работника не исключает квалификации его социально вредного деяния по ст. 238 УК РФ. Здесь также нужно учитывать, какую именно деятельность он осуществляет — по оказанию медицинской помощи, включающей в себя медицинские услуги, или по оказанию медицинской услуги вне рамок медицинской помощи.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 2019. 3 июля.

² Федеральный закон от 04.04.2011 № 99-ФЗ (с изм. и доп. от 23.05.2025, № 115-ФЗ) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716; 2025. № 21. Ст. 2536.

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 13.10.2017 № 804н (с изм. и доп. от 24.09.2020, № 1010н) «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» (п. 5.2) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2017. 8 нояб.

⁴ Апелляционное постановление Архангельского областного суда от 15.06.2017 № 22 1481/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qFTnQDj14HN/?ysclid=mg5fkgrub6421661217> (дата обращения: 03.10.2025).

Итак, в силу примечания к ст. 238 УК РФ ответственность по ней исключается при одновременном наличии двух условий: услуги, не отвечающие требованиям безопасности, предоставляются (1) в рамках оказания медицинской помощи (2) медицинским работником. Столь категоричное сужение законодателем сферы действия анализируемой статьи вызывает серьезные сомнения.

Исходя из существа преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, ее применение возможно лишь тогда, когда лицо своим поведением не причиняет реального вреда здоровью либо жизни пациента, а лишь создает угрозу причинения такого вреда (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»). По мнению Л.В. Канунниковой и Н.А. Морозовой, о реальной опасности оказываемых услуг свидетельствует такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могло привести к тяжким последствиям [2, с. 52].

Особенно высоки риски умышленного оказания некачественной медицинской помощи в рамках медицинской деятельности, осуществляющей на платной основе. Ведь в подобных случаях у медицинских работников нередко имеется материальная заинтересованность, выраженная, например, в назначении излишних процедур или манипуляций. Если следствием такого поведения становится причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти пациента по неосторожности, то в рамках действующего УК РФ содеянное может быть оценено лишь по ст. 109. Однако положения данной статьи учитывают только наступившие по неосторожности общественно опасные последствия и оставляют без какой-либо реакции умышленный характер оказания некачественной медицинской помощи, заведомо не отвечающей требованиям безопасности. Наконец, в отдельных случаях, когда правоприменителем не будет установлена причинная связь между умышленным некачественным оказанием медицинской помощи и наступившими

тяжкими последствиями, основание для уголовной ответственности медицинского работника вовсе отсутствует.

Приведем пример из судебной практики. Виновная осуждена по ч. 1 ст. 238 УК РФ за то, что, будучи врачом — акушером-гинекологом клиники, стремясь к получению материальной выгоды, настолько на проведении операции своей пациентке с учетом имеющихся хирургических и анестезиологических рисков. Исходя из содержания приговора суда, потерпевшая, изначально не имевшая каких-либо жалоб, обратилась к данному специалисту в целях диагностики состояния своего здоровья. Виновная, будучи осведомленной о малых размерах выявленного образования на левом яичнике, заведомо зная, что в конкретной ситуации достаточно регулярного наблюдения и контрольных исследований, все равно настолько на проведении операции. Примененное во время оперативного вмешательства анестезиологическое средство вызвало у пациентки синдром Мендельсона, который явился причиной ее смерти. Таким образом, у врача не было прямых показаний для оперативного вмешательства, и отказ от него не ухудшил бы самочувствие пациентки. К тому же, учитывая анализ состояния здоровья потерпевшей, виновная не могла не понимать реальную угрозу наступления данного исхода, но из корыстных побуждений продолжила реализацию своего замысла. В этом и прослеживается умысел врача на совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ¹. Хотя причинно-следственная связь содеянного с последствиями в виде смерти потерпевшей правоприменителем не установлена, подобная квалификация позволила дать оценку самому факту умышленного оказания медицинской помощи, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья пациентов.

Подобный случай является подтверждением мысли законодателя о том, что в рамках ст. 238 УК РФ имеет место только умышленное деяние: в отношении деяния всегда предполагается умысел, в отноше-

¹ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 09.10.2024 № 22-2209/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KK3vLOxQkAV4/> (дата обращения: 05.10.2025).

ний последствий (если они наступают) допускается неосторожность, но в целом преступление признается совершенным умышленно (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Подведем итоги. В силу примечания к ст. 238 УК РФ ее действие не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, что не позволяет адекватно оценивать целый ряд социально опасных проявлений такого рода деятельности. Решение обозначенной проблемы видится в следующем:

- во-первых, для правильного определения сферы действия анализируемого уголовно-правового запрета необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснениями, касающимися толкования и разграничения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», с тем чтобы уже сегодня по ст. 238 УК РФ можно было квалифицировать случаи оказания не отвечающих требованиям безопасности медицинских услуг при условии, что их предоставление не связано с медицинской помощью (предложение *de lege lata*);
- во-вторых, примечание к ст. 238 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, не связанной с умышленным отклонением от требований безопасности» (предложение *de lege ferenda*).

Реализация сформулированных предложений позволит давать обоснованную и справедливую уголовно-правовую оценку поведению недобросовестных медицинских работников и будет способствовать единобразному применению норм ст. 238 УК РФ на практике.

Список источников

1. Аськов Н.Н., Петрова Т.Н. О разграничении составов преступлений,

предусмотренных статьями 109, 118 и 238 УК РФ, в применении к медицинским работникам: сравнительно-правовой анализ // Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД России. 2023. № 4(100). С. 87—97.

2. Канунникова Л.В., Морозова Н.А. Уголовное преследование за ненадлежащее оказание медицинской помощи по ст. 238 УК РФ: обзор судебной практики / Мед. право. 2021. № 6. С. 51—56.

3. Павлова Е.В. Ятрогенные преступления: сложности доказывания // Законность. 2025. № 7(1089). С. 45—51. EDN BOCIFL.

References

1. Askov N.N., Petrova T.N. On the delineation of the elements of crimes under Articles 109, 118, and 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, as applied to medical professionals: a comparative legal analysis // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4(100). P. 87—97.

2. Kanunnikova L.V., Morozova N.A. Criminal prosecution for improper medical care under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation: a review of judicial practice // Medical Law. 2021. No. 6. P. 51—56.

3. Pavlova E.V. Iatrogenic Crimes: Difficulties in Proving // Legality. 2025. No. 7(1089). P. 45—51.

Информация об авторах

К.М. Тимченко, Д.Д. Чиркова — студентки Саратовской государственной юридической академии.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

K.M. Timchenko, D.D. Chirkova — students at the Saratov State Law Academy.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с генерацией синтетических порнографических материалов с использованием технологий ИИ: квалификация и границы уголовной ответственности

Елизавета Борисовна Чумаевская

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: fedotovaliza0019@gmail.com

Аннотация. В статье комплексно анализируются уголовно-правовые проблемы, возникающие при квалификации преступлений, связанных с генерацией синтетических порнографических материалов с использованием искусственного интеллекта, в частности, при их распространении среди несовершеннолетних в целях влечения в проституцию. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов к регулированию данной категории преступлений в странах ЕС, США, Великобритании, Канаде и Австралии.

Ключевые слова: синтетические порнографические материалы, искусственный интеллект, deepfake, сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, цифровые технологии.

Для цитирования: Чумаевская Е.Б. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с генерацией синтетических порнографических материалов с использованием технологий ИИ: квалификация и границы уголовной ответственности // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 14–20.

Criminal law characteristics of crimes related to the generation of synthetic pornographic materials using AI Technologies: qualification and limits of criminal liability

Elizaveta B. Chumaevskaya

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint Petersburg, Russia

E-mail: fedotovaliza0019@gmail.com

Abstract. The article comprehensively analyzes the criminal law issues that arise when qualifying crimes related to the generation of synthetic pornographic materials using artificial intelligence, particularly when they are distributed among minors for the purpose of engaging them in prostitution. Special attention is paid to a comparative analysis of approaches to regulating this category of crimes in the EU countries, the USA, the UK, Canada, and Australia.

Keywords: synthetic pornographic materials, artificial intelligence, deepfake, sexual exploitation of minors, digital technologies.

For citation: Chumaevskaya E.B. Criminal and legal characteristics of crimes related to the generation of synthetic pornographic materials using AI technologies: qualifications and boundaries of criminal responsibility // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 14–20.

Развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) в последние годы создает беспрецедентные вызовы для системы уголовного правосудия и национальной системы защиты прав детей. Если еще пять лет назад создание реалистичных синтетических порнографических материалов требовало значительных технических навыков, специального оборудования и продолжительного времени, то в 2024—2025 гг.

практически любой человек, имеющий доступ в Интернет, может за считанные минуты создать гиперреалистичное синтетическое изображение или видео, якобы изображающее сексуальные действия несовершеннолетнего или взрослого лица. Эта технологическая революция происходит в то время, когда система уголовного права еще не выработала адекватного правового ответа на новые формы преступной деятельности.

Согласно данным, полученным от международных организаций по защите детей, начиная с 2023 г. синтетические материалы сексуального содержания стали активно использоваться преступниками для создания детской порнографии, манипуляции жертвами и вовлечения несовершеннолетних в коммерческую сексуальную эксплуатацию [5]. При этом в подавляющем большинстве национальных уголовных законодательств, включая РФ, отсутствуют специальные нормы, прямо предусматривающие уголовную ответственность за создание синтетических порнографических материалов с использованием ИИ-технологий. Российское уголовное законодательство содержит лишь традиционные нормы об ответственности за производство, распространение и демонстрацию порнографических материалов, предусмотренные ст. 242 УК РФ, и производство и обращение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, предусмотренные ст. 242.1 УК РФ. Однако эти нормы были разработаны в эпоху, предшествующую массовому распространению генеративного ИИ, и содержат существенные пробелы при их применении к синтетическому контенту, созданному с использованием компьютерных технологий.

Динамичное развитие технологий ИИ опережает темпы развития правовой базы, что создает правовой вакуум, в котором преступники могут действовать с относительной безнаказанностью. Использование синтетических материалов для вовлечения несовершеннолетних в проституцию представляет особую общественную опасность, поскольку позволяет преступникам манипулировать жертвами без необходимости создания реальных компрометирующих материалов, что ранее требовало прямого участия детей в сексуальных действиях. Практика правоохранительных органов уже сталкивается с применением таких материалов в преступной деятельности, однако отсутствие четких правовых норм затрудняет эффективное

расследование и судебное преследование [1].

Вопросы правового регулирования deepfake технологий и синтетических материалов в целом рассматривались в российской и зарубежной правовой науке преимущественно в контексте защиты персональных данных, прав на изображение и чести, достоинства¹. Однако специального комплексного исследования уголовно-правовых аспектов синтетической детской порнографии и использования такой порнографии для вовлечения несовершеннолетних в проституцию в российской науке уголовного права не проводилось, несмотря на растущую право-применительную практику. Вместе с тем ведущие страны мира активно принимают специальное законодательство, направленное на криминализацию таких действий.

При анализе действующего УК РФ становится очевидным наличие пробелов в регулировании преступлений, совершаемых с использованием ИИ-технологий. Статья 242 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное производство, перевозку и распространение порнографических материалов или предметов. Квалифицирующие признаки по ч. 2 ст. 242 УК РФ включают распространение, публичную демонстрацию или рекламу порнографических материалов несовершеннолетним, вовлечение несовершеннолетнего в обращение порнографических материалов, совершение действий группой лиц с предварительным сговором или организованной группой, использование средств массовой информации, включая Интернет, и извлечение крупного дохода. Статья 242.1 УК РФ предусматривает ответственность за производство и обращение материалов или предметов с порнографическими изображениями лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Однако обе эти нормы содержат существенные неясности при их применении к

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 29 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.10.2025).

синтетическому контенту. Наиболее значимый пробел состоит в отсутствии четкого определения понятия «синтетические порнографические материалы» или «deepfake порнография» в законодательстве РФ. Законодатель исходит из традиционного понимания, что порнографический материал содержит изображение реальных людей, совершающих реальные сексуальные действия. При применении норм ст. 242 и 242.1 УК РФ к синтетическому контенту возникает принципиальный вопрос: является ли синтетический материал, полностью сгенерированный ИИ без использования реального прототипа, объектом уголовно-правовой охраны в соответствии с указанными нормами?

Такие же неясности вопроса о субъекте преступления при использовании ИИ-систем. Кто несет уголовную ответственность: конечный пользователь, использующий нейросетевой алгоритм для создания синтетического изображения, разработчик программного обеспечения, создавший ИИ-систему, или администратор интернет-сервиса, предоставляющего доступ к генеративному ИИ? Действующее законодательство не проводит такого разграничения, что создает неопределенность при привлечении к ответственности различных участников преступной деятельности. Также возникают вопросы ответственности разработчика ИИ-сервиса, если пользователь обходит правила пользовательского соглашения и задает скрытый запрос для генерации порнографического контента.

Третий существенный пробел состоит в отсутствии специальных норм, прямо предусматривающих уголовную ответственность за использование синтетического контента для манипуляции несовершеннолетними в целях вовлечения в проституцию. Статья 240 УК РФ устанавливает ответственность за склонение несовершеннолетнего к занятию проституцией, однако норма охватывает традиционные методы склонения и не предусматривает явным образом использование deepfake в целях шантажа, угрозы распро-

странения компрометирующего материала или психологического давления.

Типичный сценарий преступной деятельности предполагает создание синтетического материала, якобы изображающего самого несовершеннолетнего в сексуальных ситуациях, отправку этого материала жертве, предъявление угрозы распространения и, как следствие, вовлечение в коммерческую сексуальную эксплуатацию. При этом появляется вопрос о том, как квалифицировать такие действия в рамках существующего УК РФ.

Также проблемным аспектом является вопрос наличия потерпевшего. Если синтетический материал создан полностью с помощью ИИ и не изображает конкретного реального несовершеннолетнего, но изображает лицо, условно выглядящее как несовершеннолетний, вопрос о наличии потерпевшего остается сложным. Является ли потерпевшим реальное лицо, чье биометрическое изображение использовано без согласия при создании синтетического материала? [2]. Или потерпевший должен присутствовать только в тех случаях, когда существует реальный прототип в виде конкретного несовершеннолетнего? А если изображение было взято из открытых источников и стало очевидным прототипом для создания контента? Эта проблема имеет принципиальное значение для уголовного права, поскольку наличие потерпевшего является одним из элементов состава преступления.

При применении существующих норм УК РФ к синтетическим порнографическим материалам возникает проблема множественности преступлений и конкуренции норм. Типичная схема использования синтетического контента для вовлечения несовершеннолетнего в проституцию включает несколько этапов:

- создание синтетического материала (ст. 242 или 242.1 УК РФ);
- распространение материала (ст. 242 или 242.1 УК РФ как отдельное действие);
- использование материала для угрозы или психологического давления

- (может квалифицироваться по ст. 133 УК РФ);
- вовлечение в проституцию (ст. 240 УК РФ);
 - вовлечение в совершение преступления (ст. 150 УК РФ);
 - при требовании денежных средств возможна квалификация по ст. 163 УК РФ.

При наличии совокупности преступлений следует руководствоваться ст. 17 УК РФ, которая предусматривает, что при совокупности преступлений, предусмотренных разными статьями, назначается наказание отдельно за каждое преступление с последующим сложением наказаний. Однако если одно преступление является средством совершения другого, квалификация проводится по одной статье, предусматривающей более суровое наказание.

Относительно мотивации преступной деятельности выявляются три основных мотива. Первый мотив — *сексуальное удовлетворение*. Для лиц, страдающих педофилией или другими парафилиями, основной мотив остается сексуальным. ИИ-технология позволяет им получить доступ к запрещенному контенту и удовлетворить девиантные сексуальные потребности без прямого вовлечения реальных детей, что они воспринимают как средство защиты от уголовного преследования. Второй мотив — *материальная выгода*. Значительная часть преступников мотивированы финансовым получением. Синтетические материалы используются для вымогательства денежных средств у жертв под угрозой распространения материала, вовлечения несовершеннолетних в «сексуальный бизнес», включая киберпроституцию и производство реального порнографического контента, а также продажи материалов в подпольных сетях. Третий мотив — *манipуляция и контроль*. Использование синтетического материала в качестве инструмента психологического давления на жертву позволяет преступнику создать видимость компрометирующего материала, якобы изоб-

ражающего саму жертву, что дает преступнику возможность получить полный контроль над ней и принудить совершать различные действия.

Процесс совершения такого рода преступлений заключается в следующих этапах. Первый этап предполагает сбор информации о жертве. Преступник выбирает целевую жертву через социальные сети, школьные группы, игровые сообщества, блоги. На этом этапе собираются фотографии лица жертвы, фигуры, информация о ее интересах, уязвимостях и окружении. Второй этап включает создание синтетического материала. Используя услуги доступных онлайн-сервисов генерирования (Stable Diffusion, Midjourney и т.д.) или более специализированных приложений для автоматического «раздевания» и видеосинтеза, преступник создает синтетический материал, якобы изображающий жертву в сексуальных ситуациях [3]. Третий этап состоит в использовании материала для манипуляции. Синтетический материал отправляется жертве с сопровождающими сообщениями. На четвертом этапе осуществляется принуждение. На основе психологического давления жертва при нуждается к отправке реальных фотографий и видео сексуального характера, совершению реальных сексуальных действий на видеокамеру, согласию на физическую встречу для совершения сексуальных действий, предоставлению денежных средств. Пятый этап предполагает вовлечение в организованную проституцию. После завоевания контроля над жертвой преступник может вовлечь ее в организованную коммерческую сексуальную эксплуатацию, нередко с участием организованной группы или преступной сети.

Международный опыт идет по пути криминализации данных деяний. ЕС принял Директиву о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2024), которая требует от государственных членов криминализировать создание и распространение сексуальных deepfake

изображений¹. В соответствии с этой Директивой преступлением признается создание или модификация изображения, которые изображают лицо, занятое в сексуальной деятельности, и которые будут восприняты как подлинные, совершенные с намерением причинить вред потерпевшему. Ключевой особенностью является криминализация как создания, так и распространения синтетического контента, применимость к взрослым и детям и включение субъективного элемента в виде намерения причинить вред.

США приняли первый федеральный закон о криминализации синтетических интимных изображений, известный как The Take it Down Act, подписанный президентом в 2025 г.² Ключевые элементы этого закона включают криминализацию сознательной публикации синтетических интимных изображений миноров или взрослых без согласия и требование к платформам удалять контент в течение 48 часов после уведомления. К 2025 г. 48 из 50 американских штатов приняли собственное законодательство о deepfake. Калифорния криминализировала создание и распространение синтетического сексуального контента, вызывающего эмоциональные страдания [4]. Нью-Йорк запретил распространение синтетических сексуальных изображений без согласия. Мичиган, став 48-м штатом, принявшим такое законодательство, предусмотрел ответственность за создание такого контента и размещение в интернете.

Великобритания внесла поправки в Criminal Justice Bill (2024), введя новый состав преступления по фальсификации интимных фотографий или видео с использованием цифровых технологий³.

¹ Директива Европейского Союза о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2024/1713/EU) // Официальный журнал Европейского Союза. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 28.10.2025).

² Закон «The Take it Down Act (Инструменты для противодействия известной эксплуатации посредством блокировки технологических дипфейков на сайтах и в сетях)» // Конгресс США: официальный сайт. URL: <http://www.congress.gov/> (дата обращения: 28.10.2025).

³ Законопроект Criminal Justice Bill 2024 (Поправка по «фальсификации интимных фотографий или видеоматериалов с использованием цифровых технологий») // Парламент Великобритании: официальный сайт. URL: <https://bills.parliament.uk/> (дата обращения: 28.10.2025).

Одновременно Online Safety Act 2023 требует от платформ удалять порнографический контент, включая deepfake⁴.

Канада криминализировала создание и распространение синтетической детской порнографии в рамках обновления Уголовного кодекса, определив это как серьезное преступление против детей с применением строгих санкций, включая регистрацию в реестре сексуальных преступников. Австралия приняла Criminal Code Amendment (Deepfake Sexual Material) Bill (2024—2025), криминализирующий передачу через Интернет сексуальных материалов (deepfake), созданных без согласия⁵.

Лансаротская конвенция Совета Европы, ратифицированная РФ в 2013 г., в своем Пояснительном докладе указывает, что определение детской порнографии включает полностью синтетический контент, созданный с использованием компьютерных технологий⁶. Практика Лансаротского комитета в 2019—2020 гг. выпустила специальное Мнение, согласно которому государства-участники обязаны криминализировать производство синтетической детской порнографии, распространение и обладание такой порнографией, использование синтетического контента для сексуальной эксплуатации и вовлечения в проституцию⁷.

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, также требует криминализации всех форм материалов, изображающих сексуальное использование детей, включая синтетические мате-

⁴ Закон Online Safety Act 2023 // Законодательство Великобритании: официальный сайт. URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁵ We Protect Global Alliance. Искусственный интеллект и «Gen AI»: риски для детей // We Protect. 2025. URL: <http://www.weprotect.org/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁶ Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (Лансаротская конвенция): подписана в г. Лансароте 25 октября 2007 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://treaties.un.org/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁷ Lanzarote Committee. Отчет по мониторингу исполнения Лансаротской конвенции // Совет Европы: официальный отчет. 2022. URL: <http://www.coe.int/> (дата обращения: 28.10.2025).

риалы, указывая, что понятие «детская порнография» охватывает «любое представление, в любом виде ребенка, занятого в реальной или имитируемой откровенно сексуальной деятельности, или любое представление сексуальных органов ребенка в целях главным образом сексуального характера»¹.

При совершенствовании уголовного законодательства РФ требуется дать четкое определение понятия синтетического порнографического материала — это материал (изображение, видео, звукозапись), полностью или частично созданный с использованием технологий ИИ, компьютерной графики или иных цифровых технологий, который изображает реальное или вымышленное лицо в качестве несовершеннолетнего, занятое в сексуальной деятельности, и создает впечатление подлинности или реальности происходящего.

Необходимо изменение ст. 242 УК РФ путем дополнения ее указанием на синтетические материалы с введением повышенной ответственности: «совершение преступления с использованием синтетических, модифицированных или генерированных технологиями искусственного интеллекта материалов» с повышением санкций за такие действия.

Одновременно требуется существенное расширение и уточнение ст. 242.1 УК РФ. Следует добавить примечание, которое определяет синтетические материалы и их признаки, а также расширить объем криминализации, включив обладание материалами, что соответствует требованиям Лансаротской конвенции².

Целесообразно введение новой специальной статьи в УК РФ, предусматривающей ответственность за использование синтетических порнографических мате-

риалов для вовлечения несовершеннолетних в проституцию: «1. Использование синтетических порнографических материалов, изображающих несовершеннолетнего или лицо, изображаемое как несовершеннолетний, в целях вовлечения этого несовершеннолетнего в занятие проституцией путем угрозы распространения такого материала, шантажа или психологического манипулирования. 2. При вовлечении в совершение иных преступлений сексуального характера».

Статья 133 УК РФ должна быть дополнена квалифицирующим признаком, касающимся совершения преступления с использованием синтетических порнографических материалов или материалов, якобы изображающих потерпевшего в сексуальных ситуациях, с повышением предусмотренных санкций.

На уровне развития административного и цифрового законодательства необходимо дополнение ФЗ № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» требованиями по блокировке контента, содержащего синтетические порнографические материалы с изображением несовершеннолетних, установлением обязанности интернет-провайдеров отвечать на запросы о выявлении источников синтетического контента и установлением ответственности провайдеров за отсутствие фильтрации такого контента³.

На государственном уровне необходимо разработать Концепцию государственной политики в области регулирования ИИ, включая требования к разработчикам генеративного ИИ о включении фильтров против создания синтетической детской порнографии. Введение системы маркировки синтетического контента с обязательным обозначением всего ИИ-генерированного контента специальными метаданными. Требуется разработка порядка сертификации ИИ-систем по критериям безопасности и предотвращения преступного использования.

¹ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.ohchr.org/> (дата обращения: 28.10.2025).

² Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (Лансаротская конвенция): подписана в г. Лансароте 25 октября 2007 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://treaties.un.org/> (дата обращения: 28.10.2025).

³ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 29 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2025).

Следует установить четкие обязанности интернет-платформ относительно синтетического контента:

- раскрытие исходных метаданных материалов при запросе следственных органов; удаление синтетического порнографического контента в течение 24—48 часов после уведомления;
- предоставление информации об авторах и распространителях по запросам правоохранительных органов;
- содержание номеров горячих линий для сообщений о преступном контенте.

Таким образом, развитие генеративных ИИ-технологий создает новый вид преступлений, которые требуют адекватного уголовно-правового регулирования. Синтетические порнографические материалы, особенно используемые для вовлечения несовершеннолетних в проституцию, представляют серьезную угрозу для защиты детей и требуют комплексного подхода со стороны государства. Анализ действующего УК РФ выявил существенные пробелы, которые затрудняют эффективное противодействие таким преступлениям.

Предлагаемые изменения УК РФ направлены на криминализацию создания, распространения и обладания синтетическими порнографическими материалами, установление повышенной ответственности при использовании ИИ-технологий, специальную криминализацию использования синтетического контента для вовлечения в проституцию, четкое определение круга ответственных лиц. Только комплексный подход может эффективно противодействовать новым формам сексуальной эксплуатации детей в цифровую эпоху и обеспечить надлежащую защиту прав и интересов несовершеннолетних.

Список источников

1. Демкин В.О. Deepfakes: Поиск модели правового регулирования // Высш. школа экономики: электронный журнал. URL: <https://lida.hse.ru/> (дата обращения: 28.10.2025).

2. Жарова А.К. Интернет-провайдеры как субъекты профилактики сексуальных преступлений в сети Интернет // Рос. журн. по правоприменению. 2023. Т. 7, № 1. С. 72—82.

3. Теркович Ж.Л. Новая опасность: материалы сексуального насилия над детьми, сгенерированные искусственным интеллектом // NIU Law Review. 2025. Т. 45, № 3. С. 612—657.

4. Romero Moreno F. Generative AI and Deepfakes: A Human Rights-Based Approach to Regulation in the EU // Journal of Law and Society. 2024. Vol. 51, No. 3. P. 445—475.

5. McGlynn C. Pornography, the Online Safety Act 2023, and the Need for Regulation // New Media & Society. 2024. Vol. 26, No. 7. P. 1845—1861.

References

1. Demkin V.O. Deepfakes: Searching for a Model of Legal Regulation // Higher School of Economics: Electronic Journal. URL: <https://lida.hse.ru/> (accessed: 28.10.2025).

2. Zharova A.K. Internet Service Providers as Subjects of Prevention of Sexual Crimes on the Internet // Russian Journal of Law Enforcement. 2023. Vol. 7, No. 1. P. 72—82.

3. Terkovich Zh.L. The New Danger: AI-Generated Sexual Abuse Materials for Children // NIU Law Review. 2025. Vol. 45, No. 3. P. 612—657.

4. Romero Moreno F. Generative AI and Deepfakes: A Human Rights-Based Approach to Regulation in the EU // Journal of Law and Society. 2024. Vol. 51, No. 3. P. 445—475.

5. McGlynn C. Pornography, the Online Safety Act 2023, and the Need for Regulation // New Media & Society. 2024. Vol. 26, No. 7. P. 1845—1861.

Информация об авторе

Е.Б. Чумаевская — курсант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета.

Information about the author

Е.Б. Chumaevskaya — Cadet of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee.

Электронные доказательства в современном уголовном процессе России

Мурад Рабазанович Ашуралиев

Северо-Кавказский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Махачкала, Россия

E-mail: muradasuraliev06@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей электронных доказательств в уголовном судопроизводстве современной России. В статье изучаются роль и значение электронных доказательств в современной правоприменительной практике. В целях решения проблемы необходимости законодательного закрепления понятия названных доказательств, отнесения их к одному из видов доказательств, перечень которых содержится в УПК РФ, предоставляется сравнительный анализ мнений отечественных исследователей. Рассматриваются вопросы о надлежащем способе получения электронных доказательств с позиции Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики.

Ключевые слова: электронные доказательства, УПК РФ, электронные носители, цифровые данные, электронные сведения.

Для цитирования: Ашуралиев М.Р. Электронные доказательства в современном уголовном процессе России // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 21–25.

Electronic evidence in the modern Russian criminal procedure

Murad R. Ashuraliev

North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(Russian Ministry of Justice), Makhachkala, Russia

E-mail: muradasuraliev06@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the features of the study of electronic evidence in the criminal proceedings of modern Russia. The article studies the role and significance of electronic evidence in modern law enforcement practice. In order to solve the problem of the need for legislative consolidation of the concept of these evidence, their classification as one of the types of evidence, the list of which is contained in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a comparative analysis of the opinions of domestic researchers is presented. The article discusses the proper method of obtaining electronic evidence from the perspective of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice.

Keywords: electronic evidence, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, electronic media, digital data, and electronic information.

For citation: Ashuraliev M.R. Electronic Evidence in Modern Russian Criminal Procedure // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 21–25.

Современная жизнь немыслима без компьютерных данных, цифровых сервисов и электронного обслуживания. Стремительное развитие технологий электронного обмена информацией трансформирует характер социальных взаимодействий настолько быстро, что правовые нормы как инструмент регулирования общественных процессов зачастую отстают от происходящих изменений. Цифровые системы фиксации, сохранения и распространения данных проникли фак-

тически во все сферы деятельности судебных органов и правоохранительных структур, затронув в том числе процессуальные аспекты уголовного судопроизводства.

Развитие современных методов расследования и выявления правонарушений напрямую связано с растущим применением передовых технологий преступниками в киберпространстве. Данная ситуация выдвигает требование детального законодательного закрепления цифровых

доказательств как процессуального института: необходимо четко определить, что представляют собой такие доказательства, откуда они происходят и каким образом должен выстраиваться доказательственный процесс в уголовных дела. Возникновение инновационных способов сохранения данных побуждает к созданию усовершенствованных технологий для выявления и анализа улик по преступлениям, совершающим посредством цифровых устройств и интернет-ресурсов.

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, установленном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Из теории уголовно-процессуального права [3, с. 83] нам известно, что все доказательства должны отвечать определенным свойствам, таким как *относимость, допустимость, достоверность и — в своей совокупности — достаточность*. Доказательство утрачивает юридическую силу при отсутствии хотя бы одного из перечисленных признаков. Критерий *достоверности* подразумевает, что информация базируется на реальных фактах, исключая любые гипотезы или домыслы. Процессуальная форма определяет допустимость через три ключевых требования:

- соблюдение установленного уголовно-процессуальным правом порядка получения данных;
- наличие полномочий у лица, осуществляющего сбор информации;
- использование законного информационного источника.

Признак *относимости* характеризует связь собранной информации — непосредственную либо опосредованную — с фактическими обстоятельствами, требующими установления в рамках дела.

УПК РФ не выделяет электронные доказательства как самостоятельную категорию (это следует из положений ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Тем не менее, анализируя текст Кодекса, можно найти разрозненные упоминания электронных информационных носителей, например, в ч. 4 ст. 81 и ст. 81.1. Возникает вопрос: не свидетельствует ли это о формировании нового доказательственного вида в рамках уголовного процесса? А может, согласно положениям ч. 4 ст. 81, ст. 81.1 и подп. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, их следует рассматривать как подкатегорию вещественных доказательств? Позиция А.М. Баранова по данному вопросу заслуживает особого внимания. В одной из своих работ он [1, с. 64], критикуя становление нового вида доказательств, отмечает, что электронные доказательства после их приобщения к материалам уголовного дела становятся вещественными и воспроизводятся в обобщенном виде на материальном носителе. Вполне справедливо М.И. Воронин критикует иные доказательства. Так, он [2, с. 81], придерживаясь концепции о введении в УПК РФ нового вида доказательств, приходит к выводу, что иные доказательства не учитывают как специфику электронного носителя информации, так и специфику их собирания, исследования и оценки.

Чтобы разобраться в этом вопросе максимально глубоко, прежде всего, следует выяснить сущность электронных доказательств. Согласно позиции П.С. Пастухова, под ними понимается информация в электронном виде или зафиксированная электронными средствами, отвечающая установленным в уголовно-процессуальном законодательстве критериям доказательств и служащая целям выяснения обстоятельств преступления. На сегодняшний день отсутствует их законодательное выделение в самостоятельную категорию доказательств в рамках уголовного судопроизводства — они классифицируются в группу прочих документов, что порождает трудности как в нормативном закреплении, так и в применении на практике.

В современных условиях, как было указано ранее, отсутствует универсальная трактовка термина «электронные доказательства».

Вместе с тем следует отметить, что в УПК РФ в 2012 г. были включены дополнения, закрепившие термин «электронные носители информации» — именно они выступают источниками доказательств в цифровом формате. Тем не менее данная проблематика сохраняет свою значимость по сей день, поскольку результативность процессуальных действий при работе с доказательствами электронного характера продолжает оставаться недостаточной.

Если рассмотреть гипотетическую ситуацию законодательного признания таких сведений отдельной категорией доказательств, потребуется четко разграничить несколько ключевых терминов: само устройство для хранения данных в электронной форме; информацию, зафиксированную на таком устройстве; сообщения, циркулирующие через каналы электросвязи, включая электронную переписку. К тому же с позиции юриспруденции считать подобные материалы полноценными доказательствами было бы ошибочно, учитывая, что ч. 2 ст. 74 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень допустимых доказательств.

Авторами предлагается включить в ст. 5 УПК РФ новый п. 63 со следующей формулировкой: «Электронный носитель информации представляет собой цифровое устройство, предназначенное для цифровой записи, сохранения и считывания данных». По нашему мнению, введение данной дефиниции позволит более точно интерпретировать связанное с ним понятие — данные, зафиксированные на таком устройстве. В судебной практике к электронным информационным носителям относят флеш-накопители и сим-карты, а к данным на них — содержимое оптических дисков, электронные проездные документы и цифровые информационные массивы.

В научной среде наблюдается кардинальное расхождение во мнениях по вопросу включения термина «электронное доказательство» в уголовно-процессуальное законодательство России. Сторонники законодательного определения аргументируют свою позицию тем, что отсутствие четкой формулировки порождает многочисленные дискуссии как в академических кругах, так и в правоприменительной деятельности. Вероятно, подобная позиция объясняется недостаточной изученностью данного информационного формата. Вместе с тем глобальная цифровизация общества и постепенная адаптация как населения, так и юридических практиков к работе с данными в электронном виде со временем устранит имеющиеся противоречия и неясности.

Существует противоположная точка зрения, согласно которой подобная регламентация не является необходимой. Сторонники данного подхода указывают на отсутствие кардинальных изменений в уголовно-процессуальной форме, а именно в механизмах и методах доказывания при применении цифровых доказательственных материалов.

Но на сегодняшний день существует ряд способов, которые помогать избежать таких ситуаций. Среди них:

- нотариальная фиксация данных. Это эффективный способ решения указанной проблемы. Ключевое преимущество такого документа заключается в отсутствии временных ограничений его юридической силы. Поскольку содержание веб-ресурсов подвержено изменениям, что создает определенные риски при работе с цифровыми доказательствами, протокол нотариуса приобретает критическое значение. Такой документ сохраняет первоначальный вид зафиксированных сведений, что позволяет надежно защитить интересы истца в судебном разбирательстве и лишает нарушителя возможности избежать наказания под предлогом модификации материалов на веб-

странице. Благодаря специальному юридическому положению нотариальные акты наделяются усиленной доказательной ценностью и принимаются судом без необходимости дополнительной верификации;

- законодательный акт, известный как «Закон Яровой», устанавливающий обязательство для провайдеров и веб-сервисов сохранять данные об активности пользователей в сети на протяжении полугода. Этот акт начал действовать с июля 2016 г. Существует и альтернативный подход к урегулированию подобных вопросов. Сохранение данных, которые пользователь уже стер, обеспечивает возможность их дальнейшего использования для обеспечения безопасности как отдельных лиц, так и страны в целом от разнообразных киберугроз. Следует отметить, что непредоставление криптографических ключей специализированным службам влечет за собой применение соответствующих штрафных мер. По официальному обращению силовые структуры имеют право на получение такой информации. Следовательно, указанный законодательный документ имеет существенное значение в процессе доказательства.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на вопрос защиты конфиденциальности корреспонденции, включая почтовую, телеграфную и другие формы коммуникации, в контексте изъятия цифровых информационных носителей. Заслуживает особого внимания уникальное постановление высшего органа конституционного контроля страны, согласно которому для осуществления исследования и экспертного анализа данных, содержащихся в памяти абонентских устройств, конфискованных в ходе законно проведенных следственных мероприятий в целях извлечения процессуально значимой информации, не требуется получения от-

дельного судебного санкционирования¹. По нашему мнению, такая правовая позиция создает возможности для недобросовестных действий со стороны следственных органов, осуществляющих досудебное производство, и вступает в конфликт с положениями Основного закона государства, а именно со ст. 23, гарантирующей неприкосновенность частной жизни граждан.

Проблема классификации цифровых данных как обособленной категории доказательной базы продолжает вызывать споры среди правоведов. Анализ процессуального законодательства демонстрирует неоднородный подход: гражданское и арбитражное судопроизводство трактуют информацию, переданную по электронным каналам связи и заверенную цифровой подписью, в качестве разновидности письменной документации (соответствующие нормы закреплены в ст. 71 части первой ГПК РФ и ст. 75 части третьей АПК РФ). Между тем уголовно-процессуальная сфера выделяет электронные сведения как относительно новую и самостоятельную доказательственную форму. Данное исследование позволило проанализировать специфику этого современного феномена в контексте уголовного судопроизводства, однако единобразие в правовой квалификации подобных доказательств отсутствует в различных отраслях процессуального права.

УПК РФ имеет потенциал первым среди процессуальных законодательных актов официально зафиксировать инновационную категорию доказательств — такова наша позиция. При этом разделяем позицию Н.А. Иванова относительно того, что все упомянутые нами термины носят относительный характер. Вопрос терминологии — электронные, цифровые либо компьютерные доказательства — порождает не менее острые споры в профессиональном сообществе.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 189-О/2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 УПК РФ».

В заключение хотелось бы отметить: чтобы добиться каких-либо результатов, предлагаем внести следующие изменения:

- *во-первых*, ввести подп. 6 ч. 2 ст. 74: «1) электронные доказательства»;
- *во-вторых*, ввести ст. 84.1 УПК РФ со следующим содержанием:

«Статья 84.1. Электронные доказательства

1. Электронными доказательствами признаются электронные носители информации, сведения, содержащиеся на электронном носителе информации, а также электронные сообщения, если сведения, содержащиеся в них, имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 настоящего Кодекса.

2. Электронные доказательства приобщаются к материалам уголовного дела в порядке, установленном настоящим Кодексом. По ходатайству законного владельца, изъятые электронные носители информации, а также сведения, содержащиеся на электронном носителе и (или) электронные сообщения могут быть переданы».

Список источников

1. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13.

2. Воронин М.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: быть или не быть // Науки криминального цикла. 2019.

3. Курс уголовного процесса: Учебник. / Отв. ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016.

References

1. Baranov A.M. Electronic evidence: the illusion of the criminal process of the XXI century // Criminal justice. 2019. No. 13.

2. Voronin M.I. Electronic evidence in criminal proceedings: to be or not to be // The sciences of the criminal cycle. 2019.

3. The course of criminal procedure: Textbook. / Ed. by L.V. Golovko. Moscow: Statute, 2016.

Информация об авторе

М.Р. Ашуралиев — студент Северо-Кавказского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author

M.R. Ashuraliev — student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Ministry of Justice).

Проблема понимания оснований возвращения прокурором уголовного дела для организации дополнительного расследования: теоретические и практические аспекты

Валерий Геннадьевич Яхункин

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара, Россия

E-mail: valery.01ya@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема понимания оснований для возвращения уголовного дела прокурором следователю или дознавателю для производства дополнительного расследования. На основании анализа материалов уголовных дел (постановлений прокурора о возвращении уголовного дела следователю, постановлений, вынесенных судом в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, иных документов) определены правовые проблемы, правовое регулирование которых в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса отсутствуют. Исходя из видов выявленных ошибок (нарушений), предложены способы их преодоления, в том числе с применением информационных технологий.

Ключевые слова: существенные нарушения, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дополнительное расследование, процессуальные действия, основания для возвращения уголовного дела.

Для цитирования: Яхункин В.Г. Проблема понимания оснований возвращения прокурором уголовного дела для организации дополнительного расследования: теоретические и практические аспекты // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 26–30.

The problem of understanding the grounds for the prosecutor's return of a criminal case for additional investigation: theoretical and practical aspects

Valery G. Yakhunkin

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

E-mail: valery.01ya@yandex.ru

Abstract. This article discusses the problem of understanding the grounds for the prosecutor's return of a criminal case to the investigator or interrogator for additional investigation. Based on the analysis of criminal case materials (prosecutor's orders for the return of a criminal case to the investigator, court orders issued in accordance with Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and other documents), the article identifies legal issues that are not regulated by the current version of the Criminal Procedure Code. Based on the types of identified errors (violations), the article proposes ways to overcome them, including the use of information technologies.

Keywords: significant violations, prosecutor, investigator, head of the investigative body, additional investigation, procedural actions, grounds for returning a criminal case.

For citation: Yakhunkin V.G. The problem of Understanding the grounds for the prosecutor to Return a criminal case for organizing an additional investigation: Theoretical and Practical aspects // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 26–30.

Несмотря на проведенную в 2007 г. реформу, перераспределившую полномочия следователя, руководителя следственного органа и прокурора, по мнению многих ученых, прокурор продолжает оставаться «главой обвинительной власти». Такой статус прокурора проявляется в его праве возвращать для производства дополнительного следствия уголовные

дела, поступившие от следователя с обвинительным заключением [2, с.197].

Вместе с тем по правилу системы сдержек и противовесов закон предоставил следователю право с согласия своего нового руководителя обжаловать возвращение дела прокурором для производства дополнительного следствия. Пострадала ли эффективность полномочия прокуро-

ра, описанного в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК, в результате реализации следователями такого права? Самарская статистика показывает, что нет.

Так, в Самарской области за период с января 2022 по конец декабря 2024 г. прокурорами было возвращено для производства дополнительного следствия 480 уголовных дел, в том числе тех, возвращение которых не было задокументировано в официальных отчетах. Из них по 250 уголовным делам следователями с согласия руководителя вышестоящим прокурорам направлялись жалобы об отмене постановления нижестоящего прокурора и направлении дела в суд.

Стоит отметить, что сохраняют свою силу положения, предусмотренные п. 14—15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, согласно которым именно прокурор, и только он один вправе принять решение о направлении уголовного дела в суд. Иных механизмов, посредством использования которых следователь и его руководитель могли бы «обойти» указанный процессуальный порядок, не предусмотрено [1, с. 246].

Вместе с тем формулировка п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК не дает четкого понимания, в каких конкретных случаях дело может быть возвращено прокурором следователю, а основания для осуществления прокурором указанного процессуального действия являются оценочными. Такая ситуация не способствует единобразию прокурорско-следственной практики, вследствие чего имеют место «бесконечные споры» между прокурором и должностными лицами органов предварительного расследования, что чревато нарушением принципа разумного срока судопроизводства.

Изучение оснований возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования имеет свою актуальность, которая заключается в двух аспектах:

1) учебно-познавательном:

- доведение сведений до будущих правоприменителей о содержании ошибок (нарушений) с целью их последующей процессуальной минимизации и повышения качестве работы правоохранительных органов;
- 2) практико-ориентированном:
- выявление законодательных проблем данного процессуального института;
 - разработка проекта внесения изменений в УПК РФ, а также инструкций для прокурорских работников для их непосредственного применения в процессе изучения уголовных дел совместно с обвинительными документами для принятия по ним процессуальных решений.

Научно-исследовательская работа по изучению заявленной проблемы осуществлялась в ходе нескольких этапов.

И этап (июль 2024 г. — декабрь 2024 г.), в рамках которого изучались постановления о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства; постановления судов о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, в том числе судебные акты, вынесенные в порядке апелляционного и кассационного производства, а также оправдательные приговоры по уголовным делам. Также в данный период были опрошены по самостоятельно разработанной анкете следователи и прокуроры по проблеме понимания оснований возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования и изучена статистика возвращения прокурорами уголовных дел следователям за период времени с января 2022 по конец декабря 2024 г. По результатам этой работы были выявлены и обобщены наиболее распространенные ошибки (нарушения), допущенные следователями и явившиеся основаниями для принятия прокурором указанного решения:

- 1) несоответствие постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения установленным в ходе следствия обстоятельствам совершенного преступления, среди них:
 - неверная квалификация совершенного преступления.

Так, в ходе предварительного следствия по уголовному делу по обвинению гр. З. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (5 эпизодов), ч. 2 ст. 135 (6 эпизодов), п. «в» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ, указанное уголовное дело с обвинительным заключением возвращено прокурором в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК, так как в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого по эпизоду п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ не отражена объективная сторона преступления в части насилия, примененного в отношении малолетней, и имелись основания для переквалификации действий обвиняемого с ч. 2 ст. 135 на п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ;

- неверное указание диспозиции совершенного преступления, даты, времени и места совершения преступления;
- 2) неполнота и недостаточная совокупность доказательств для направления уголовных дел в суд, нарушения требований ст. 73 УПК.

Например, уголовное дело №... по обвинению С. по ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 159 УК РФ возвращено прокурором 02.05.2023, основания: неверно квалифицированы действия обвиняемого С. (вместо ч. 2 ст. 159 УК РФ на п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как С. использовал обман лишь для облегчения доступа к похищенному автомобилю. Потерпевший передал автомобиль только для проверки его движения, а не передачи в собственность); не имеется подтверждающих документов, свидетельствующих о причинении потерпевшему значительного ущерба (нет сведений о доходе потерпевшего, о наличии кредитных обяза-

тельств и ежемесячных по ним выплат, об имущественном положении потерпевшего); в протоколе ознакомления обвиняемого С. с материалами уголовного дела имеется запись об ознакомлении последнего с вещественными доказательствами, которые находятся на ответственном хранении у потерпевшего, тем самым нарушены права обвиняемого на ознакомление с ними;

- необходимость производства дополнительных следственных действий, в том числе повторных, поскольку обстоятельства, имеющие существенное значение для доказывания умысла и иных признаков состава преступления, в ходе их выполнения не выяснялись; не принимаются меры к устраниению имеющихся противоречий путем проведения очных ставок, данные противоречия также не устраняются путем допроса очевидцев совершенного преступления;
- 3) различного рода технические ошибки, допускаемые как в протоколах следственных действий, так и иных процессуальных документах.

Например, прокурором возвращено уголовное дело по обвинению Е. по ст. 319 УК РФ. Основанием возвращения послужило в том числе неверное указание места рождения обвиняемой в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, вместо г. Самара — г. Куйбышев, а также обвинительное заключение не согласовано с руководителем следственного отдела.

Проанализированы причины возвращения уголовных дел судами прокурорам:

- 1) в обвинении не расписаны и не указаны формы вины, мотивы, цели, причинно-следственная связь между нанесением телесных повреждений и наступлением смерти потерпевших;
- 2) нарушены права на защиту при назначении адвоката;

3) не содержатся описания преступного умысла, а также деяния, раскрывающего признаки инкриминируемого состава преступления; в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении не имеется сведений, что инкриминируемые деяния состоят в причинно-следственной связи с наступившими последствиями;

4) изложенные обстоятельства в обвинении и в обвинительном заключении не соответствуют установленным обстоятельствам по уголовному делу;

5) по уголовному делу не дана правовая оценка иным лицам, возможно причастным к совершению преступления;

6) фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления;

7) ненадлежащий субъект привлечения к уголовной ответственности.

II этап (декабрь 2025 г. — январь 2025 г.). Исходя из качественного содержания ошибок и нарушений, выявленных в ходе изучения процессуальных документов и судебных актов, были сформулированы вопросы, подлежащие проверке, и дифференцированы по процессуальным блокам:

- бланкетные сведения;
- анкетные сведения;
- процессуальные аспекты привлечения лица в качестве обвиняемого;
- процессуальная характеристика деяния;
- обвиняемый;
- доказательства и доказывание (доказательственный вывод);
- потерпевший;
- ходатайства;
- существенные нарушения;

III этап (январь 2024 г. — сентябрь 2025 г.), в ходе которого на основе полученных, сведенных и дифференцированных эмпирических данных разработан ряд программ на ЭВМ:

- «Методика проверки уголовного дела совместно с поступившим по нему обвинительным заключением (актом, постановлением)»; свидетельство о регистрации программы на ЭВМ № 2025613575 от 12.02.2025г.; данная программа представляет собой электронный справочник следователя (дознавателя), прокурора (руководителя следственного органа) по проверке уголовных дел.

Программа обеспечивает систематизированное изучение уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением). Программа включает модули: «предварительное следствие (обвинительное заключение)», «дознание (обвинительный акт)», «дознание в сокращенной форме (обвинительное постановление)», «методика проверки процессуального порядка производства следственных действий», «ошибки (нарушения), допускаемые при составлении обвинительных документов, а также при производстве по уголовным делам» и «научно-практическое пособие». Программа может использоваться руководителями следственных органов при осуществлении ведомственного (процессуального) контроля и судьями в стадии подготовки дела к судебному заседанию (при принятии решения по уголовному делу). Программа обеспечивает выполнение следующих функций: отображение подлежащих проверке элементов уголовного дела и поступившего совместно с ним обвинительного документа (заключения, акта, постановления) применительно к каждой из форм предварительного расследования; экспорт «рабочих материалов» — «конспектов» в программный продукт Word;

- «Рабочая тетрадь прокурора (помощника прокурора), судьи по проверке уголовного дела совместно с поступившим по нему обвинительным заключением (актом, постановлением)»; свидетельство о

регистрации программы на ЭВМ № 2025682921 от 28.08.2025г.; промежуточная программа;

- «Методика проверки уголовного дела совместно с поступившим по нему обвинительным заключением (актом, постановлением), версия 2.0: электронное уголовное дело»; свидетельство о регистрации программы на ЭВМ № 2025683499 от 04.09.2025г.: программа обеспечивает возможность формирования электронного уголовного дела для последующего его использования прокурорами, судьями на этапе принятия решения по уголовному делу совместно с поступившим по нему обвинительным заключением (актом, постановлением), а также для выявления указанными должностными лицами недостатков (нарушений), допущенных в ходе предварительного расследования. Программа включает различные модули, которые содержат блок вопросов с вариантами ответов, предусмотрена возможность самостоятельного ввода сведений пользователем в отведенные для этого графы «ячейки» для последующего составления процессуальных документов, принятия решения и (или) подготовки доклада по уголовному делу.

Вместе с тем программа может использоваться руководителями следственных органов при осуществлении ведомственного (процессуального) контроля за ходом предварительного следствия. Программа обеспечивает выполнение следующих функций: формирование электронного уголовного дела путем внесения изображений (PDF-файлов) в ее структуру и (или) загрузки и (или) самостоятельного ввода содержания исследуемого (анализируемого) документа (протокола,

процессуального решения); отображение и систематизация комментариев, ранее изложенных в различных модулях (графах), а также экспорт результатов проверки в форме рапорта (докладной записки) для последующего использования по предназначению. Тип ЭВМ: ПК; ОС: Windows XP и выше.

В настоящее время указанная программа по проверке уголовных дел проходит апробацию в ряде правоохранительных и судебных органов Самарской области, о чем размещена соответствующая информация в средствах массовой информации, а также применяется в образовательных целях кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Самарского университета.

Список источников

1. *Rossinsky S.B.* Уголовный процесс: Учебник. М.: Эксмо, 2009.
2. Уголовный процесс / И.Л. Бедняков, М.Ю. Жирова, А.Ф. Закотянская и др. М.: Юстиция, 2015. 656 с. (Сер. «Бакалавриат и специалитет»).

References

1. *Rossinsky S.B.* Criminal Procedure: Textbook. M.: Eksmo, 2009.
2. Criminal Procedure / I.L. Bednyakov, M.Yu. Zhirova, A.F. Zakotyanskaya et al. M.: Justice, 2015. 656 p. (Bachelor's and Specialist Programs).

Информация об авторе

В.Г. Яхункин — магистрант ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

Information about the author

V.G. Yakhunkin — master's student of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev.

Особенности методики расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних

Иван Леонидович Богданов

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия

E-mail: Lidiana2010@mail.ru

Диана Александровна Ли

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия

E-mail: Lidiana2010@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты применения особенностей криминалистической методики в рамках предварительного расследования при расследовании преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних. С этой целью изучены статистика, правоприменительная практика, осуществлен анализ отдельных следственных действий, при проведении которых в большей степени проявляются особенности расследования таких преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение, преступление, методика, следственные действия, расследование.

Для цитирования: Богданов И.Л., Ли Д.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 31–36.

Features of the methodology for investigating crimes involving minors

Ivan L. Bogdanov

Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia

E-mail: Lidiana2010@mail.ru

Diana A. Li

Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia

E-mail: Lidiana2010@mail.ru

Abstract. The article discusses certain aspects of the application of forensic methodology in the framework of preliminary investigation in the investigation of crimes involving minors. To this end, statistics, law enforcement practice, and the analysis of certain investigative actions have been studied, during which the features of the investigation of such crimes are more pronounced.

Keywords: minors; involvement; crime; methodology; investigative actions; investigation.

For citation: Bogdanov I.L., Lee D.A. Features of the methodology for investigating crimes involving minors // The World of Criminalistics. 2025. No. 4. P. 31–36.

Согласно статистике, за 2024 г. количество вовлечений несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий составило 1151, что выше на 3%, чем за прошлый год. Раскрытаемость также показала негативную тенденцию в виде 807 раскрытий дел, что на 21% ниже, чем за прошлый отчетный год¹.

Важность знания и понимания методики расследования преступлений, в совершение которых вовлекаются несовершеннолетние, наиболее эффективно способствует процессу их раскрытия и расследования, что положительно скажется на российском обществе.

Под *вовлечением* несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого ли-

¹ Состояние преступности в России. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД РФ». URL: <https://portal.tpu.ru>

ца, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий¹.

Признавая П-их виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, суд при описании преступного деяния указал в приговоре, что П-их и другие осужденные вовлекли несовершеннолетнюю Я. в преступную группу, в совершение особо тяжкого преступления — убийство потерпевшего Б. Между тем в приговоре не указано, какие конкретно действия, направленные на вовлечение Я. в преступную деятельность, совершил П-их. Из показаний Я., свидетеля П. усматривается, что П-их несовершеннолетнюю Я. в преступную группу и в совершение особо тяжкого преступления не вовлекал. Эти действия совершило другое лицо — Я.Ю. Вовлечение предполагает активные действия, представляющие собой психическое или физическое воздействие на несовершеннолетнего, направленное на склонение его к совершению преступления. Однако таких действий со стороны осужденного П-их судом не установлено. Поэтому один лишь факт совместного участия взрослого лица с несовершеннолетним в совершении преступления не образует состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Следовательно, состоявшиеся по делу судебные решения в части осуждения П-их по ч. 4 ст. 150 УК РФ подлежат отмене с прекращением производства по делу в этой части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления [2].

Как отмечает Ю.В. Сокол, «по результатам проведенного опроса 106 практиче-

ских работников ОВД 85% из них признало проблему вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий актуальной. Однако выяснилась парадоксальная ситуация: признавая важность и необходимость выявления и раскрытия указанных преступлений, сотрудники уголовного розыска и других служб ОВД не считают необходимым самим заниматься указанной проблемой, возлагая обязанности по ее решению только лишь на сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних ОВД. К основным причинам подобного отношения относятся: незнание практическими работниками методики раскрытия и расследования данных преступлений; отсутствие непосредственной заинтересованности как у самих работников, так и у их руководства в выявлении таких преступлений и т.п. [4].

Для расследования таких преступлений необходимо определить основной круг субъектов, которые привлекаются по ст. 150 УК РФ. Исходить здесь нужно от реальной возможности воздействия лица, совершившего вовлечение, на несовершеннолетнего. Определение этого факто-ра является одним из основных при установлении факта вовлечения. Исходя из статистических данных, наиболее частый возраст лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления, — от 18 до 25 лет. Объясняется это тем, что лицам данной возрастной категории легче всего наладить контакт с несовершеннолетними ввиду сходства и понимания образа жизни, интересов, целей, с помощью которых удастся проще всего вовлечь такое лицо в преступную деятельность.

При расследовании возникают проблемы доказывания факта осознания взрослого лица, вовлекшего несовершеннолетнего, его возраста. Важен факт понимания использования взрослым несовершеннолетнего в преступной деятельности [5].

Основным следственным действием, проводимым в рамках установления дан-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в ред. 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

ного факта, является *допрос*. Производство допроса как вовлекателя, так и вовлекаемого лица играет, безусловно, важнейшую роль в ходе расследования, поскольку они являются основными источниками для подтверждения или опровержения понимания несовершеннолетия вовлекаемого. Важно отметить, что при получении показаний подозреваемого не стоит ограничиваться лишь на подтверждении незнания совершеннолетия общими формулировками, такими как «знал/не знал о недостижении возраста». К интересующим следствие сведениям необходимо также отнести: цель знакомства с несовершеннолетним; какими действиями вовлекал несовершеннолетнего; участие несовершеннолетнего на стадии подготовки и совершения преступления; имеются ли свидетели вовлечения несовершеннолетнего и кто они. Касаемо же допроса самого несовершеннолетнего, важно задать те же вопросы, какие были заданы вовлекателю, чтобы в дальнейшем сопоставить полученные показания и определить необходимость производства очной ставки между ними в случае противоречия их показаний. Очная ставка позволит изобличить не соответствующие действительности формулировки, сформировать действительную картину произошедшего накануне, непосредственно и после совершения преступления. Проводить очную ставку и допросы вовлекаемых необходимо после подтверждения их возраста, так как из этого могут вытекать особенности проведения таких следственных действий с их участием.

Вопрос на допросе касаемо свидетелей вовлечения позволит оптимизировать ход расследования за счет возможного появления нового источника показаний. В ходе допроса свидетелей необходимо определить степень их взаимоотношений с вовлекателем и вовлекаемым лицом, а также отношение к совершенному деянию, так как в дальнейшем это может повлиять на квалификацию и круг привлекаемых к ответственности лиц. Помимо свидетелей самого вовлечения несовер-

шеннолетнего, в таком статусе следует допросить и родителей несовершеннолетнего, друзей, школьных преподавателей и иных лиц, способных дать характеризующий материал на несовершеннолетнее лицо, за счет чего может быть более точно определена мотивация вовлеченного, т.е. то, на чем мог «сыграть» вовлекатель.

Стоит иметь в виду возможность осуществления вовлекателем подготовки в целях противодействия расследованию остальных лиц. На примере допроса такая подготовка может производиться путем заучивания легенды, показаний. Важно в ходе допроса обращать внимание на порядок изложения сведений всеми лицами, которые непосредственно связаны с преступлением (свидетели вовлечения, вовлекатель, вовлеченный), на соответствие изложения показаний уровню психического развития допрашиваемого [1]. Как минимум важно акцентировать внимание допрашиваемых в качестве свидетелей, потерпевшего на ст. 307, 308 УК РФ, дать конкретное разъяснение, что позволит на начальном этапе нейтрализовать реализацию плана вовлекателя по противодействию ходу расследования. Большое значение также отводится участию психолога при допросе несовершеннолетних лиц. В случае обязательного участия или же в случае привлечения специалиста следователем ему важно найти высококвалифицированного психолога, способного в случае противодействия допрашиваемого наладить с ним связь и предостеречь от дальнейших действий, препятствующих расследованию преступления. Также участие высококвалифицированного психолога позволит не только в случаях противодействия со стороны вовлеченного несовершеннолетнего, но и способствует благополучному состоянию допрашиваемого лица, так как необходимо брать во внимание уровень стресса, который несовершеннолетнее вовлечено лицо испытывает в целом.

Важно устанавливать, за счет чего достигалось понимание возраста вовлекаемого лица. Таким может быть давнее зна-

комство, родство, указание на иные источники получения такой информации, например по переписке в социальной сети. Отсюда вытекает необходимость не ограничиваться проведением допросов, а также использовать иные базовые следственные действия. Так, получив информацию о телефоне как об источнике информации и знании возраста, следователю нужно осмотреть мобильное устройство на наличие событий, в которых вовлекаемое лицо указывало на свое несовершеннолетие, или наличие информации в переписке или на странице в социальной сети, которая давала понять возраст вовлекаемого лица. Важно отметить обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации и копировании с них информации.

Производство обыска или выемки у лица, вовлекающего несовершеннолетнего в совершение преступления, позволит обнаружить у него документы и предметы, свидетельствующие о его знакомстве с вовлеченным лицом, а также может подтвердить факт самого вовлечения [6]. Сюда можно отнести различного рода планы, схемы, инструкции совершения преступлений в бумажном виде, которые предназначены для несовершеннолетнего, орудия и средства, которые будут использованы в ходе осуществления преступного умысла. В подобных переписках часто подробно вовлекателями описывается роль несовершеннолетнего в совершении преступления и процесс его осуществления.

Важно также проводить экспертизы для выявления индивидуальных психологических особенностей подростка, его ролевого значения в группе, а также оценивать уровень его интеллектуального развития и характеризовать эмоциональные и волевые сферы. В совокупности с другими материалами дела выводы психологической экспертизы могут позволить с достоверностью установить его истинную роль в исследовании того или иного события.

Так, установив факты физического насилия в отношении несовершеннолетнего на завершающем этапе расследования, не всегда имеется возможность их фиксации средствами судебно-медицинской экспертизы, особенно в том случае, когда подросток, на которого было оказано физическое воздействие, не обращался за помощью в медицинское учреждение. Таким образом, утрачивается возможность проведения по делу судебно-медицинской экспертизы и, соответственно, исчезает одно из наиболее важных доказательств оказанного физического воздействия на подростка при вовлечении его в совершение преступления. Доказательственная информация о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления может быть получена из анализа данных следственного осмотра. Например: следы, изъятые с места происшествия, их расположение и локализация могут свидетельствовать о более активной роли взрослого, что в совокупности с иными доказательствами может быть положено в основу его обвинения по ст. 150 УК РФ [3]. Также необходимость проведения психологической экспертизы обусловливается следующим. В ходе доследственной проверки и последующего расследования необходимо учитывать, что подросток, вовлеченный в совершение преступления, легко, часто видя в этом проявление ложного героизма, может взять на себя чужую вину. Такое поведение связано с особенностями психологии несовершеннолетних, и чем ниже их возраст и интеллектуальное развитие, тем больше это проявляется [1]. Результаты такой экспертизы при наличии, разумеется, иных доказательств проявления самооговора несовершеннолетним позволит в ходе расследования предупредить негативные последствия таких действий со стороны вовлеченного лица. В целом же данное следственное действие позволит подтвердить или опровергнуть высокий уровень доверчивости, внушаемости несо-

вершеннолетнего, чем часто пользуются вовлекатели.

Процесс доказывания в раскрытии таких преступлений имеет огромное значение, так как отсутствие конкретных указаний на наличие понимания вовлекателем несовершеннолетия может привести в прекращению уголовного преследования.

В пример приводится выдержка из апелляционного постановления от 2019 г.:

«Как видно из показаний А. и Б. на предварительном следствии, положенных судом в основу обвинительного приговора, а также показаний Б. в суде, в них не содержатся сведения, свидетельствующие о том, что осужденный А. знал о несовершеннолетнем возрасте Б. Более того, последний в ходе судебного следствия указал, что, по его мнению, А. не знал о его несовершеннолетнем возрасте, поскольку они с ним общались до совершения преступления непродолжительное время, на вид же ему можно дать и 18 лет. Тот факт, что А. уже после начала проверки органами полиции обстоятельств совершения кражи имущества В. признался последней о совершении этой кражи им совместно с Г. и «малолеткой», вопреки выводам суда первой инстанции не может безусловно свидетельствовать об осведомленности А. о возрасте Б. еще до совершения преступления, поскольку он данную информацию мог получить от сотрудников полиции после проведенных в отношении него проверочных мероприятий. Других доказательств, подтверждающих, что А. знал о несовершеннолетнем возрасте Б., в приговоре не приведено, не имеются они и в материалах дела. При этом следует отметить, что органами расследования данный факт и не устанавливается, по факту привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 150 УК РФ, а именно по обстоятельствам совершения данного преступления, фактически А. и не допрашивался. Более того, в ходе судебного следствия участниками процесса вопрос о том, знал ли А. о несовершеннолетнем возрасте Б., осужденному не задавался. При таких обстоятельствах приговор в части осуждения ФИО1 по ч. 1 ст. 150 УК РФ подлежит отмене с прекращением дела

производством за отсутствием в его действиях состава преступления»¹.

Следователь же должен по результатам расследования преступления направлять в соответствующие органы представление об устранении причин совершения преступления. Эти действия направлены на предотвращение совершения преступлений с вовлечением несовершеннолетних лиц в дальнейшем, оказывая благоприятное воздействия на состояние общества, развитие лиц, не достигших 18 лет.

Таким образом, понимание методики расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних, позволит повысить качество и эффективность деятельности следователя. Данная категория дел характеризуется наличием множества особенностей, которые необходимо учитывать при расследовании, поскольку они могут существенно повлиять на ход следствия. Важно, понимая методику, уметь применять ее на практике, за счет чего повысится не только раскрываемость таких преступлений, но и защищата интересов прав и интересов личности, общества в целом. Методика расследований преступлений постоянно претерпевает изменения. Умение адаптироваться под такие изменения путем понимания уже имеющихся методов расследования и предвидения ближайших в них изменений — важный навык в работе органа расследования преступлений.

Список источников

1. Батыщева И.В. Особенности тактики отдельных следственных действий по делам вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Волгоградская академия МВД РФ. URL: file:///C:/Users/Иван/Downloads/Telegram%20Desktop/osobennosti_taktiki_otdelnyh_sledstvennyh_deystviy_po_delam_vovlecheniyu.pdf

2. Морозова Ю.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних: Учеб. пособие для обучающихся по программам

¹ Апелляционное постановление № 10-5557/2019 от 16.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q4yuq02Qs6zZR/>

дополнительного профессионального образования. СПБЮИ (филиал) Университета прокуратуры РФ. 2020. URL: https://www.procuror.spb.ru/izdanija/2020_01_08.pdf

3. *Плахотнюк Ю.И.* Актуальные вопросы разработки методики расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) // Молодой ученый. 2011. № 8 (31). URL: <https://moluch.ru/archive/31/3517>

4. *Сокол Ю.В.* Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2011. № 1(33). С. 200—205.

5. *Солонникова Н.В., Кузьмин М.Н.* Некоторые проблемы расследования преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-rassledovaniya-prestupleniya-predusmotrennogo-st-150-uk-rf>

6. *Шматов М.А., Шматов В.М., Дмитриенко С.А.* Особенности расследования вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность. 2015. URL: file:///C:/Users/Иван/Downloads/Telegram%20Desktop/osobennosti_rassledovaniya_vovlecheniya_nesovershennoletnih_v_prestupnuyu.pdf

References

1. *Batyshcheva I.V.* Features of the tactics of individual investigative actions in cases of involvement of minors in criminal activity. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: file:///C:/Users/Иван/Downloads/Telegram%20Desktop/osobennosti_taktiki_otdelnyh_sledstvennyh_deystviy_po_delam_vovlecheniya.pdf

2. *Morozova Yu.V.* Crimes against the family and minors: a textbook for students of additional professional education programs. SPBU (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2020. URL: https://www.procuror.spb.ru/izdanija/2020_01_08.pdf

3. *Plakhotnyuk Yu.I.* Actual Issues of Developing a Methodology for Investigating the Involvement of a Minor in a Crime (Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Young Scientist. 2011. No. 8 (31). URL: <https://moluch.ru/archive/31/3517>

4. *Sokol Yu.V.* Typical shortcomings in identifying, solving, and investigating the involvement of minors in committing anti-social acts // Society and Law. 2011. No. 1(33). P. 200—205.

5. *Solonnikova N.V., Kuzmin M.N.* Some problems in the investigation of a crime under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow. 2023 year. No. 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-rassledovaniya-prestupleniya-predusmotrennogo-st-150-uk-rf>

6. *Shmatov M.A., Shmatov V.M., Dmitrienko S.A.* Features of the Investigation of the Involvement of Minors in Criminal Activity // Criminal Procedure, Criminalistics, and Operational Investigative Activities. 2015. URL: file:///C:/Users/Ivan/Downloads/Telegram%20Desktop/osobennosti_rassledovaniya_vovlecheniya_nesovershennoletnih_v_prestupnuyu.pdf

Информация об авторах

И.Л. Богданов, Д.А. Ли — курсанты Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

I.L. Bogdanov, D.A. Li — cadets of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Возможность использования программ модерации в социальных сетях и стриминговых сервисах для выявления, расследования и профилактики преступлений, характеризуемых травлей в Интернете

Варвара Сергеевна Костина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: varya1979kost@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения систем модерации контента на основе искусственного интеллекта для выявления, расследования и профилактики преступлений, связанных с кибербуллингом. Анализируются особенности кибербуллинга, такие как виртуальность, транснациональность и вневременной характер, которые осложняют работу правоохранительных органов. Исследуются преимущества и ограничения использования ИИ в качестве инструмента поддержки, подчеркивается необходимость обязательной последующей ручной проверки данных, выявленных алгоритмов, для соблюдения процессуальных норм и снижения риска ошибок. Рассматривается потенциал обучения ИИ на основе публичных судебных решений и его применение на этапе ранней криминалистической профилактики. Делается вывод о том, что системы модерации на основе ИИ способны существенно повысить эффективность противодействия кибербуллингу за счет обработки больших объемов данных и оперативного выявления противоправного контента.

Ключевые слова: кибербуллинг, травля в Интернете, искусственный интеллект, модерация контента, социальные сети, стриминговые сервисы, расследование преступлений, профилактика преступлений

Для цитирования: Костина В.С. Возможность использования программ модерации в социальных сетях и стриминговых сервисах для выявления, расследования и профилактики преступлений, характеризуемых травлей в Интернете // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 37–41.

The possibility of using moderation programs in social networks and streaming services to identify, investigate, and prevent crimes characterized by online harassment

Varvara S. Kostina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: varya1979kost@gmail.com

Abstract. The article examines the possibility of using AI-based content moderation systems to identify, investigate, and prevent cyberbullying-related crimes. It analyzes the characteristics of cyberbullying, such as its virtuality, transnational nature, and timelessness, which pose challenges for law enforcement agencies. The article explores the advantages and limitations of using AI as a support tool and emphasizes the need for mandatory manual verification of data generated by algorithms to comply with procedural requirements and reduce the risk of errors. The article examines the potential of AI training based on public court decisions and its application at the early criminal prevention stage. It is concluded that AI-based moderation systems can significantly increase the effectiveness of countering cyberbullying by processing large amounts of data and promptly identifying illegal content.

Keywords: cyberbullying, online harassment, artificial intelligence, content moderation, social media, streaming services, crime investigation, crime prevention

For citation: Kostina V.S. The possibility of using moderation programs in social networks and streaming Services to identify, investigate and prevent crimes characterized by harassment on the Internet // The World of Criminalistics. 2025. No. 4. P. 37–41.

Травля в Интернете, или кибербуллинг, — это нестандартная форма травли (билинга), которая включает и моральную, и психологическую агрессию, наличие власти и принуждения, бойкот или

изоляцию, террор, шантаж, угрозы, реализуемые посредством электронной коммуникации [3].

Важно отметить деление травли в Интернете на публичную и личную. Крите-

рием деления является количество сторон в конфликте. В публичном их три — агрессор, жертва и иные пользователи, в отличие от личного, в котором жертва остается с агрессором один на один [2].

Для оптимизации выявления, расследования и профилактики кибербуллинга возможно использование искусственного интеллекта (ИИ).

Согласно ст. 2 ФЗ от 24.04.2020 №123-ФЗ, ИИ — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека¹.

Искусственный интеллект активно используется в рамках модерации контента в социальных сетях и стриминговых сервисах.

Под *модерацией* в социальных сетях в рамках данной работы следует понимать процесс проверки и управления информацией, созданной пользователями на платформе, на соответствие правилам и стандартам, которых придерживается площадка.

К задачам модерации относят:

- 1) защиту пользователей от контента (информации), который может быть не-безопасным или недопустимым;
- 2) обеспечение безопасности платформы и ее соответствие политике компании по обеспечению доверия и защиты.

Instagram (принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ) использует ИИ для снижения количества оскорблений в комментариях. Алгоритм выявляет оскорбительные комментарии, а также не дает опубликовать комментарий без его исправления².

Также ИИ определяет видеоконтент, который нарушает внутреннюю политику

платформы, а также законодательство по ключевым словам. Если в видеоролике (reels) звучат «стоп-слова», например ложные обещания («срочно!», «100% гарантия» и другие) или мошеннические предложения («деньги просто так», «работа без условий» и другие), контент блокируется автоматически. Автор может оспорить блокировку с предоставлением доказательств достоверности информации.

В случаях многократного нарушения правил Instagram блокирует страницу автора контента.

Facebook (принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ) использует алгоритм для обнаружения контента с суицидальным содержанием. В случае нахождения данных публикаций автору, а также близким друзьям пользователя направляются контакты службы психологической помощи. Данный контент также может быть заблокирован в случае, если в публикациях имеется призыв к совершению самоубийства другими людьми.

Но не все платформы активно прибегают к ИИ для модерации контента. Часть площадок возвращается к ручной модерации в качестве основного метода, а ИИ — вспомогательного.

Например, платформа X (ранее Twitter) (заблокирован на территории РФ) после покупки данного сервиса Илоном Маском изменила политику, касающуюся свободы слова в Интернете. Ранее платформа использовала ИИ в качестве основного инструмента, что приводило к массовым блокировкам контента. Сейчас контент может быть заблокирован либо после жалобы других пользователей, либо после проверки человеком результатов поиска ИИ.

Особый интерес представляет исследование модерации контента с использованием ИИ на стриминговых платформах, поскольку производство контента происходит онлайн, что усложняет отслеживание запрещенной информации как человеком, так и ИИ.

Некоторые стриминговые платформы создают собственные чат-боты на основе

¹Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 ФЗ «О персональных данных» от 24.04.2020 №123-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/. (дата обращения: 22.11.2025).

²Community Standards | Transparency Center [Электронный ресурс] URL: <https://help.instagram.com/477434105621119> (дата обращения: 22.11.2025).

машинного обучения, позволяющие блокировать оскорбительные сообщения в прямом эфире.

Стриминговые платформы — это специальный сервис, позволяющий размещать видеоконтент в Интернете и проводить онлайн-трансляции.

Одним из самых известных стриминговых сервисов является Twitch. Это видео斯特риминговый сервис, специализирующийся на тематике компьютерных игр, в том числе трансляций геймплея (процесса игры) и киберспортивных турниров. Данная платформа разработала одну из самых эффективных систем модерации на основе системы AutoMOD.

AutoMOD — инструмент модерации на основе ИИ, который блокирует неприемлемый или оскорбительный контент в чате с помощью мощного контроля модератора. Когда пользователь отправляет сообщение, программа помечает его как потенциально неприемлемое. Отмеченное сообщение направляется модератору чата с пометкой «Разрешить» или «Запретить»¹.

Программа распознает следующие типы информации:

1) язык идентичности, т.е. термины, обозначающие расу, пол и другие особенности. Программа помечает данный контент как разжигающий ненависть;

3) языковые средства, содержащие сексуальную лексику;

4) агрессивная лексика, т.е. лексика, выражаящая враждебное отношение к другим людям;

5) нецензурная лексика.

Система AutoMOD позволяет настраивать себя «по уровням» в соответствии с нуждами и интересами стримера (автора контента). В зависимости от «уровня» программа будет улавливать и помечать разный объем информации:

1) уровень 0: часто блокируемые термины;

2) уровень 1: помечает и удаляет только нецензурную лексику;

3) уровень 2: нецензурная лексика, а также нецензурные выражения сексуального характера;

4) уровень 3: нецензурная лексика, нецензурные выражения сексуального характера, а также оскорблений, касающиеся пола, расы и других терминов, обозначающих идентичность;

5) уровень 4: все вышеперечисленное, а также агрессивная лексика.

Программа обрабатывает информацию на большом количестве языков, например на русском, китайском (различает разные диалекты), польском, французском, английском и др.²

Помимо лингвистического анализа, программа распознает невербальные семиотические (знаковые) элементы, к которым относятся эмодзи, ASCII-арты (изображения, созданные из символов) и иные формы изобразительной графики. Данний функционал позволяет проводить более глубокий контекстуальный анализ пользовательского контента, выявляя скрытые эмоциональные оттенки и интенции, не выраженные вербальными средствами. Таким образом, система достигает более полного понимания семиотического пространства коммуникации в сети Интернет.

Система быстро подстраивается под изменения языка и появление сленга (набор слов или новых значений существующих слов, употребляемых в различных группах), поскольку позволяет удалять не только контент, который она отметила сама, но и контент, который модератор самостоятельно обнаружит в чате, тем самым система постоянно обучается, обрабатывая большие массивы данных.

Каким образом возможно применение системы, схожей с AutoMOD, для выявления (обнаружения), расследования и профилактики кибербуллинга?

При внедрении данной системы на различные платформы и в дальнейшем подключении ее к единой базе (например, базе МВД) появляется возможность оперативного отслеживания информации.

¹Как пользоваться функцией AutoMOD [Электронный ресурс]. URL: <https://help.twitch.tv/s/article/how-to-use-automod?language=ru> (дата обращения: 22.10.2025).

²How to Use AutoMOD [Электронный ресурс]. URL: https://twitch-help.fandom.com/wiki/How_to_Use_AutoMod (дата обращения: 22.11.2025).

Система упрощает процесс обнаружения преступления, поэтому нельзя говорить о том, что программа выполняет работу вместо следователя. Также стоит отметить, что система не формирует доказательств, поскольку факт обнаружения ИИ недопустимого контента не приравнивает его к незаконному. После факта обнаружения следователю будет необходимо самостоятельно проверить информацию и надлежащим образом оформить для целей расследования.

Стоит отметить, что использование систем модерации на основе ИИ, применяемых другими социальными сетями, для целей расследования не представляется возможным. Отсутствие этапа проверки предоставленной ИИ информации может привести к следующим проблемам:

1) невозможности проверить либо оспорить полученную информацию. Поскольку существует ручная модерация человеком, то в случае ошибки ИИ следователь (или иное ответственное лицо) отменит данное решение. Искусственный интеллект также может вводиться в виде автоматической информационной поисковой системы. В таком случае ИИ будет использоваться сугубо как инструмент поиска информации;

2) информация, на основе которой ИИ принимает решение, бывает неполной. Таким образом, велика вероятность предвзятости к подозреваемому либо дискриминации в отношении участников. При отсутствии второго этапа проверки избежать неточностей невозможно, поскольку это приведет к разглашению информации о процессе, адвокатской или иной охраняемой законом тайны. При наличии этапа «ручной проверки» возникает возможность проявления оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, направленных на выявление недостающей информации.

Таким образом, наличие ручной проверки информации, выявленной ИИ, снижает вероятность ошибок в выявлении и расследовании преступлений.

Система AutoMOD или иная система, которая будет разработана на базе

AutoMOD, является слабым ИИ. Работа слабого или узкого ИИ основана на обработке ограниченного и заранее определенного набора параметра. То есть данный ИИ необходимо обучить. Каким образом можно производить обучение программы при использовании ее в рамках следствия? Согласно ст. 49 Конституции РФ, а также ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана законным способом и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Решения суда, вступившие в законную силу, в соответствии с принципом гласности судопроизводства публикуются в свободном доступе на сайте судов и иных сервисах. Следовательно, ИИ можно обучить на основе вступивших в законную силу, находящихся в публичном доступе приговоров суда.

Программы на основе ИИ, схожие с программой AutoMOD, можно использовать в рамках криминалистического предупреждения (профилактики преступности). В криминалистической теории криминалистическая профилактика составляется многоуровневую структуру: ранняя (проводимая до возбуждения уголовного дела); следственная профилактика; экспертно-криминалистическое предупреждение преступлений [4].

Нам кажется возможным использование ИИ на этапе ранней криминалистической профилактики. Лица, планирующие осуществлять травлю в Интернете, могут использовать не только явно оскорбительную лексику, но и скрытые оскорблении, например нейтральную лексику, которая в рамках сленга приобретает форму оскорблений. При настройке ИИ на распознавание данной лексики правоохранительные органы смогут предотвратить совершение преступления на ранней стадии.

ИИ также может обработать больший объем информации, чем живой человек, что крайне важно при выявлении, расследовании и профилактике кибербуллинга в силу обстановки совершения преступления.

Обстановке совершения кибербуллинга характерна виртуальность, вне временной характер, а также транснациональность.

Виртуальность обстановки позволяет использовать множество средств скрытия следов преступления. К таким средствам можно отнести популяризирующиеся на данный момент VPN-сервисы. VPN-сервисы скрывают настоящий IP-адрес и маскируют его под иностранный сервер, тем самым пользователь отображается в другой стране. Таким образом, могут возникнуть проблемы с определением места совершения преступления, а также места нахождения устройства, через которое было совершено преступление.

Также стоит выделить транснациональность данного вида преступления, поскольку кибербуллинг — это преступление, совершающееся на территории и за пределами какого-либо государства с нарушением охраняемых международным и государственным законодательством интересов двух и более стран [1].

Кроме того, еще одной отличительной чертой травли в Интернете является временная зависимость. Подвергаться травле в Интернете можно вне зависимости от времени, что может оказаться крайне негативное влияние на психику жертвы различной степени и привести к серьезным последствиям [2].

Такие особенности обстановки совершения преступления приводят к тому, что процесс выявления, расследования и профилактики затруднителен, поскольку от следователя требуется постоянный мониторинг социальных сетей и иных платформ. В данной ситуации использование ИИ в качестве помощника увеличивает объем обрабатываемой информации и повышает возможность своевременного выявления преступления.

Таким образом, ИИ (в частности, программа AutoMOD и его аналоги) позволяет упростить работу по выявлению и расследованию преступлений, характеризуемых как кибербуллинг.

Список источников

1. Абдусаламов Р.А. Арсланов Ш.Д. Специфика и способы совершения преступления в сети Интернет // Юрид. вестн. Дагестан. гос. ун-та. 2014. № 1. С. 116—18.

2. Богомолова А.Г., Кот Е.А. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет // Вестн. Балтий. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 25—32.

3. Макарова Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Рос. психол. журн. 2016. № 3. С. 293—311.

4. Махтаев М.Ш. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений (правонарушений): Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. URL: <https://urait.ru/book/kriminalisticheskoe-obespechenie-preduprezhdeniya-prestupleniy-pravonarusheniy-567625> (дата обращения: 22.11.2025).

References

1. Abdusalamov R.A., Arslanov Sh.D. Specificity and Methods of Committing a Crime on the Internet // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2014. No. 1. P. 116—118.

2. Bogomolova A.G., Kot E.A. Criminalistic Aspects of Cyberbullying as a Form of Destructive Behavior on the Internet // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences. 2023. No. 2. P. 25—32.

3. Makarova E.A. Psychological Features of Cyberbullying as a Form of Internet Crime // Russian Psychological Journal. 2016. No. 3. P. 293—311.

4. Makhtaev M.Sh. Criminalistic Support for the Prevention of Crimes (Offenses). Textbook for Universities. M.: Yurayt, 2025. URL: <https://urait.ru/book/kriminalisticheskoe-obespechenie-preduprezhdeniya-prestupleniy-pravonarusheniy-567625> (accessed: 22.11.2025).

Информация об авторе

В.С. Костина — студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Information about the author

V.S. Kostina — student of Lomonosov Moscow State University.

Выявление признаков пропаганды отказа от деторождения как новая задача судебной экспертизы

Елизавета Вадимовна Маснева

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина», Москва, Россия
E-mail: elismas03@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных аспектов производства судебной экспертизы в отношении информационных материалов, потенциально содержащих пропаганду отказа от деторождения, среди которых выделяется отсутствие специализированных методик для исследования объектов по данной тематике, инструментов выявления контента в сети Интернет, а точнее — языковых маркеров, на основе которых возможно усовершенствовать и автоматизировать систему поиска. Рассматривается соотношение понятий «чайлдфри» и «чайлдхейт», опасность этих явлений; «пропаганда» и «манипуляция», признаки пропаганды через призму критериев Роскомнадзора, судебной практики и лингвистики.

Ключевые слова: пропаганда, чайлдфри, чайлдхейт, отказ от деторождения, экспертиза, интернет-контент.

Для цитирования: Маснева Е.В. Выявление признаков пропаганды отказа от деторождения как новая задача судебной экспертизы // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 42–49.

Identification of signs of propaganda against childbirth as a new task for forensic expertise

Elizaveta V. Masneva

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University», Moscow, Russia

E-mail: elismas03@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of problematic aspects of forensic examination of information materials that potentially contain propaganda of childfree lifestyle, among which there is a lack of specialized methods for examining objects on this subject, tools for identifying content on the Internet, and more specifically, language markers, on the basis of which it is possible to improve and automate the search system. The article examines the relationship between the concepts of «childfree» and «childhate», the dangers of these phenomena, «propaganda» and «manipulation», and the signs of propaganda through the prism of Roskomnadzor's criteria, judicial practice, and linguistics.

Keywords: propaganda, childfree, childhate, childbirth refusal, expertise, and online content.

For citation: Masneva E.V. Identification of signs of propaganda against procreation as a new task of forensic examination // The world of criminology. 2025. No. 4. P. 42–49.

Статья посвящена исследованию проблемных аспектов производства судебной экспертизы в отношении информационных материалов, потенциально содержащих пропаганду отказа от деторождения, среди которых выделяются отсутствие специализированных методик для исследования объектов по данной тематике, инструментов выявления контента в сети Интернет, а точнее — языковых маркеров, на основе которых возможно усовершенствовать и автоматизировать систему поиска. Рассматривается соотно-

шение понятий «чайлдфри» и «чайлдхейт», опасность этих явлений; «пропаганда» и «манипуляция», признаки пропаганды через призму критериев Роскомнадзора, судебной практики и лингвистики.

Пропаганда отказа от деторождения — новшество в российском законодательстве, появившееся в ноябре 2024 г. Отказ от деторождения (более популярно называемый «чайлдфри»), будучи тесно связанным с более масштабными дискуссионными темами, общественными дви-

жениями и сообществами, запрещенными на территории Российской Федерации (с темой абортов, с движением ЛГБТ и феминизма), и произрастающим корнями из них, представляет если не прямую, то косвенную угрозу демографии РФ, традиционным институтам, а также свободному от навязанных идей сознанию. Государство в стремлении сохранить традиционные ценности посчитало рациональным закрепление в ст. 6.21 КоАП РФ запрета на пропаганду отказа от деторождения, а также в некоторых актах, связанных со здоровьем и развитием несовершеннолетних и безопасными СМИ. Актуальность настоящей научной работы обусловлена также рядом других факторов.

1. Возникают проблемы дифференциации конструктивного выбора бездетности и деструктивного навязывания жизненной позиции через сеть Интернет.

2. Существует запрос правоохранительных органов и судебной системы на инструменты выявления контента, пропагандирующего ненависть к детям и семьям и оправдывающего насилие.

3. На данный момент отсутствуют экспертные методики и примерный перечень языковых маркеров, позволяющих выявлять в материалах интернет-ресурсов информацию, относящуюся к тематике отказа от деторождения.

4. Сами изменения в КоАП РФ, ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Закон «О средствах массовой информации», ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации», ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ФЗ «О рекламе», ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» говорят о необходимости исследовать данное явление.

5. Реальные запросы пользователей сети Интернет по тематикам, связанным с отказом от деторождения, в частности, о нежелании заводить собственных детей,

что свидетельствует о наличии убеждений чайлдфри.

В связи с постоянным расширением круга вовлеченных лиц, а также способов влияния на общественное сознание не стоит исключать отнесение сторонников чайлдфри к экстремистскому движению, как это произошло с движением ЛГБТ, которое только в ноябре 2023 г. было признано международным экстремистским движением на территории Российской Федерации, являясь при этом предметом обсуждений и последовательных ограничений с 2013 г. В связи с этим дела о пропаганде отказа от деторождения могут быть впоследствии отнесены к подведомственности МВД РФ, СК РФ, ФСБ РФ. Более того, уже обсуждалась необходимость признать движение чайлдфри экстремизмом, хотя пока такая тенденция и не получила дальнейшего развития.

Помимо чайлдфри (от англ. childfree — свободный от детей) — обычного отказа от деторождения по причинам, отличным от медицинских или религиозных, существует понятие «чайлдхейт» (от англ. child hate — ненависть к детям), которое, по нашим убеждениям, находится внутри первого: все чайлдхайтеры — чайлдфри, но не все чайлдфри — чайлдхайтеры. Это важно для понимания, что, вероятнее всего, лица, в чьих высказываниях содержится именно ненавистническое отношение к детям, будут пропагандировать чайлдфри, т.е. их высказывания будут подпадать под пропаганду отказа от деторождения по ст. 6.21 КоАП РФ. Хотя чайлдхейт предполагает большую степень конфликтогенности и резко негативное отношение не только к рождению/наличию детей, но и к самим детям, их отцам и матерям. Тем не менее пропаганда обычного чайлдфри тоже запрещается, т.е. законодатель ограничил не только самые агрессивные тенденции, но и их менее разрушительные формы. Чайлдхейт призывает к насилию над детьми, что может, укоренившись в сознании человека, привести к действиям, квалифицируемым по ст. 20.3.1 КоАП РФ

«Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка», ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», а также к умышленному причинению вреда различной степени тяжести (ст. 111, 112, 115, 116 УК РФ и т.д.) по отношению к детям, скорее — чужим (например, издающим крик в общественных местах), так как происходит формирование заведомо агрессивной реакции на подобное поведение детей, т.е. это действия, связанные с угрозой жизни и здоровью ребенка, а особенно новорожденного и малолетнего. Например, в информационных материалах предлагается совершение насилия в отношении ребенка/беременной женщины; высказывание «кусок деръма» в отношении новорожденного и выбрасывание его в мусорку; нормализация избавления от «лишнего», каковым является ребенок, исходя из невербального компонента, путем оставления его в камере хранения супермаркета; изображение пинка в живот беременной женщины с подписью, выражающей желание смерти эмбрионам, которые расцениваются как паразиты, т.е. существа, наносящие вред организму в результате проживания в нем; смертельный удар ребенка головой о стену и т.д. Однако даже шуточная форма некоторых публикаций (облечение их в форму интернет-мема, использование иронии и других языковых средств выразительности) не исключает противоправности контента и его негативного влияния на образ мышления и действия потребителей контента. Тематическая направленность интернет-ресурса, частота опубликования и количество таких мемов — все это работает на преобразование недопустимых осуждаемых явлений в одобряемые нормы поведения через модель «Окно Овертона».

Расследование части вышеперечисленных составов относится к подведомственности СК РФ, ввиду чего научная

статья представляет актуальность как для следственных органов СК РФ, так и иных следственных органов, в том числе для судебных экспертов, в чью компетенцию входит установление наличия признаков пропаганды в материалах.

Итак, пропаганда, будучи словом, используемым в законодательстве, тем не менее не имеет дефиниции в текстах законов и поэтому является категорией, лингвистически определяемой. Проанализировав множество словарных статей, можно заметить, что встречается определение пропаганды через «манипулирование» информацией для оказания влияния на общественное мнение [2]. В нашем случае, так как чайлдфри является своего рода трендом, ставшим популярным среди молодых поколений и продолжающим свое распространение через интернет-контент, можно утверждать, что имеет место не просто пропаганда, т.е. вид деятельности по распространению идей, принципов, но и более широкий и глубокий процесс, задействующий в том числе иные средства, нежели лингвистические (в частности, психологические приемы), т.е. манипуляция общественным сознанием, попытка внедрения и навязывания идей, характерных для западного общества. Говоря о соотношении понятий «манипуляция» и «пропаганда», пропаганда часто рассматривается как инструмент/технология манипуляции (манипуляция — это способ, прием воздействия на сознание людей путем представления кого-, чего-либо в искаженном, ложном виде [5]) и является правовой категорией в отличие от манипуляции. Однако замечаем противоречие: манипуляция предполагает скрытый характер воздействия, в то время как пропаганда — открытый [4, 6]. Вероятно, даже при условии, что пропаганда является явной, ее конечные цели и результаты могут не осознаваться в полной мере лицами, на которых она направлена, поэтому назвать пропаганду средством манипуляции массовым сознанием [9] не будет ошибкой.

Любая манипуляция и пропаганда, влияя на сознание и основываясь на психологии, реализуются все же посредством речи, используют в первую очередь языковые средства и методы. Пропаганду возможно выявить в результате производства лингвистической экспертизы, из вербальных и невербальных компонентов. Однако, говоря о выявлении манипуляции, экспертизу стоило бы отнести к компетенции эксперта-психолога. В законе же тем не менее требуется установление именно пропаганды, которая невозможна без эксперта-лингвиста. Практика ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России показывает активное проведение комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений ввиду наличия вопроса о формировании определенных установок у аудитории. По делам о пропаганде отказа от деторождения аналогично категориям об установлении признаков пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола предполагается назначение лингвистических или психолого-лингвистических экспертиз. Эксперты-лингвисты анализируют пропаганду в основном в верbalной форме, но могут также исследовать невербальные компоненты, которые состоят в определенных отношениях с вербальными элементами. С точки зрения лингвистической экспертизы исследуются формальные, семантические (смысловые) и прагматические (функциональные) особенности пропаганды¹. И если лингвистическая экспертиза в целом является видом речеведческих экспертиз, то экспертиза признаков пропаганды отказа от деторождения будет новым подвидом экспертиз.

Соответственно для целей данной работы стоит сделать акцент на лингвистических признаках пропагандистского

дискурса, к которым относятся следующие:

- а) наличие субъекта пропаганды (часто институционально оформленного);
- б) наличие адресата пропаганды (часто обобщенного, т.е. совокупности лиц, представления о действительности которых должны быть изменены в результате пропагандистской деятельности);
- в) наличие совокупности относительно простых непротиворечивых тезисов (описание желаемой ситуации — положения дел) и аргументов;
- г) наличие противопоставленных оценок желаемой ситуации и ее негативных альтернатив;
- д) повторяющаяся реализация в дискурсе указанной совокупности тезисов или ее фрагментов с идентичной или несколько модифицированной аргументацией;
- е) наличие множества текстов за определенный период времени;
- ж) наличие практической возможности распространения информации среди множества лиц-адресатов [1].

Несмотря на семь свойств, которые обязательно должен содержать пропагандистский речевой продукт, рассмотрим, как определяют пропаганду суды: «Согласно размешенным в сети Интернет формулировкам слов отсутствует понятие «пропаганда», согласно значению этого слова. Формулировки не содержат в себе агитацию, навязывание мнения, а лишь высказывают оценочное суждение автора. Автор не призывает общество следовать его примеру, в формулировках отсутствуют призывы к действию»². Судей соединяются несколько понятий из разных логических рядов, а также дается поверхностное описание признаков, по которым установлено отсутствие пропаганды, поэтому считаем необходимым привлекать экспертов для установления

¹ Рамблер/кино. Юрист Никишин: Для запрета фильма через суд нужна лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: https://kino.rambler.ru/movies/55329471/?utm_content=kino_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.10.2025).

² Решение № 12-52/2025 по делу № 12-52/2025 от 17.03.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Lnb8tK0H0gZQ/?page=2®ular_txt=Отказ+от+деторождения+®ular_case_doc=®ular_lawchunkinfo=®ular_date_from=01.12.2024®ular_date_to=29.10.2025®ular_workflow_stage=®ular_area=®ular_court=®ular_judge=&_=1761717967093&snippet_pos=440#snippet (дата обращения: 26.10.2025).

наличия или отсутствия всего комплекса признаков.

На первый взгляд бывает сложно отличить простое выражение мнения/оценочного суждения от пропаганды. Мнение и оценка в отличие от пропаганды не направлены на убеждение других лиц и не формируют целенаправленно у них определенных установок. Более того, действующие диагностические комплексы признаков (ДКП) и практика применения нормы могут непроизвольно расширять содержание пропаганды вплоть до ограничения выражения собственного мнения. Росмолодежь, Роскомнадзор, иные ведомства и организации достаточно широко толкуют понятие «пропаганда», тем самым сужая содержание контента, разрешенного к публикации. Законодательный запрет относится только к пропаганде, но не к «упоминанию» своих установок на добровольную бездетность; пропаганда — это более глубокий процесс, включающий целенаправленное воздействие на общественное сознание и формирование определенных идей, что не усматривается явно, на наш взгляд, в следующей публикации. Автор высказывает о необходимости уважать частную жизнь и не осуждать лиц, отказавшихся от деторождения. В практике внесудебной блокировки интернет-ресурсов материал может быть расценен как пропаганда, так как выражена поддержка лиц, относящих себя к чайлдфри («Быть чайлдфри — это нормально») — отказ от деторождения нормализуется, а нормализация является положительной оценкой явления/таких лиц (нормально — так, как полагается, как нужно; нормальный — хороший, правильный [5], что имеет положительную коннотацию).

Отсутствие методик не является камнем преткновения в проведении исследования по делам о пропаганде отказа от деторождения. Роскомнадзор разработал критерии для анализа потенциально противоправного контента в целях дальнейшего ограничения доступа к ресурсам во внесудебном порядке. Насколько приме-

нимы такие критерии к судебным лингвистическим (психолого-лингвистическим) экспертизам? Критерии Роскомнадзора, находящиеся в открытом доступе, включают лишь наименования ДКП, например «наличие информации, оправдывающей отказ от деторождения, способной сформировать положительное отношение к отказу от деторождения», «наличие информации, направленной на формирование отрицательного образа беременности, материнства, отцовства»¹ и др. Однако существуют еще и ДКП, разработанные иными организациями, которые более подробно раскрывают тематику, отношение, цель [8], т.е. компоненты, которые нужно установить в исследуемых материалах и которые должны совпасть с эталоном, что включает аналогичные компоненты из методик по другим видам и подвидам экспертиз. Например, аналогичные компоненты значения существуют в методике проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении (в которой устанавливается совпадение (соответствие) или различие (неполное совпадение) выявленных на аналитическом этапе лингвистических признаков с данным ДК [3]). Так, по нашему мнению, при отсутствии специально разработанных для экспертизы методик критерии, которые используются для экспресс-анализа контента Роскомнадзором, могут быть применимы и для судебной экспертизы, но установление только признаков из диа-

¹ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций «О внесении изменений в Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, утвержденные приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27.02.2023 № 25» от 10.03.2025 № 58 // «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411825580/> (дата обращения: 26.10.2025).

гностических комплексов не обеспечит полноты экспертного исследования, поэтому в дополнение необходимо использовать и иные лингвистические знания.

Суды в приговорах используют следующие критерии: «Пропаганда <...>, выразившаяся в распространении информации и (или) совершении публичных действий, направленных на формирование <...> привлекательности <...> отказа от деторождения <...> либо социальной равноценности рождения детей и отказа от деторождения, либо навязывание информации <...> об отказе от деторождения, вызывающей интерес к <...> отказу от деторождения, за исключением случаев, предусмотренных статьей 6.21.1 настоящего Кодекса, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния»¹. Они не включают все возможные варианты выражения пропаганды, как, например, в тех же критериях Роскомнадзора из приказа № 58 от 10.03.2025.

Для предотвращения распространения более опасных деяний, особенно уголовно наказуемых, которые могут нанести вред жизни и здоровью перечисленных ранее лиц, имеет смысл более оперативное выявление и ограничение доступа к контенту, формирующему не просто негативное, а враждебное и агрессивное отношение к матерям, будущим матерям, детям, традиционным семьям, имеющим или планирующим детей. Упростить поиск и анализ таких материалов может внедрение определенных языковых маркеров в автоматизированные поисковые системы. Известны два основных способа автоматизированного формирования тематической текстовой коллекции: с помощью лингвистических маркеров и с помо-

щью обучающей выборки [7]. В данном случае наиболее оптимальным, на наш взгляд, будет первое.

Языковой маркер (или диагностический лингвистический маркер) — это общий термин для устанавливаемого экспертом в процессе исследования спорного текста некоторого лингвистического факта, языкового явления, позволяющего эксперту диагностировать что-либо, утверждать, сделать какой-либо вывод, ответить тем или иным образом на поставленный перед ним вопрос. Все выводы эксперта должны опираться на конкретные лингвистические маркеры, которые подтверждают его выводы и утверждения [10].

Языковые маркеры можно группировать различными способами; один из вариантов — разделение всех маркеров по языковым уровням: морфологические, лексико-семантические, синтаксические, стилистические и прагматические (все примеры далее взяты из реальных публикаций в социальных сетях и мессенджерах).

1. В первую группу войдет использование постфиксов, создающих пренебрежительную окраску словам: -к (мамки), -аш,-к (мамашки), -яшк (овуляшки), - ус (личинус); словообразование путем словосложения: яжемать, свиноматка, щастематеринства и т.п.

2. Во вторую — отдельные характерные слова данного дискурса (например, «овуляшка», «свиноматка», «мерзко», «ошибка природы», «тело-инкубатор», «личинус», «опарыш», «паразит», «яжемать», «плодиться», «размножаться», «отвращение», «орать и гадить», «сломать/разрушить жизнь», «ненавижу детей»).

3. К третьей, синтаксической группе отнесем риторические вопросы («Ну и зачем мне тогда ребенок?», «Зачем плодить нищету?», «Как вам не мерзко?»), безличные и обобщенно-личные предложения («Недопустимо создавать детей», «Когда тебе капают на мозги много лет одно и то же, тебе, наоборот, назло хочется ни в коем случае не заводить ребен-

¹ Решение № 12-52/2025 по делу № 12-52/2025 от 17.03.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Lnb8tK0H0gZQ/?page=2®ulartxt=Отказ+от+деторождения+®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=01.12.2024®ular-date_to=29.10.2025®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1761717967093&snippet_pos=440#snippet (дата обращения: 26.10.2025).

ка»), противопоставительные конструкции с противительными союзами, отрицательными частицами.

4. Четвертая группа включает языковые приемы, в частности сарказм (язвительные насмешки над лицами, сделавшими выбор в пользу рождения и воспитания человека), дегуманизация и цинизм (сравнение детей с отходами жизнедеятельности живых организмов, паразитами, животными, где животные при этом занимают более высокое положение), сравнения (сравнение жизни с ребенком и без него; сравнение преимуществ рождения ребенка или покупки животного), градации (последовательное перечисление проблем, которые с каждым годом жизни ребенка будут возникать у матери, в порядке от наиболее простых к более сложным и опасным) и др.

5. Пятую группу представляют целые коммуникативные стратегии, которые проявляются в отборе и комбинации маркеров всех вышеперечисленных уровней (формирование образа ребенка как разрушителя жизни, ошибки, помехи для личных отношений; освещение лишь преимуществ бездетной жизни).

Маркеры способны подтвердить отнесенность рассматриваемого информационного продукта к определенной тематике, указать на наличие информации о чайлдфри (слова и высказывания, относящиеся к семантическому полю «отказ от деторождения»), а также это способно ускорить процесс противодействия произрастанию деструктивного движения в Рунете в случае использования хотя бы лексических маркеров в мониторинговых программах. Предупреждение преступности (каковым можно считать вышеуказанные действия) является более надежным инструментом, чем пресечение действий уже в момент совершения или восстановление положения после реализации противоправного умысла.

Таким образом, одним из доказательств по новой категории в законодательстве является заключение судебного эксперта или справка об исследовании, к

чему привлекаются в основном эксперты в области лингвистической экспертизы, но могут также содействовать эксперты по психологической экспертизе. На данном этапе существуют нерешенные вопросы относительно качественного и всестороннего исследования признаков пропаганды отказа от деторождения.

В результате анализа актуальных проблем можно предложить следующие решения:

- доработка методической литературы относительно производства экспертиз по делам, связанным с пропагандой отказа от деторождения, возможно, объединение существующих диагностических комплексов признаков с другими положениями и рекомендациями, которые могут пригодиться при производстве экспертиз, в единую методику;
- выявление из достаточного количества эмпирического материала и систематизация лингвистических маркеров, формирование автоматизированной тематической текстовой коллекции на их основе в целях упрощения как поиска контента, так и производства экспертизы.

Список источников

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 2. С. 53—65.
2. Britannica. Большой энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ, 2009.
3. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы: Науч.-практ. журн. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. № 1 (41). С. 92—98.
4. Каменева В.А. Манипуляция и (или) пропаганда. Функциональные особенности социальной рекламы // Полит. лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 35—39.

5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Авт. редакция. 2000. 1536 с. [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=манипуляции&mode=slovari&dicts\[\]](https://gramota.ru/poisk?query=манипуляции&mode=slovari&dicts[])=42 (дата обращения: 25.10.2025).

6. Поверинов И.Е. Пропаганда, манипуляция сознанием, коммуникационные технологии // Вестн. Мордов. ун-та. Т. 14, № 1/2. С. 55—60.

7. Саркисова А.Ю., Петров Е.Ю., Дунаева Д.О. Разработка системы лингвистических маркеров для автоматизированной выгрузки тематических текстовых данных из социальной сети // Государственное управление: Электронный вестник. 2023. № 97. С. 70—84.

8. Соколова Т.П. Вебинар 3.12 «Правовой анализ информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола, отказа от деторождения» от 10.06.2025. Программа дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) «Правовой анализ информационных материалов, потенциально содержащих противоправный контент». Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025.

9. Социологический энциклопедический словарь / Ред.-сост. акад. РАН Г.В. Осипов. М.: Норма, 2000.

10. Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики. Воронеж, 2018.

References

1. Baranov A.N., Parshin P.B. The category of propaganda in the linguistic examination of the text // Theory and practice of forensic examination. 2017. Т. 12, No. 2. P. 53—65.

2. Britannica. Great Encyclopedic Dictionary. M.: Astrel: AST, 2009.

3. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Methodology of conducting forensic linguistic examination in cases of insult // Theory and practice of forensic examination : scientific and practical journal. Moscow: RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia. 2016. No. 1 (41). P. 92—98.

4. Kameneva V.A. Manipulation and (or) Propaganda. Functional Features of Social Advertising // Political Linguistics. 2013. No. 2 (44). P. 35—39.

5. Kuznetsov S.A. Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. Author's Edition. 2000. 1536 p. [Electronic resource]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=manipulation&mode=slovari&dicts\[\]](https://gramota.ru/poisk?query=manipulation&mode=slovari&dicts[])=42 (date of access: 25.10.2025).

6. Poverinov I.E. Propaganda, Mind Manipulation, and Communication Technologies // Bulletin of Mordovia University. Vol. 14. No. 1/2. P. 55—60.

7. Sarkisova A.Yu., Petrov E.Yu., Dunaeva D.O. Development of a system of linguistic markers for automated extraction of thematic text data from a social network. // Public Administration. Electronic Bulletin. 2023. No. 97. P. 70—84.

8. Sokolova T.P. Webinar 3.12 «Legal analysis of information promoting non-traditional sexual relations and (or) preferences, pedophilia, gender reassignment, and refusal to bear children» dated 10.06.2025. Program of additional professional education (advanced training) «Legal analysis of information materials potentially containing illegal content». O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025.

9. Sociological Encyclopedic Dictionary / Ed. by Acad. RAS G.V. Osipov. Moscow: Norma, 2000.

10. Sternin I.A. Fundamentals of Linguistic Forensics. Voronezh, 2018. P. 244—245.

Информация об авторе

Е.В. Маснева — студентка Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина».

Information about the author

E.V. Masneva — student of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University».

К вопросу о внедрении систем искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность: проблемы и перспективы

Арина Денисовна Шурховецкая

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина», Москва, Россия

E-mail: arina1005@bk.ru

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта обусловили инновационные вызовы для судебно-экспертной деятельности. Процесс цифровой трансформации судебной экспертизы существенно расширил границы специальных знаний, что позволило данному виду профессиональной деятельности выйти на новую ступень своего развития, играя значимую роль в современном судопроизводстве. В данной статье искусственный интеллект рассматривается сквозь призму судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности. Анализируются ключевые моменты, связанные с внедрением искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность, в частности проблемы обеспечения доверия и возможности проверки получаемых результатов, а также некоторые аспекты, связанные со сложностью толкования термина «специальные знания» в контексте рассматриваемой темы. Приводятся некоторые мнения и предложения, направленные на усовершенствование процесса интеграции искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебно-экспертная деятельность, цифровизация, специальные знания, цифровые следы.

Для цитирования: Шурховецкая А.Д. К вопросу о внедрении систем искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность: проблемы и перспективы // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 50–55.

On the issue of introducing artificial intelligence systems in forensic expert activity: problems and prospects

Arina D. Shurkhovetskaya

Federal state autonomous educational institution of higher education
«Kutafin Moscow state law university», Moscow, Russia

E-mail: arina1005@bk.ru

Abstract. Artificial intelligence technologies have posed innovative challenges for forensic expertise. The process of digital transformation of forensic expertise has significantly expanded the boundaries of specialized knowledge, allowing this field of professional activity to reach a new level of development and play a significant role in modern legal proceedings. In this article, artificial intelligence is examined through the lens of forensic expertology, the science of forensic expertise and forensic activity. The article analyzes key issues related to the implementation of artificial intelligence in forensic activities, including the challenges of ensuring trust and verifying the results, as well as the complexity of interpreting the term "special knowledge" in the context of this topic. The article also provides some opinions and suggestions aimed at improving the integration of artificial intelligence in forensic activities.

Keywords: artificial intelligence, forensic activities, digitalization, special knowledge, and digital traces.

For citation: Shurkhovetskaya A.D. On the issue of the introduction of artificial intelligence systems in forensic expertise: problems and Prospects // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 50–55.

Технологии искусственного интеллекта обусловили инновационные вызовы для судебно-экспертной деятельности. Процесс цифровой трансформации судебной экспертизы существенно расширил границы специальных знаний, что

позволило данному виду профессиональной деятельности выйти на новую ступень своего развития, играя значимую роль в современном судопроизводстве. В данной статье искусственный интеллект рассматривается сквозь призму судебной

экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности. Анализируются ключевые моменты, связанные с внедрением искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность, в частности проблемы обеспечения доверия и возможности проверки получаемых результатов, а также некоторые аспекты, связанные со сложностью толкования термина «специальные знания» в контексте рассматриваемой темы. Приводятся некоторые мнения и предложения, направленные на усовершенствование процесса интеграции искусственно-го интеллекта в судебно-экспертную деятельность.

Судебная экспертология — наука синтетической природы. Это означает, что она интегрирует положения юридических отраслей знания, иных гуманитарных и естественных наук. Ее теория служит базисом для практической деятельности по обеспечению защиты прав и свобод граждан, а также интересов государства посредством проведения судебных экспертиз. Так, модель общей структуры судебной экспертологии включает в себя:

- 1) общую теорию судебной экспертологии;
- 2) правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- 3) организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- 4) судебно-экспертные технологии.

Следовательно, существенное влияние на возникновение новых родов и видов судебных экспертиз оказывает активное развитие не только юридической науки, но и отдельных отраслей науки и техники. Технологический прогресс открывает новые горизонты для создания мощных инструментов, которые становятся, во-первых, объектами судебной экспертизы и, во-вторых, техническими средствами, при помощи которых их будут исследовать. При рассмотрении общей теории судебной экспертологии особого внимания заслуживает одна из частных теорий, именуемая теорией о цифровизации судебно-экспертной деятельности. Ее появление обусловлено широким распространением преступлений в сфере компью-

терной информации. Таким образом, объектами частной теории о цифровизации судебно-экспертной деятельности являются цифровые следы. Под *цифровым следом* понимается криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или действиях, которая отражается в материальной среде в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи в уникальной семантической последовательности машинного кода [6]. Дальнейшее развитие данной частной теории лежит в русле формирования ее системы как методологической и технологической основы использования информационных технологий в экспертных исследованиях любых объектов судебной экспертизы.

Под *искусственным интеллектом* понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их¹. Алексей Александрович Бессонов выделяет три основополагающих начала, на которых должны базироваться теоретические и прикладные исследования по использованию искусственного интеллекта в различных областях [2]:

- 1) глубокое понимание сути и реальных возможностей рассматриваемых технологий;
- 2) знание всех тонкостей сферы их внедрения;
- 3) разумный подход и контроль над получаемыми результатами со стороны человека.

А.А. Бессонов также обращает внимание на то, что в настоящее время максимально достигнутый человечеством результат рассматриваемых технологий представлен слабым искусственным интеллектом, который, в свою очередь, сочетает в себе два вида — восходящий (т.е. позволяющий моделировать отдельные

¹Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

мыслительные операции человека для решения какой-либо определенной задачи с ограниченным перечнем условий) и нисходящий (т.е. опирающийся на имеющийся опыт, заложенный в него в процессе процедуры обучения, и приходящий к принятию решения на основе комплексной оценки входных данных). Сильный искусственный интеллект, который должен являться аналогом человеческого, на сегодняшний день отсутствует, не говоря уже о сверхсильном искусственном интеллекте, который по своим параметрам превзошел бы человеческий.

Таким образом, дается понятие, применимое именно к современному искусственному интеллекту, — под ним понимается открытая либо закрытая система, состоящая из реализованного на языке компьютерного программирования взаимосвязанного набора инструкций, определяющих математические вычисления, архитектура и параметры которой определены в результате процедуры, именуемой «обучение», предназначеннной для решения некоторых интеллектуальных задач, с которыми основанные на ней компьютерные системы благодаря высокой вычислительной производительности справляются эффективнее человека [1].

Для судебно-экспертной деятельности искусственный интеллект может представлять интерес не только как полезное техническое средство, но и как объект экспертного исследования. *Во-первых*, технологии искусственного интеллекта могут применяться в целях решения экспертных задач, таких как обработка больших объемов информации, расшифровка чатов, выявление вредоносного программного обеспечения и т.д. Следовательно, здесь искусственный интеллект будет выступать в качестве помощника судебного эксперта, например, исходя из того, что его инструментарий позволит существенно сократить сроки производства судебной экспертизы. Важнейшей особенностью искусственного интеллекта является его способность к самообучению, т.е. к обучению на основе опыта, улучшению своей производительности без явного программирования. Соответ-

ствующее обучение должно производиться на основе оценки прошлой и настоящей экспертной практики с возможным построением прогноза будущей практики исследования новых объектов, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений. Таким образом, речь идет об интеграции алгоритмов машинного обучения в практику судебно-экспертных исследований, теоретической же платформой в данном случае выступает сочетание теории цифровизации судебно-экспертной деятельности и учения об экспертном прогнозировании. Такой синтез обусловлен необходимостью тщательно анализировать потенциальные риски, связанные с возможным увеличением количества экспертных ошибок как гносеологического, так и деятельностного характера при внедрении указанных технологий.

Следует пояснить, что под *судебно-экспертным прогнозированием* понимается специальное научное исследование, предметом которого являются перспективы развития процессов и явлений, сопряженных с осуществлением судебно-экспертной деятельности и отражающих ее теоретические, правовые и организационные закономерности. Прогнозный фон судебно-экспертного прогнозирования как комплекс внешних условий развития судебно-экспертной деятельности, значимых для решения задач прогноза, включает в себя научно-технический прогресс, обусловленный цифровизацией всех сфер жизни общества, внедрением в различные сферы, в частности в правоохранительную практику, технологий искусственного интеллекта [9].

Философской базой прогнозирования выступает категория причинности, между тем как логический фундамент строится на принципе экстраполяции знаний, т.е. процессе переноса накопленных сведений из одной области познания в другую, ранее неизученную сферу [3]. *Во-вторых*, рассматривая искусственный интеллект как объект экспертного исследования, можно отметить, что ключевым здесь является наличие информационных материалов, создаваемых посредством примене-

ния нейросетей и содержащих запрещенный контент. Спектр фейковых материалов разнообразен — каждый из них вводит аудиторию в заблуждение. Это могут быть тексты, сгенерированные нейросетями, чат-боты, виртуальные собеседники, предназначенные для сбора противоправного пропагандистского контента, и т.д.

Одним из немаловажных вопросов, возникающих при внедрении искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность, является проблема обеспечения доверия и возможности проверки получаемых результатов. Применительно к судебно-экспертной деятельности термин «доверие» обычно трактуется как «достоверность», при этом в судебной экспертологии понятие достоверности многогранно: сюда относятся и вопросы достоверности результатов экспертного исследования, и проблема перехода вероятного знания в достоверное [8]. Достоверность особенно значима по отношению к представленным на экспертизу материалам, вещественным доказательствам, сравнительным образцам — без проверки экспертом данного свойства нельзя было бы говорить о проведении им полного и всестороннего исследования, следовательно, такое заключение как доказательство также не являлось бы достоверным, т.е. соответствующим фактам, событиям или явлениям, имевшим или имеющим место в объективной реальности. Соответственно достоверность выводов, полученных по результатам экспертного исследования, также имеет весомое значение. Качества, которыми должны обладать выводы эксперта, отраженные в его заключении, закреплены на законодательном уровне — заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных¹.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что такая многоаспектность категории достоверности порождает ряд

трудностей, связанных с применением технологий искусственного интеллекта в данной области. В настоящее время активно формируются различные рекомендации, направленные на регулирование спорных вопросов, касающихся разработки систем искусственного интеллекта. В частности, к ним можно отнести следующие положения:

1) системы искусственного интеллекта должны быть выстроены, базируясь на этических принципах и стандартах, в которых приоритет отдается справедливости, прозрачности и подотчетности. Такая необходимость обуславливается целью избежать предвзятости в данных и алгоритмах;

2) системы искусственного интеллекта должны быть тщательно проверены и протестированы в целях обеспечения гарантии их точности и надежности. Отмечается, что посредством проведения такой проверки будет устанавливаться не только соответствие систем искусственного интеллекта эталонным показателям, но и их чувствительность к различным входным данным, сценариям и контекстам;

3) системы искусственного интеллекта должны тщательно контролироваться и оцениваться, для того чтобы успешно определять их влияние на пользователей. Регулярный аудит может помочь гарантировать, что системы искусственного интеллекта останутся справедливыми, прозрачными и подотчетными с течением времени.

Производство судебных экспертиз является неотъемлемой частью уголовно-процессуальной сферы общественных отношений. Специальные знания в данном случае образуют собой движущую силу, без которой в определенных случаях следователю не представляется возможным установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному уголовному делу. В 2020 г. был создан Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации, основными целями деятельности которого являются организация и производство судебных экспертиз, назначенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодатель-

¹Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

ством Российской Федерации¹. Наиболее активное развитие по итогам последних лет, в частности, можно выделить у компьютерно-технических, информационно-аналитических, фоноскопических, лингвистических, строительно-технических экспертиз, что напрямую связано с широким распространением и развитием информационно-коммуникационных технологий. Возвращаясь к категории специальных знаний, стоит отметить, что в законодательстве отсутствует единый подход к определению данной дефиниции, что является поводом для многочисленных дискуссий на этот счет и, как следствие, порождает ряд существенных проблем. В доктрине наиболее распространено следующее понятие *специальных знаний* — это система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимых для решения вопросов, возникающих в различных видах судопроизводства [5]. Вследствие этого любопытным представляется вопрос о том, какие знания можно считать специальными с точки зрения применения и использования в судебно-экспертной деятельности технологий искусственного интеллекта. Предполагается, что для решения данного вопроса необходимы масштабная актуализация действующей законодательной базы и как минимум нормативное закрепление термина «специальные знания».

Отдельное внимание стоит уделить точкам зрения некоторых ученых, которые сформировали мнения относительно того, что может успешно повлиять на дальнейшее внедрение систем искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность. Алексей Иванович Хмыз указывает на необходимость формулирования принципов использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности, а также

принципов принятия и оценки окончательного решения, основанного, в частности, на результатах применения алгоритмов рассмотренного феномена [7]; Елена Рафаиловна Россинская обращает внимание на то, что целесообразной представляется постановка вопроса о создании системы искусственного интеллекта судебно-экспертной деятельности в рамках федеральной программы «Искусственный интеллект» либо принятие федеральной программы «Искусственный интеллект в судебной экспертизе», как это предлагают авторы из Российского федерального центра судебной экспертизы имени А.Р. Шляхова при Минюсте России [4].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: повсеместное распространение искусственного интеллекта в различных отраслях достигло колоссальных масштабов. Судебно-экспертная деятельность, в частности, претерпевает серьезные изменения. В настоящее время ключевое значение продолжает принадлежать методикам и профессиональному опыту судебного эксперта, который способен провести исследование объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей экспертной специальности, всесторонне и в полном объеме. Решающая роль в интерпретации окончательных результатов должна оставаться за судебным экспертом, несмотря на значительное расширение возможностей обработки больших объемов информации при помощи технологий искусственного интеллекта.

Список источников

1. Бессонов А.А. Изучение преступной деятельности с использованием искусственного интеллекта: Монография. М.: Инфра-М, 2025. 432 с.
2. Бессонов А.А. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 16—21.
3. Россинская Е.Р. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: между

¹Распоряжение Правительства РФ от 15.07.2020 № 1827-р «О создании федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4727.

инновациями и рисками // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы седьмой Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 05 июня 2025 года. — Екатеринбург: АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб», 2025. С. 155—161.

4. *Россинская Е.Р.* Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2024. № 3 (115).

5. *Россинская Е.Р., Зинин А.М., Миллердова Н.В.* Основы судебной экспертизы: Учебник для студентов, экспертов-практиков, юристов. М.: Проспект, 2025. 216 с.

6. *Саркисян А.А.* Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 168 с.

7. *Хмыз А.И.* Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестн. экон безопасности. 2022. № 5. С. 224—227.

8. *Чеснокова Е.В., Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Никулина М.В.* Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 60—77.

9. *Чистилина А.С.* Судебно-экспертное прогнозирование формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2025. 221 с.

References

1. *Bessonov A.A.* Study of Criminal Activity Using Artificial Intelligence: Monograph. Moscow. Infra-M, 2025. 432 p.
2. *Bessonov A.A.* Prospects for Using Artificial Intelligence Technology in Forensic Expert Activity // Forensic Expertise and Research. 2022. No. 1. P. 16—21.
3. *Rossinskaya E.R.* Artificial Intelligence in Forensic Expertise: Between Innovation and Risks / E.R. Rossinskaya // Technologies of the 21st Century in Jurispru-

dence: Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, June 5, 2025. Yekaterinburg: ANO Center for the Promotion of Criminalistics Development «KrimLib», 2025. P. 155—161.

4. *Rossinskaya E.R.* Neural networks in forensic expertology and expert practice: problems and prospects // Bulletin of the Kutafin University. 2024. No. 3 (115).

5. *Rossinskaya E.R., Zinin A.M., Millerdova N.V.* Fundamentals of Forensic Expertise: A Textbook for Students, Practicing Experts, and Lawyers. M.: Prospekt LLC, 2025. 216 p.

6. *Sarkisyan A.A.* Digitalization of Forensic Expert Activity: Theoretical, Legal, and Organizational Aspects: Dis. ... Cand. Law. Sciences: 5.1.4. Moscow, 2024. 168 p.

7. *Khmyz A.I.* Using the Possibilities of Artificial Intelligence in Forensic Expertise // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 5. P. 224—227.

8. *Chesnokova E.V., Usov A.I., Omelyanyuk G.G., Nikulina M.V.* Artificial Intelligence in Forensic Expertise // Theory and Practice of Forensic Expertise. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 60—77.

9. *Chistilina A.S.* Forensic Expert Forecasting of the Formation and Development of New Types and Kinds of Expertise in the Context of Digitalization: Theoretical and Applied Aspects: Dis. ... Cand. jurid. sciences: 5.1.4. Moscow, 2025. 221 p.

Информация об авторе

А.Д. Шурховецкая — студентка Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина».

Information about the author

A.D. Shurkhovetskaya — student of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University».

Актуальные вопросы назначения и производства судебной строительно-технической экспертизы, проводимой в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации

Юрий Алексеевич Балабин

ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Москва, Россия

Наталья Вячеславовна Иванова

ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Москва, Россия

Аннотация. В статье приводятся тактические особенности назначения судебной строительно-технической экспертизы. Авторы указывают конкретные методические рекомендации, согласно которым производится судебная строительно-техническая экспертиза в СЭЦ СК России. Отмечается роль осмотра места происшествия, проводимого перед назначением судебной строительно-технической экспертизы.

Ключевые слова: судебная строительно-техническая экспертиза, методические рекомендации, осмотр места происшествия, СЭЦ СК России, программный комплекс.

Для цитирования: Балабин Ю.А., Иванова Н.В. Актуальные вопросы назначения и производства судебной строительно-технической экспертизы, проводимой в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 56–61.

Actual issues of appointment and production of forensic construction and technical expertise conducted at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation

Yuri Al. Balabin

Department of Engineering and Technical Research at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Natalia V. Ivanova

Department of Engineering and Technical Research at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the tactical features of the appointment of forensic construction and technical expertise. The authors provide specific methodological recommendations for conducting forensic construction and technical expertise at the Forensic Examination Center of the Investigative Committee of the Russian Federation. The role of the scene inspection conducted before the appointment of forensic construction and technical expertise is highlighted.

Keywords: forensic construction and technical expertise, methodological recommendations, scene inspection, Forensic Examination Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, software package.

For citation: Balabin Yu.A., Ivanova N.V. Current Issues of Appointment and Production of Forensic Construction and Technical Expertise Conducted at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 56–61.

В расследовании уголовных дел и по-
следующем их судебном разбирательстве
большое значение отведено судебной
строительно-технической экспертизе.

*Судебная строительно-техническая
экспертиза* — это род судебных экспер-

тиз, представляющий собой исследова-
ние строительных объектов и террито-
рии, функционально связанной с ними,
в целях получения фактических данных,
имеющих доказательственное значение
в ходе судопроизводства по уголовным

и по материалам процессуальных проверок¹.

В федеральном государственном казенном учреждении «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (далее — СЭЦ СК России) в соответствии с приказом Следственного комитета Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 77 организовано в том числе производство судебных экспертиз по специальности «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью определения их стоимости»².

Владея специальными знаниями, профессиональными навыками и опытом по данной специальности, эксперты СЭЦ СК России производят судебные экспертизы, связанные с постановкой вопросов в отношении:

- финансовых нарушений в строительстве, в том числе при реализации национальных проектов Российской Федерации и контрактов Минобороны Российской Федерации, а также при участии в строительстве денежных средств дольщиков;
- несоответствий зданий и сооружений нормативным требованиям в области градостроительной деятельности и несоответствий проектной документации требованиям специальных правил;
- ветхих и аварийных домов, жилья ненадлежащего качества, в том числе предоставленного детям-сиротам;
- аварий и обрушений зданий и сооружений, в том числе в отношении ситуаций, требующих выполнения сложных конструктивных расчетов

¹ГОСТ Р 59529-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 25.05.2021 № 449-ст).

² Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 «Об утверждении порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз».

с построением компьютерных моделей зданий и сооружений в специализированных программных комплексах;

- отравлений граждан угарным газом (окисью углерода) при эксплуатации газоиспользующего оборудования;
- охраны труда и промышленной безопасности непосредственно на строительных площадках при производстве строительно-монтажных работ (по иным несчастным случаям на производстве и линейных объектах, в том числе на опасных производственных объектах, экспертизы в СЭЦ СК России не проводятся).

Судебные экспертизы по данной специальности проводятся экспертами отдела инженерно-технических исследований СЭЦ СК России и экспертами строительно-технического направления филиалов СЭЦ СК России.

Производство судебных экспертиз по данной специальности в СЭЦ СК России осуществляется согласно методическим рекомендациям³, разработанным сов

³ Методические рекомендации по производству экспертиз и исследований в системе Следственного комитета Российской Федерации: Метод. пособие. М., 2018. 144 с.; Методические рекомендации «Проведение осмотров мест происшествий разрушений зданий и сооружений. Способы исследования причин разрушения зданий и сооружений в результате силовых и деформационных воздействий на компьютерных моделях с использованием вычислительных программных комплексов при производстве судебных строительно-технических экспертиз по уголовным делам и материалам процессуальных проверок»: Метод. рекомендации. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. 136 с.; Методические рекомендации по производству осмотра места происшествия на значительной территории с многочисленными объектами в условиях специальной военной операции. Алгоритм и методы расчета ущерба, причиненного в ходе боевых действий. Разработаны и утверждены ГУК (КЦ) СК России: Метод. рекомендации. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. 46 с.; Методические рекомендации по производству осмотра места происшествия на значительной территории с многочисленными объектами в условиях специальной военной операции. Алгоритм и методы расчета ущерба, причиненного в ходе боевых действий. Разработаны и утверждены ГУК (КЦ) СК России: Метод. рекомендации. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. 82 с.; Методические рекомендации по подготовке материалов к назначению производства судебных строительно-технических экспертиз в системе Следственного комитета Российской Федерации по материалам процессуальных проверок и уголовным делам: Метод. рекомендации. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. 22 с.; Методические рекомендации «Исследование проектной документации (на строительство, реконструкцию и капитальный ремонт) на предмет оценки ее соответствия требованиям специальных правил при производстве судебных строительно-технических экспертиз»: Метод. рекомендации. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2023. 34 с.

местно сотрудниками отдела инженерно-технических исследований СЭЦ СК России и Главным управлением криминалистики (Криминалистическим центром) Следственного комитета Российской Федерации (далее — ГУК (КЦ) СК России), утвержденным решением Научно-технического совета Следственного комитета Российской Федерации, и опубликованным информационным письмам¹. С учетом актуальных потребностей, анализа практики назначения и производства экспертиз и исследований, выполняемых в СЭЦ СК России, выработан научно-методический подход, содержащий алгоритм действий, рекомендуемый при назначении судебных экспертиз для следственных органов и при их производстве для судебных экспертов.

В том числе во исполнение приказа Следственного комитета Российской Федерации от 02.02.2022 № 10², следователи проводят консультации с экспертами СЭЦ СК России по вопросам назначения экспертиз и исследований, в ходе которых экспертами оказывается практическая и методическая помощь по изучению материалов уголовного дела или процес-

¹ Информационное письмо № ИСОсэц-113/8-1550/22 от 18.04.2022 «Об особенностях назначения судебных строительно-технических экспертиз», 2022. 12 с.; Информационное письмо № ИСОсэц-113/8-71408-23 от 03.11.2023 «О возможностях ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» по производству судебных строительно-технических экспертиз по материалам проверок или по уголовным делам, возбужденным по фактам отравления людей угларным газом при эксплуатации газоиспользующего оборудования», 2023. 2 с.; Информационное письмо № Исп-213/22-5530-23/ от 30.01.2023 «Об отдельных особенностях расследования и назначения судебных экспертиз по уголовным делам, возбужденным по фактам причинения вреда жизни и здоровью граждан при эксплуатации детского игрового оборудования и аттракционов, а также спортивного инвентаря и оборудования», 2023. 2с.; Информационное письмо № Исп-213/22-23949-23/23947 от 13.04.2023 «Об особенностях назначения судебных строительно-технических экспертиз, назначаемых по уголовным делам, возбуждаемым по преступлениям, связанным с охраной труда и промышленной безопасностью на строительных площадках при производстве строительно-монтажных работ», 2023. 18 с.; Информационное письмо № Исп-213/22-50264-24/25572 от 19.07.2024 «Об особенностях назначения судебных строительно-технических экспертиз по жилым помещениям ненадлежащего качества, ветхому и аварийному жилью в федеральное государственное казенное учреждение «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», 2024. 2 с.

² Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 02.02.2022 № 10 «Об организации взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».

суальной проверки, в целях постановки вопросов на разрешение эксперту и подбору необходимых материалов (документов) для назначения экспертизы и проведения исследования.

В СЭЦ СК России развито научное направление строительно-технической экспертизы, сотрудниками отдела инженерно-технических исследований принято участие в разработке совместно с Московской академией Следственного комитета Российской Федерации монографии «Научно-методические аспекты назначения и производства некоторых видов судебных экспертиз», разработана глава 2 «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью определения их стоимости» [5].

Вместе с этим научные аспекты строительно-технической экспертизы, проводимой в СЭЦ СК России, отражены в научных статьях, опубликованных в международных научно-технических журналах и в сборниках материалов Всероссийской научно-практической конференции [1; 2; 3; 4; 6].

В целях совершенствования профессиональных навыков и компетенций сотрудниками отдела инженерно-технических исследований СЭЦ СК России в 2022 г. совместно с Московской академией Следственного комитета Российской Федерации разработана дополнительная профессиональная программа «Судебная строительно-техническая экспертиза», в рамках которой ежегодно проводится обучение экспертов СЭЦ СК России.

Также в соответствии с планом стажировки сотрудников криминалистических подразделений следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) на базе Московской академии Следственного комитета Российской Федерации при участии сотрудников отдела инженерно-технических исследований СЭЦ СК России на постоянной основе проводятся за-

нятия со следователями и следователями-криминалистами по вопросам назначения судебных строительно-технических экспертиз в системе Следственного комитета Российской Федерации.

Судебные строительно-технические экспертизы производятся как государственными экспертами, так и негосударственными. Однако следует отметить, что частная теория и единый научно-методический подход могут быть реализованы только при производстве таких экспертиз в рамках одного ведомства. Теоретически использование разных научно-методических подходов при условии их научной обоснованности и надлежащей апробации должно привести к единому результату, однако строительно-технические экспертизы, производимые не в СЭЦ СК России по своим методическим подходам, будут отличаться, так как в их основе заложена своя частная теория.

Так, производимые судебные строительно-технические экспертизы в СЭЦ СК России содержат теоретико-методологическую основу, изложенную в разработанных методических материалах.

Данные методические материалы рекомендуются при назначении экспертиз для следственных органов и при их производстве для судебных экспертов. В них содержатся основные цели, задачи, перечень объектов исследования, типовые вопросы на разрешение эксперту, а также особенности производства осмотров мест происшествий на объектах капитального строительства, в том числе осмотра зданий и сооружений, разрушенных (поврежденных) в результате действий вооруженных формирований Украины.

Методическими аспектами производства экспертиз и исследований являются методы и средства, используемые экспертом при решении поставленных задач. Конкретные методы проведения экспериментального исследования и средства их реализации зависят от поставленных следствием вопросов, а также полноты сведений об объекте строительства (здании/сооружении) в предоставленных ма-

териалах на исследование. Производство строительно-технических экспертиз в СЭЦ СК России осуществляется с применением современных программных комплексов.

При производстве экспертиз, назначенных по фактам финансовых нарушений в строительстве, в том числе при реализации национальных проектов Российской Федерации и контрактов Минобороны Российской Федерации, а также при участии в строительстве денежных средств дольщиков, для расчета сметной стоимости работ применяется программный комплекс «Гранд-Смета», для подсчета объемов работ на сложных геометрических поверхностях — программный комплекс «AutoCAD»; при производстве экспертиз, назначенных по фактам произошедших аварий и обрушений зданий и сооружений, в том числе в отношении ситуаций, требующих выполнения сложных конструктивных расчетов с построением компьютерных моделей зданий и сооружений применяются специализированные программные комплексы «Лира-САПР» и STARK ES. Указанные программные комплексы реализуют численный метод строительной механики (метод конечных элементов), который используется для исследования напряженно-деформированного состояния элементов конструкций зданий и сооружений, подвергшихся разрушению.

Как показывает практика производства строительно-технических экспертиз в СЭЦ СК России, для получения фактических сведений об объекте исследования (здании/сооружении), событии, произошедшем и связанным со строительным объектом, по факту которого следственным органом возбуждено уголовное дело и необходимо назначение экспертизы, осмотр места происшествия является наиважнейшим следственным действием, проводимым до ее назначения, с участием специалистов в области строительства и представителей заинтересованных сторон (заказчика, подрядчика, проектной организации, представителей эксплуатирую-

щей организации и прочих лиц). Выбор лиц, которых необходимо привлечь к осмотру места происшествия, зависит не только от специфики осматриваемого объекта, но и определяется произошедшим событием¹. При необходимости для участия в осмотре места происшествия привлекаются специалисты, обладающие не только знаниями по осматриваемому объекту, но и необходимой приборной базой, в том числе поверенными средствами измерения.

В процессе осмотра определяется фактическое состояние строительного объекта, проводятся измерения, фотофиксация, при необходимости вскрываются строительные конструкции и отбираются образцы строительных материалов. Сведения, полученные в ходе осмотра строительного объекта, фиксируются в протоколе осмотра места происшествия и при вынесении следователем постановления о назначении судебной экспертизы становятся образцами для сравнительного исследования.

В целях оптимизации сроков производства судебной экспертизы рекомендуется следственным органам использовать свое право на привлечение неограниченного круга специалистов, обладающих необходимыми знаниями и оборудованием, для фиксации ими показателей еще до назначения экспертизы. Эта информация позволит сформировать обоснованные сведения в отношении соответствия состояния строительных объектов требованиям договорной, проектной, исполнительной, сметной документации на их возведение, а также требованиям нормативной документации в области градостроительной деятельности.

В настоящее время сотрудниками отдела инженерно-технических исследований СЭЦ СК России продолжается работа по совершенствованию научно-методической базы, в том числе с учетом создания новых направлений по произ-

водству строительно-технических экспертиз, а именно 1) в отношении охраны труда и промышленной безопасности при производстве строительно-монтажных работ, 2) в отношении поражения электрическим током на линейных объектах и объектах капитального строительства, 3) в отношении строительства автомобильных дорог, 4) в отношении архитектурно-строительных объектов культурного наследия, в связи с чем планируется внесение изменений в Приказ СК России от 24.07.2020 № 77 с введением соответствующих специальностей.

Список источников

1. Балабин Ю.А. К вопросу об исследовании причин и механизма обрушения зданий и сооружений на компьютерных моделях при производстве строительно-технических судебных экспертиз // Недвижимость: экономика, управление. 2020. № 4. С. 59—64.
2. Балабин Ю.А., Иванова Н.В. Технические аспекты визуального осмотра зданий, поврежденных в результате боевых действий, на предмет оценки степени повреждений с точки зрения технической возможности и целесообразности восстановления // Недвижимость: экономика, управление. 2022. № S3—1. С. 187—193.
3. Балабин Ю.А., Иванова Н.В. Технические и стоимостные аспекты производства судебных экспертиз зданий и сооружений, поврежденных в результате боевых действий // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика. Материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 октября 2023 г. М.: Моск. акад. Следственного комитета, 2024. С. 29—36.
5. Научно-методические аспекты назначения и проведения некоторых видов судебных экспертиз: Практ. Пособие / Ю.А. Балабин, А.А. Бунетова, Н.В. Иванова и др. М.: Моск. академия, 2023. 193 с.
6. Орехов Г.В., Макеев Б.А., Балабин Ю.А. Методы математического модели-

¹ Методические рекомендации по производству экспертиз и исследований в системе Следственного комитета Российской Федерации. Метод. пособие. М., 2018. 144 с.

рования и судебная строительно-техническая экспертиза // Недвижимость: экономика, управление. 2019. № 2. С. 78—82.

References

1. *Balabin Yu.A.* On the issue of studying the causes and mechanism of collapse of buildings and structures on computer models in the production of construction and technical forensic examinations // Real Estate: Economics, Management. 2020. No. 4. P. 59—64.
2. *Balabin Yu.A., Ivanova N.V.* Technical aspects of visual inspection of buildings damaged as a result of hostilities, in order to assess the degree of damage in terms of the technical possibility and expediency of restoration // Real Estate: Economics, Management. 2022. No. S3—1. — P. 187—193.
3. *Balabin Yu.A., Ivanova N.V.* Technical and Cost Aspects of Forensic Examinations of Buildings and Structures Damaged in Combat Operations // Forensic Examinations in Criminal Proceedings: Theory and Practice : Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, October 19, 2023. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee, 2024. P. 29—36.
4. *Balabin Yu.A. Kokovin A.Yu., Novozhilov V.A.* Methodology of research of design documentation for construction in order to assess its compliance with the requirements of special rules in the production of judicial construction and technical expertise (in the order of discussion) // Real Estate: Economics, Management. 2023. No. 4. P. 73—78.
5. Scientific and methodological aspects of the appointment and conduct of certain types of forensic examinations: A practical
- guide / *Yu.A. Balabin, A.A. Bunetova, N.V. Ivanova et al* Moscow: Moscow Academy, 2023. 193 p.
6. *Orekhov G.V., Makeev B.A., Balabin Yu.A.* Methods of mathematical modeling and forensic construction and technical examination // Real Estate: Economics, Management. 2019. No. 2. P. 78—82.

Информация об авторах

Ю.А. Балабин — кандидат технических наук, старший эксперт отдела инженерно-технических исследований ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».

Н.В. Иванова — кандидат экономических наук, доцент, заместитель руководителя отдела инженерно-технических исследований ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Yu.A. Balabin — Ph.D., Senior Expert of the Department of Engineering and Technical Research at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation.

N.V. Ivanova — Ph.D., Associate Professor, Deputy Head of the Department of Engineering and Technical Research at the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Теоретические и практические аспекты формирования методической базы фотовидеотехнической экспертизы

Максим Анатольевич Вознюк

Федеральное государственное казенное учреждение «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Москва, Россия

Аннотация. Автором рассматриваются исторические вехи развития представлений о фотовидеофиксации и фотовидеотехнической экспертизе, приводятся конкретные труды ученых, обосновывающих необходимость производства такой экспертизы. Приводится перечень задач, решаемых при производстве фотовидеотехнической экспертизы, отмечается их комплексность. В статье называются конкретные программные комплексы, содействующие эксперту при производстве экспертизы.

Ключевые слова: судебная фотовидеотехническая экспертиза, судебная компьютерно-техническая экспертиза, фотовидеофиксация, экспертные задачи.

Для цитирования: Вознюк М.А. Теоретические и практические аспекты формирования методической базы фотовидеотехнической экспертизы // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 62–67.

Theoretical and practical aspects of the formation of the methodological base of photo and video technical expertise

Maksim A. Voznyuk

Federal State-Owned Institution «Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation», Moscow, Russia

Abstract. The author examines the historical milestones in the development of ideas about photo and video recording and photo and video technical expertise, and provides specific works by scientists justifying the need for such an examination. The author provides a list of tasks that are solved during the production of photo and video technical expertise, and notes their complexity. The article also mentions specific software systems that assist the expert in conducting the examination.

Keywords: forensic photo and video technical expertise, forensic computer and technical expertise, photo and video recording, expert tasks.

For citation: Voznyuk M.A. Theoretical and practical aspects of the formation of a methodological base for photovideotechnical expertise // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 62–67.

В настоящее время в экспертных кругах имеется дискуссия о компетенции исследований информационных технологий фотовидеофиксации и их продуктов — цифровых фото-, видео- и иных изображений в рамках родовых экспертиз или комплексного подхода. Особенностью организации таких экспертных исследований в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (далее — СЭЦ СК России) является их производство в рамках судебной фотовидеотехнической экспертизы

(далее — ФВТЭ), методическая база которой сформировалась в результате проведенной трансформации специальных знаний нескольких родовых экспертиз на базе знаний в сфере экспертных исследований информационных технологий и компьютерных средств. Трансформация методической базы ФВТЭ проводилась по совокупности теоретических и практических аспектов. Приведем некоторые из них.

Файлы цифровых изображений и информационные технологии их изготовле-

ния, обработки и изменения являются объектами различных криминалистических исследований и экспертиз, в ходе которых устанавливаются фактические данные и обстоятельства уголовных дел различной направленности. Способы изготовления, извлечения с различных устройств и носителей, постобработки и передачи всевозможных видов цифровых изображений по каналам связи и сами форматы цифровых изображений составляют единую предметную область информационных технологий фотовидеофиксации. Сам термин «фотовидеофиксация»¹ сформировался в период внедрения в Российской Федерации систем видеонаблюдения и контроля дорожного движения. Так, в Правилах дорожного движения Российской Федерации имеется информационный знак 6.22 «Фотовидеофиксация», который предупреждает водителей транспортных средств о местах применения работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и видеозаписи для фиксации нарушений Правил дорожного движения. Результаты фотовидеофиксации от разнообразных систем видеонаблюдения и контроля как совокупность цифровых фото- и видеоизображений в настоящее время используются в уголовных делах в качестве доказательственной информации, относимой к одному криминальному событию. Принятие решений по отнесению таких видеоматериалов к категории доказательств зависит от их информативности и предполагает привлечение специальных знаний в области современных информационных технологий фото- и видеосъемки, хранения, обработки, изменения и передачи совокупности цифровых видеоданных по каналам связи, т.е. информационных технологий фотовидеофиксации.

Компьютеризация и активное применение цифровой фотосъемки и видеозаписи в оперативно-розыскной, следственной и судебно-экспертной деятельности привели к тому, что фото- и видеоизображения при назначении судебных экспертиз стали представляться в составе единых материалов, в качестве взаимно идентифицируемых и идентифицирующих объектов. Затем кроме идентификационных задач стали решаться задачи по повышению различимости видеоизображения и выявления деталей объектов, задачи по установлению факта монтажа изображения, задачи по его поиску, извлечению, переносу с различных устройств и носителей. Развитие пользовательских программных продуктов по обработке и изменению цифровых изображений обусловило необходимость более эффективного контроля целостности оригиналов изображений в материалах дел, а также необходимость переработки имеющихся экспертных методических подходов по установлению обстоятельств изготовления цифровых объектов в целях исследования их новых свойств и признаков.

Развитие технологий систем видеонаблюдения и контроля доступа крупных предприятий и муниципальных объектов, методов системного анализа и обработки массивов видеоданных привело к тому, что сами информационные технологии стали объектами экспертных исследований. Такие объекты, как смартфоны, специализированные видеорегистраторы, видеосерверы и системы хранения видеоданных, форматы кодеков и мультимедийных файлов, программное обеспечение, а также носители с цифровой информацией, содержащей следы работы информационных процессов фотовидеофиксации, все чаще становятся объектами криминалистического анализа. Трудоемкость его задач (по установлению, извлечению и исследованию цифровой информации) существенно возрастает, что приводит к необходимости комплексирования специальных знаний фото-, видеотехнической экспертизы и знаний из сфе-

¹ См.: постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 №2441 «О внесении изменений в приложение 1 к Правилам дорожного движения Российской Федерации и признании утративших силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

ры информационных технологий и компьютерной техники.

В 2001 г. авторы монографии «Судебная компьютерно-техническая экспертиза» Е.Р. Россинская и А.И. Усов раскрывают предмет родовой СКТЭ как установление фактических данных и обстоятельств на основе исследований закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств и систем, обеспечивающих функционирование информационных процессов, сведения о которых зафиксированы в материалах дела. Информационный процесс сбора, обработки, хранения, поиска и распространения информации соотносится ими с компьютерными средствами и технологиями, в связи с чем видовая классификация СКТЭ представляется направлениями, характеризующими функционал типового компьютерного средства: аппаратная часть, программная часть и собственно компьютерная информация. Цифровые видеоданные, полученные средствами информационных технологий фотовидеофиксации, в терминах ст. 272 УК РФ в своей совокупности являются компьютерной информацией, а составляющие этих видеоданных (файлы фото-, видеоизображений) являются объектами экспертных задач, которые могут выполняться в том числе в рамках программно-компьютерной, информационно-компьютерной экспертиз как видов СКТЭ. Отмечая развитие мультимедийных компьютерных форматов файлов, Е.Р. Россинская и А.И. Усов указывали, что при решении смежных экспертных задач, таких как выявление признаков изменения, определение времени создания (удаления) информации, установление общего источника ее происхождения или отождествление содержания файла с данными в его копии либо на бумажном носителе [6, с. 120], необходимо производство комплексных компьютерно-технических и видеофоноскопических, технико-криминалистических экспертиз документов. Оценивая перспективы дальнейшего развития СКТЭ, они прогнозировали трансформацию родовой СКТЭ в

отдельный класс судебных экспертиз, в связи с чем в монографии представлена возможная структура класса судебных информационно-технологических экспертиз, в составе родов которого среди прочих указаны СКТЭ и «Экспертиза цифровых изображений и распознавания образов» [6]. Указанный аспект как один из главных и был использован в СЭЦ СК России при формировании методических основ ФВТЭ.

Анализ экспертной практики и методических материалов периода 2011—2018 гг. по исследованию цифровых фото- и видеоизображений [4], а также по исследованию связанных с ними информационных технологий и компьютерных средств [7, с. 24—25] позволяет выделить общий перечень экспертных задач, решаемых как в рамках родовых экспертиз, так и с использованием комплексного подхода:

- идентификация личности по видеопортрету;
- установление свойств личности (пола, возраста, профессии и пр.);
- установление последовательности действий лиц, изображение которых зафиксировано на видеограмме;
- идентификация конкретного события, запечатленного при видеосъемке;
- установление условий, при которых происходило событие;
- идентификация места видеосъемки и объектов технического происхождения;
- определение времени года, суток и даты проведения видеосъемок;
- определение географических координат местности, зафиксированной на носителе видеинформации;
- идентификация средства видеозаписи;
- определение характеристик в поле зрения — размеров, цвета, формы, характера и скорости движения;
- выявление признаков изменений (цифровой обработки, межкадрового

- и внутрикадрового монтажа) видео-записей;
- диагностические исследования обстоятельств изготовления мультимедийных файлов [1; 2], в том числе в рамках комплексного подхода [3];
 - восстановление удаленных или поврежденных данных;
 - анализ собственно изображения, содержащегося в файле;
 - анализ сведений, содержащихся в метаданных графических файлов;
 - диагностика способа создания, модификации изображений, содержащихся в графических файлах;
 - установление общего или единого источника происхождения оцифрованных изображений и изображений, представленных для сопоставления на иных носителях, и пр.

Для большинства из задач указанного перечня в этот период часть методов СКТЭ стала использоваться в рамках комплексного подхода, а затем, после доработки методического обеспечения, и в родовых экспертизах: видеотехнической, криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей, фонографической, фоноскопической судебной экспертизе. При этом следует отметить, что сведений об использовании методов СКТЭ в этот период при производстве портретной, фототехнической экспертизы в открытых источниках нами не обнаружено.

Также в этот же период активно развивается автоматизация экспертной деятельности по поиску, извлечению и ряду из указанного выше перечня исследований цифровых фото-, видеоизображений. Так, продолжает развиваться программное обеспечение Adobe, наряду с ним появляется программное обеспечение, реализующее методы математической обработки и криминалистического анализа цифровых изображений: «Вокорд Видеоцифра», Avizo, «Вокорд Видеоэксперт», OT-expert, Amped FIVE, Amped Authenticate и пр. Перечень автоматизированных методов существенно расширяется, но применяются они по-прежнему

одинаково к фото- и видеоизображениям. Кроме того, активно развивается программное обеспечение СКТЭ по извлечению и исследованию информации из смартфонов, иных средств фотовидеофиксации, накопителей видеоданных. Таким образом, развитие экспертного программного обеспечения, объединение его функционала приводят к тому, что процессы поиска, извлечения и исследований цифровых видеоданных становятся все более взаимосвязанными и взаимодополняющими по ряду актуальных экспертных задач. Также становится очевидным, что применение специальных знаний СКТЭ по форматам мультимедийных файлов, типам носителей, устройств, технологиям хранения и передачи видеоданных по каналам связи, методам их извлечения и реконструкции для объективного решения экспертных задач в отношении цифровых видеоданных неизбежно.

С другой стороны, часть методов по установлению места съемки, распознаванию лиц, предметов и текста становится востребованной при анализе пользовательских изображений из социальных сетей и иных открытых источников Интернета (OSINT) [5, с. 61]. Таким образом, налицо совпадение и взаимосвязь предметной области специальных знаний по исследованию мультимедийных файлов как продуктов современных технологий фотовидеофиксации в составе изъятых видеоданных в КТЭ, OSINT и ФВТЭ. Необходимый для этого комплекс специальных знаний эксперта в области информационных технологий фотовидеофиксации, изготовления, изменения, передачи по каналам связи файлов цифровых фото-, видеоизображений, а также в области организации больших видеоданных (включая спецификации форматов файлов и данных, принципы работы кодеков, цифровую обработку изображения, навыки в программировании и пр.) сегодня актуализирует компетенцию ФВТЭ как экспертизы цифровых фото- и видеоизображений, а в более общем смысле — цифровых видеоданных, что соответствует про-

гнозу развития СКТЭ в монографии Е.Р. Россинской и А.И. Усова 2001 г.

Таким образом, по результатам проведенного анализа и с учетом указанных аспектов следует сделать выводы:

- полагаем обоснованным и необходимым формирование для цифровых видеоматериалов (как совокупности фото-, видео- и иных изображений) объединенной области экспертиз специальных знаний по исследованию информационных технологий фотовидеофиксации, а также их продуктов в рамках отдельного рода судебной экспертизы;
- для данного рода судебной экспертизы целесообразна трансформация разнородных специальных знаний фото-, видеотехнической экспертизы в одну компетенцию на базе специальных знаний в сфере экспертных исследований информационных технологий и компьютерных средств;
- полагаем обоснованным и необходимым именовать данный род как «судебная фотовидеотехническая экспертиза». Использование терминов «фото» и «видео» в наименовании экспертизы обеспечивает преемственность к этапам ее развития, понятно по предмету правоприменителю и соответствует физическим принципам формирования оригиналов цифровых изображений в ходе фотовидеофиксации;
- полагаем обоснованным и необходимым в экспертно-криминалистической деятельности, ориентированной на обеспечение потребностей предварительного следствия, рассматривать судебную фотовидеотехническую экспертизу как род судебной компьютерно-технической экспертизы.

Такая организация экспертно-криминалистической деятельности в сфере криминалистики цифровых видеоданных оптимальна для оперативного решения потребностей предварительного след-

ствия по установлению факта наличия и извлечения видеоданных с различных носителей и устройств, по установлению обстоятельств их изготовления, по установлению фактических сведений в отношении запечатленных на видеоданных событий.

В практике СЭЦ СК России все указанные задачи решаются в одном структурном подразделении, почти всегда в рамках одной, а не нескольких экспертизных квалификаций, чем снимается вопрос комплексного взаимодействия, сокращаются процессуальные сроки, исключается необходимость дублирования или дооснащения экспертов соответствующими техническими средствами. Указанная позиция по организации экспертно-криминалистической деятельности была применена в отделе компьютерно-технических исследований¹ в 2020 г. при образовании СЭЦ СК России. В настоящее время с учетом полученного 5-летнего опыта перечень экспертных задач пополняется и корректируется название специальности: «Исследование цифровых видеограмм и фотоснимков, технических средств и условий их изготовления. Видеоаналитика».

Список источников

1. Бояров А.Г. Обнаружение и анализ следов сжатия звуковых сигналов кодеками mp3, aac, wma и vorbis // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 78—86.
2. Бояров А.Г. Способы выявления признаков изменений видео- и звукозаписей, произведенных после процесса записи, на цифровых накопителях с файловыми системами FAT16 и FAT32: (методические рекомендации для экспертов) // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 76—92.
3. Вознюк М.А., Денисов Ю.А. Экспертная диагностика обстоятельств изго-

¹ Экспертизы и исследования, проводимые в СЭЦ СК России. Официальный сайт федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://sec.sledcom.ru/center.htm>

тования цифровых видео- и звукозаписей: аналит. обзор // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12 (1).

4. Концептуальные основы криминалистической экспертизы видеозаписей (теория, практика, методология исследования): Монография / А.С. Блохин и др.; Под ред. А.Ш. Каганова. М.: Юрлитинформ, 2011.

5. Омельченко В.А., Фаниев П.А. Учебно-методические рекомендации «Использование программного обеспечения категории OpenSource для создания анонимной рабочей среды и проведения разведки OSINT» М.: Перео. 2024.

6. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001.

7. Эджубов Л.Г., Карпухина Е.С., Усов А.И., Хатунцев Н.А. и др. Производство судебной компьютерно-технической экспертизы. Ч. IV: Актуальные комплексные экспертные задачи. М.: РFFCE при Минюсте России, 2011.

References

1. Boyarov A.G. Detection and analysis of traces of compression of sound signals by mp3, aac, wma and vorbis codecs // Theory and practice of forensic examination. 2016. No. 1(41). P. 78—86.
2. Boyarov A.G. Methods of identifying signs of changes in video and sound recordings made after the recording process on digital storage devices with FAT16 and FAT32 file systems (methodological recommendations for experts) // Theory and Practice of Forensic Expertise. 2014. No. 3 (35). P. 76—92.
3. Voznyuk M.A., Denisov Yu.A. Expert diagnostics of the circumstances of the manufacture of digital video and sound record-

ings: an analytical review // Theory and practice of forensic examination. 2017. № 12 (1).

4. Conceptual Foundations of Forensic Expertise of Video Recordings (Theory, Practice, Research Methodology): Monograph / A.S. Blokhin et al.; edited by A.Sh. Kaganov. Moscow: Yurlitinform Publishing House, 2011.

5. Omelchenko V.A., Faniev P.A. Educational and methodological recommendations «Using OpenSource software to create an anonymous working environment and conduct OSINT intelligence». Moscow: Pero Publishing House. 2024.

6. Rossinskaya E.R., Usov A.I. Forensic Computer and Technical Expertise. M.: Pravo i zakon, 2001.

7. Edzhubov L.G., Karpukhina E.S., Usov A.I., Khatuntsev N.A. et al. Production of Forensic Computer and Technical Expertise. Part IV. Actual complex expert tasks. M.: RFFCE under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2011.

Информация об авторе

М.А. Вознюк — ст. эксперт первого отделения (исследования цифровой информации) отдела компьютерно-технических исследований федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».

Information about the author

M.A. Voznyuk — senior Expert of the First Department (Digital Information Research) of the Department of Computer and Technical Research of the Federal State Institution Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Цифровые следы современных автомобилей: криминалистические возможности и процессуальные проблемы

Денис Викторович Галкин

Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, Хабаровск, Россия

E-mail: dvgalkin@bk.ru

Аннотация. Работа посвящена возможностям получения криминалистической, в том числе доказательственной информации в ходе расследования преступлений, с помощью современных информационно-транспортных систем. Подчеркивается возрастающее криминалистическое значение данных источников информации в системе других источников, основанных на цифровых технологиях. Анализируются возникающие при этом проблемы в следственной деятельности, обусловленные как особенностями действующего законодательства, так и недостатками правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровые следы преступлений, источники криминалистической информации, цифровая криминастика, информационно-транспортные системы; автомобильная телематика.

Для цитирования: Галкин Д.В. Цифровые следы современных автомобилей: криминалистические возможности и процессуальные проблемы // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 68–71.

Digital Footprints of Modern Cars: Forensic Opportunities and Procedural Challenges

Denis V. Galkin

Khabarovsk branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee
named after A.Ya. Sukharev, Khabarovsk, Russia

E-mail: dvgalkin@bk.ru

Abstract. The work is devoted to the possibilities of obtaining forensic, including evidence information in the course of crime investigation, using modern information and transport systems. The increasing forensic importance of these sources of information in the system of other sources based on digital technologies is emphasized. The article analyzes the problems that arise in investigative activities, which are caused both by the specifics of the current legislation and by the shortcomings of law enforcement practice.

Keywords: digital traces of crimes, sources of forensic information, digital forensics, information and transport systems, and automotive telematics.

For citation: Galkin D.V. Digital Footprints of Modern Cars: Criminalistic Possibilities and Procedural Problems // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 68–71.

Современная цифровизация практически всех сторон личной, профессиональной, общественной и государственной жизни стала драйвером стремительных изменений в повседневной работе следователя. В основном и прежде всего эти изменения коснулись криминалистической составляющей следственной деятельности [1]. Ученые-криминалисты уже давно отметили, что информация, непосредственно хранящаяся в памяти мобильных телефонов и других цифровых устройств, а также получаемая с их помощью из удаленных хранилищ цифро-

вых данных, по многим уголовным делам и материалам проверок образует большую часть всего объема криминалистически значимых сведений.

Кроме того, такие источники информации имеют универсальный характер — они актуальны не только при расследовании преступлений против личности и собственности, но также и коррупционных в сфере предпринимательской деятельности, связанных с незаконным оборотом запрещенных материалов и веществ, а также и других видов преступлений [4].

Кроме домашних и носимых цифровых устройств, в настоящее время следы преступлений и других расследуемых обстоятельств все чаще извлекаются из автомобилей или с их помощью из удаленных баз данных. Это стало следствием цифровизации современного транспорта. Цифровыми устройствами контроля и управления современные автомобили оснащают не только их производители (встроенные компьютеризированные блоки), но и пользователи по своей инициативе (дополнительные медиасистемы, видеорегистраторы), а также по требованию государственных органов (системы «ЭРА-ГЛОНАСС» и «ПЛАТОН»).

Цифровые следы пронизывают практически все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства. Среди прочего современные цифровые технологии активно внедряются в системы государственного и негосударственного (корпоративного) транспортного контроля, которые собирают и хранят информацию о различных параметрах самих транспортных средствах и режиме их эксплуатации. Для этого используются современные технические средства, позволяющие фиксировать такие параметры, как вес автомобиля, включая нагрузку на каждую из осей грузового тягача и прицепа, вес и размер перевозимого груза, текущее местоположение в заданный период времени и путевой маршрут, время и скорость передвижения. Возможности определения указанных параметров приобретают качественно новое значение при использовании фото- и видеофиксации, технологий спутниковой навигации и дистанционной передачи цифровых данных по сетям сотовой связи.

В результате системы транспортного контроля формируют огромный массив различной информации, используемой органами власти и хозяйствующими субъектами в целях экономического регулирования, управления грузовыми и пассажирскими перевозками, обеспечения безопасности дорожного движения, сбора

обязательных платежей, а также для решения других прикладных задач.

Примерами современной автомобильной телематики являются системы «ЭРА-ГЛОНАСС», «ПЛАТОН», каршеринговые и кикшеринговые сервисы краткосрочной аренды транспорта [3].

Их информационные массивы имеют важное криминалистическое значение, которое не замыкается на преступлениях, связанных исключительно с нарушениями при эксплуатации транспорта. Глобальный характер информационно-транспортных систем, широкий спектр собираемой информации и значительное число задействованных участников определяют значимость сведений из указанных источников для установления самых разнообразных обстоятельств в рамках расследований по уголовным делам и материалам проверок. Уже сейчас следственная практика демонстрирует примеры их использования в доказывании криминальных событий и виновности их участников по делам о преступлениях против личности, в сфере экономики и налогообложения, против общественной безопасности и общественного порядка. Потенциальное криминалистическое значение информационно-транспортных систем представляется еще более важным с учетом перспектив их развития, технологического оснащения и дальнейшего внедрения в сферу управления и контроля.

Действующие системы контроля за эксплуатацией транспорта имеют сложную структуру, значительное число субъектов контроля, имеющих различную подведомственность, смежные компетенции, сложную нормативную регламентацию. Нормативные и правоприменительные акты в данной сфере, техническая документация содержат множество специальных терминов, требующих пояснения. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость систематизации криминалистически значимой информации в данной сфере по видам, определения ее содержания, ведомственной и иной

субъектной принадлежности, непосредственных источников получения.

Обобщение и анализ полученных материалов следственной практики подтверждают вывод, что криминалистическая информация из рассматриваемых источников используется при расследовании различных видов преступлений, а не только дорожно-транспортных происшествий. Например, технические данные и аудиозапись переговоров водителя автомобиля и диспетчера системы «ЭРА-ГЛОНАСС» позволили уточнить обстоятельства совершенного в отношении этого водителя грабежа. В другом случае сведения о составе и маршруте перемещения коммерческого груза автомобильным транспортом легли в основу версии следствия о фиктивности сделки между контрагентами по уголовному делу о нарушениях в сфере государственных закупок.

Поступившие из следственных органов примеры также позволили обобщить и систематизировать наиболее типичные проблемы, возникающие в ходе использования в расследовании информации, полученной с помощью системы «ПЛАТОН» и других информационных систем контроля над автомобильным транспортом. Значительная их часть связана с недостатком опыта работы с криминалистической информацией из рассматриваемых источников. Например, по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 264 Уголовного кодекса, от автотранспортного предприятия поступили сведения о скорости движения грузового автомобиля во время дорожного происшествия, полученные с помощью корпоративной телематической системы контроля над автопарком предприятия. Поступившая информация была оформлена письменной справкой. При этом в обвинительном заключении следователем указано, что «сведения о скорости движения автомобиля предоставлены системой «ГЛОНАСС»». Представляется, что в данном случае неверное указание источника полученной информации о скорости

движения автотранспортного средства может повлечь ее исключение судом из состава доказательственной базы по уголовному делу.

Кроме того, правовые проблемы возникают при использовании в уголовном процессе в качестве доказательств сведений о местоположении объектов, полученных с помощью технологии спутниковой навигации. Данная проблема связана с требованиями метрологического законодательства об обязательной сертификации и периодической поверке средств измерений, к которым среди прочего относятся и приборы спутниковой навигации. Данная проблема выходит за рамки криминалистики как науки и сферы профессиональной деятельности, затрагивая вопросы технического регулирования, государственного управления и других отраслей знаний [2]¹.

Резюмируя изложенные выше тезисы, считаем необходимым высказать несколько связанных с ними суждений. Технологическое развитие, выражающееся в росте числа различных баз и реестров цифровых данных, связано, по нашему мнению, с повышением роли такого аспекта правоохранительной работы, как следственный розыск. Рост цифровых информационных массивов, имеющих криминалистическое значение, изменяет исторически сложившиеся роли и практики взаимодействия оперативных и следственных подразделений. В современном цифровом мире при решении задач по раскрытию и расследованию преступлений снижается роль негласных оперативно-розыскных мероприятий, но растет значение гласного розыска, который могут осуществлять не только сотрудники оперативных подразделений правоохранительных органов, но и сотрудники следственных органов, прежде всего следователи-криминалисты.

¹ Галкин Д.В. Цифровые технологии в расследовании преступлений, связанных с автомобильным транспортом // Современные вызовы и механизмы противодействия киберпреступности: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Липецк, 17 января 2025 г. / Под общ. ред. В.А. Брусянцевой, Е.В. Шаповалова. Воронеж, 2025. С. 37—41.

Расширение криминалистических возможностей на базе цифровизации ведет к изменению и дополнению процессуальных требований досудебного производства по уголовным делам. В условиях информационного общества в уголовном процессе появляются новые субъекты, добывающие доказательства.

В качестве примеров этой тенденции можно отметить активное участие волонтеров в расследовании безвестной пропажи граждан, наделение налоговых органов уголовно-процессуальными функциями и расширение практики назначения экспертных исследований негосударственным учреждениям.

Указанные субъекты существенно влияют на ход расследования, формирование доказательственной базы и содержание обвинения. Первоначальные основания для их участия в уголовном процессе и продолжающееся усиление их роли напрямую связаны с развитием социальных сетей, расширением сфер применения технологии спутниковой навигации и другими продуктами цифровизации.

Список источников

1. *Бессонов А.А.* Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3(8).

2. *Галкин Д.В.* Криминалистическое значение сведений, формируемых автоматизированными информационно-транспортными системами // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 108—113.

3. *Галкин Д.В.* Цифровые технологии в расследовании преступлений, связанных с автомобильным транспортом // Современные вызовы и механизмы противодействия киберпреступности: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Липецк, 17 января 2025 г. / Под общ. ред. В.А. Брусянцевой, Е.В. Шаповалова. Воронеж, 2025. С. 37—41.

4. *Смирнов А.А.* Технологические революции как фактор развития криминалистики // Вестн. Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 149—155.

References

1. Bessonov A.A. Some promising directions for the further development of Russian criminology // Academic thought. 2019. No. 3(8).

2. Galkin D.V. Criminalistic Significance of Information Generated by Automated Information and Transport Systems // Investigation of Crimes: Problems and Solutions. 2022. No. 2. P. 108—113.

3. Galkin D.V. Digital Technologies in the Investigation of Crimes Related to Road Transport // Modern Challenges and Mechanisms of Countering Cybercrime: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Lipetsk, January 17, 2025 / edited by V.A. Brusentseva and E.V. Shapovalov. Voronezh, 2025. P. 37—41.

4. Smirnov A.A. Technological revolutions as a factor in the development of criminology // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2022. No. 4. P. 149—155.

Информация об авторе

Д.В. Галкин — заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D.V. Galkin — Head of the Department of Criminalistics at the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

УДК: 343.98:159.922.7

© Енгалычев В.Ф., Исаев М.Ю., 2025

Психологические особенности использования видеозаписи при проведении допроса подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации

Вали Фатехович Енгалычев

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Максим Юрьевич Исаев

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Аннотация. В работе рассматривается, как видеозапись влияет на допрос несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Особое внимание направлено на то, что видеозапись для подростка — это не просто техническая фиксация, а фактор, который меняет эмоциональное состояние, уровень тревожности и готовность к сотрудничеству. В статье анализируются основные риски, такие как внушаемость, страх публичности и стремление «казаться правильным», а также условия, при которых видеозапись, наоборот, становится для подростка защитой от давления. Рассматривается практический опыт следователей и показано, как требования УПК РФ к фиксации следственных действий сочетаются с психологическими особенностями несовершеннолетних. Предлагается тактическая модель проведения допроса с видеозаписью, включающая подготовительный, начальный, основной и заключительный этапы, с учетом норм УПК РФ и Методических рекомендаций Следственного комитета. Такой подход позволяет повысить достоверность показаний и одновременно снизить риск повторной травматизации подростка.

Ключевые слова: видеозапись допроса, несовершеннолетний, трудная жизненная ситуация, УПК РФ, психологические особенности подростков, криминалистическая тактика, внушаемость.

Для цитирования: Енгалычев В.Ф., Исаев М.Ю. Психологические особенности использования видеозаписи при проведении допроса подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 72–76.

Psychological features of the use of video recordings during the interrogation of adolescents in difficult situations

Vali F. Engalychev

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

Maxim Yu. Isaev

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

Abstract. The paper examines how video recording influences the interrogation of minors who find themselves in difficult life situations. Particular attention is given to the fact that, for an adolescent, video recording is not merely a technical means of documentation but a factor that affects emotional state, anxiety levels, and willingness to cooperate. The article analyzes key risks such as suggestibility, fear of public exposure, and the tendency to “appear compliant,” as well as the conditions under which video recording, on the contrary, becomes a safeguard against undue pressure. The practical experience of investigators is reviewed, demonstrating how the requirements of the Russian Code of Criminal Procedure regarding the recording of investigative actions are aligned with the psychological characteristics of minors. The paper proposes a tactical model of conducting video-recorded interrogations, which includes preparatory, initial, main, and concluding stages and reflects the norms of the Criminal Procedure Code and the methodological guidelines of the Investigative Committee. This approach helps improve the accuracy of testimony while reducing the risk of re-traumatization for the adolescent.

Keywords: video-recorded interrogation; minor; difficult life situation; Russian Criminal Procedure Code; psychological characteristics of adolescents; forensic tactics; suggestibility.

For citation: Engalychev V.F., Isaev M.Yu. Psychological features of the use of video recordings during the interrogation of adolescents in difficult situations // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 72–76.

Видеофиксация допроса давно стала нормой уголовного судопроизводства и ключевым элементом криминалистического обеспечения расследования: она повышает точность и надежность следственного действия, защищает права участников и снижает риск процессуальных ошибок. Для несовершеннолетних, особенно подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации (социальная депривация, семейное неблагополучие, опыт насилия, миграционные и иные трудные обстоятельства), видеозапись выступает не только техническим, но и психологическим фактором — при правильном использовании она уменьшает внушаемость, повышает ощущение процедурной справедливости и доверие к следователю, но при нарушении правил вызывает «эффект сцены», рост тревожности и оборонительные реакции. Понятие «трудная жизненная ситуация» раскрывается в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, согласно которому в нее входят обстоятельства, объективно нарушающие жизнедеятельность подростка: семейное неблагополучие, насилие, безнадзорность, социальная депривация, конфликтные отношения в семье и др.

Видеозапись допроса — не просто техническая возможность, а установленная законом обязанность. Это прямо следует из ст. 189 и 166-170 УПК РФ², где видеозапись признается одним из основных способов фиксации следственных действий. Когда речь идет о несовершеннолетних, требования становятся строже, поскольку ст. 191 УПК РФ³ обязывает создавать для подростка максимально щадящие условия и обеспечивать дополнительные гарантии защиты его прав. Поэтому работа с видеозаписью при допросе подростка всегда находится на стыке процессуальных правил и психологиче-

ских особенностей — именно их сочетание определяет, как правильно использовать видеозапись, чтобы она действительно помогала, а не мешала.

Особое внимание уделяется тому, на каких этапах допроса видеозапись оказывает влияние на когнитивную и эмоциональную сферы подростка, находящегося в трудной жизненной ситуации. Важно рассмотреть, какие риски при этом проявляются — тревожность, внушаемость, утомляемость, повторная виктимизация — и какие ресурсы могут быть задействованы: понятность процедуры, предсказуемость, поддержка значимого взрослого, доверие к следователю. Недопустимость психологического давления на несовершеннолетнего прямо закреплена в ч. 4 ст. 164 УПК РФ⁴, запрещающей воздействие на участников следственного действия с целью добиться нужных показаний. Видеозапись в этом контексте выступает дополнительной гарантией соблюдения закона и позволяет впоследствии оценить корректность поведения следователя и условия, в которых подросток давал показания. В рамках исследования предлагается практико-ориентированный протокол применения видеозаписи, который согласуется с требованиями УПК РФ о фиксации следственных действий (ст. 166—170, 189) и об особенностях работы с несовершеннолетними (ст. 191).

Работа опирается на междисциплинарный подход, который соединяет элементы криминалистической тактики, юридической и педагогической психологии. Такой подход позволяет одновременно учитывать требования закона, особенности поведения подростков в стрессовых условиях, и результаты исследований, посвященных тому, насколько достоверными бывают показания несовершеннолетних. В анализ включены как правовые нормы, так и практические наблюдения за тем, как влияет сама ситуация «наблюдаемости» на ребенка во время до-

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ст. 189, 166—170.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ст. 191.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ч. 4 ст. 164.

проса, а также отечественные и зарубежные работы по этой теме.

В работе особое внимание уделяется не самому факту наличия камеры, а тому, как именно видеозапись встроена в процедуру допроса. Важно, чтобы ее использование было психологически грамотным: следователь должен объяснить цели съемки простым и доступным языком, размещать оборудование так, чтобы оно не отвлекало подростка, выстраивать вопросы в спокойном темпе и избегать внушающих формулировок. Не менее значимо фиксировать паузы и невербальные реакции, которые часто содержат не меньше информации, чем сами ответы.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные приемы позволяют не только повысить достоверность и полноту показаний, но и обеспечить психологическую безопасность подростка в процессе допроса. Это помогает снизить риск тревожности и повторной травматизации, а также уменьшает вероятность процессуальных конфликтов и претензий к методике.

Основные психологические риски использования видеозаписи при допросе подростков в трудной жизненной ситуации связаны, прежде всего, с их внутренним состоянием и особенностями восприятия ситуации. Подростки, оказавшиеся в условиях социального неблагополучия или семейных проблем, чаще реагируют повышенной тревожностью и настороженностью [1]. Камера в кабинете следователя для них становится дополнительным источником напряжения: ребенок может опасаться, что запись увидят посторонние, что она будет использована против него либо что она закрепит сказанное навсегда и это приведет к неприятным последствиям. В результате подросток старается отвечать как можно короче, избегает деталей или, наоборот, стремится « казаться правильным», что иска жает показания.

При этом нельзя не учитывать, что сама по себе видеозапись при грамотном объяснении может стать защитой для

несовершеннолетнего. Подросток начинает понимать, что камера фиксирует все происходящее и тем самым не позволяет взрослым участникам процесса давить на него или приписывать ему слова, которых он не говорил. Такое восприятие снижает уровень страха и дает ощущение большей справедливости. Важно, чтобы следователь до начала допроса простыми словами объяснил подростку цель записи: «Она нужна для того, чтобы никто не мог ничего исказить и чтобы тебе не пришлось повторять одно и то же много раз». Подобное разъяснение превращает техническое средство в элемент психологической безопасности.

Определенные трудности вызывает и феномен внушаемости [2]. Подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, нередко демонстрируют зависимость от взрослого человека и склонность соглашаться с его словами, особенно если хотят быстрее завершить неприятную процедуру. При наличии камеры этот эффект может усиливаться: ребенок старается не противоречить, чтобы выглядеть « послушным » и « правильным » в глазах наблюдателей. Поэтому тактика допроса должна исключать наводящие формулировки и вопросы, предполагающие однозначный ответ « да » или « нет ». Более правильной будет стратегия открытых вопросов, позволяющих подростку рассказывать своими словами и тем самым постепенно снижать внутреннее напряжение.

Зарубежные исследования [3] также отмечают двойственный эффект видеофиксации. В одних случаях подростки начинают чувствовать себя более защищенными, понимая, что камера фиксирует все происходящее. В других случаях, наоборот, они становятся чрезмерно сдержанными, воспринимая ситуацию как публичное выступление. Следовательно, решающее значение имеет не сам факт включеной камеры, а стиль общения следователя, его способность объяснить подростку правила игры и поддерживать доверительный тон в ходе беседы.

Для криминалистической практики важно учитывать не только эмоциональные реакции, но и когнитивные особенности подростков. Подростки, попавшие в трудную жизненную ситуацию, часто имеют фрагментарную память о событиях, их воспоминания нередко искажены стрессом или влиянием других лиц. В такой ситуации видеозапись выполняет дополнительную функцию: она фиксирует паузы, неуверенность, невербальные признаки затруднения, что впоследствии может помочь экспертам правильно интерпретировать достоверность показаний. Но это возможно лишь тогда, когда следователь дает подростку время подумать, не перебивает его и не подгоняет.

Таким образом, использование видеозаписи при допросе подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, требует особой тактики. Следователь должен уметь превратить техническое средство фиксации в элемент психологической защиты, а не дополнительный источник стресса. Для этого необходимы подготовительный этап, объяснение целей записи, мягкий вход в процедуру и использование открытых вопросов. Только в этом случае видеозапись будет служить не формальной обязанностью, а полноценным инструментом криминалистического обеспечения расследования и гарантией соблюдения прав несовершеннолетнего.

На основе практического опыта следователей и анализа реальных ситуаций становится очевидно, что работа с подростками, находящимися в трудной жизненной ситуации, требует особого внимания к деталям допроса. Очень важно правильно построить работу на всех четырех этапах: подготовительном, начальном, основном и заключительном.

Необходимость такой последовательной и психологически корректной структуры допроса несовершеннолетних подтверждена Методическими рекомендациями Следственного комитета РФ от 2017 г., посвященными производству следственных действий с участием несовершеннолетних. В этих рекомендациях отдельно отмечают, что важно установить с под-

ростком нормальный рабочий контакт, говорить с ним спокойно, не торопиться, задавать открытые вопросы и дать ему время привыкнуть к обстановке допроса.

На подготовительном этапе необходимо разъяснить подростку его права и правила процедуры. Важно использовать доступный язык, избегая сложных юридических формулировок. Следователь может сказать, например: «Камера нужна, чтобы все, что мы будем обсуждать, сохранилось точно. Это поможет тебе, чтобы потом никто не сказал, что ты говорил что-то другое». Такое простое объяснение снижает тревожность и формирует чувство справедливости.

На начальном этапе целесообразно задавать простые нейтральные вопросы, не касающиеся сути дела, чтобы подросток привык к обстановке и к самому факту фиксации на камеру. Этот прием позволяет снизить уровень напряжения и создать атмосферу, близкую к обычному разговору.

Основной этап допроса должен строиться на открытых вопросах, которые дают подростку возможность рассказать все своими словами. Важно давать время на раздумья и не прерывать, даже если ребенок делает паузы. Видеозапись фиксирует не только слова, но и невербальные проявления: жесты, мимику, колебания в голосе, что в дальнейшем может быть учтено экспертами.

Заключительный этап предполагает подведение итогов и проверку понимания. Следователь должен кратко повторить ключевые моменты и уточнить: «Правильно ли я понял то, что ты сказал?» Такой прием помогает исключить недоразумения и укрепляет доверие.

Особое внимание следует уделять ситуации, когда подросток, находящийся в трудной жизненной ситуации, оказывается в роли подозреваемого. Здесь важно помнить, что его согласие с обвинениями может быть следствием не признания вины, а желания быстрее закончить неприятную процедуру. Видеозапись в таких случаях служит важной гарантией: она фиксирует тон и стиль общения следователя, исключая возможность давления.

Важным является и вопрос о хранении и использовании видеозаписей. Подросток должен быть уверен, что запись предназначена исключительно для дела и не попадет в руки посторонних. Объяснение этого факта необходимо включать в обязательный протокол работы с несовершеннолетними.

Порядок хранения материалов видеозаписи регламентирован ч. 7 ст. 166 УПК РФ¹, которая устанавливает требования к сохранности и приобщению носителей к материалам уголовного дела. Несовершеннолетнему необходимо разъяснить, что видеозапись используется строго в рамках уголовного процесса и хранится в соответствии с законом, что позволяет снизить его тревожность и укрепляет доверие к следственным действиям.

Таким образом, применение видеозаписи при допросе подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, не может рассматриваться как чисто технический процесс. Это сложный инструмент, который влияет на психологическое состояние несовершеннолетнего и на качество его показаний. Грамотная тактика позволяет превратить видеозапись в фактор доверия, а не страха, в гарантую справедливости, а не в источник дополнительного давления.

Следовательно, использование видеозаписи при допросе подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, должно рассматриваться в двух аспектах: как элемент процессуальной фиксации и как инструмент психологической поддержки. Для достижения наилучших результатов необходим комплексный подход, включающий юридические гарантии, психологические знания и внимательное отношение к личности подростка. В этом случае видеозапись выполняет двойную функцию — помогает следствию в обеспечении достоверности и полноты информации и одновременно защищает подростка от давления и вторичной травматизации.

Список источников

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб.: СОЮЗ, 2002. 271 с.
2. Мишенина А.А., Кирянина И.А. Тактические особенности допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса // Рос. следователь. 2015. № 2. С. 12—16.
3. Ceci S.J., Bruck M. Jeopardy in the Courtroom: A Scientific Analysis of Children's Testimony. Washington, DC: American Psychological Association, 1995. 336 p.

References

1. Baeva I.A. Psychological Safety in Education: monograph. St. Petersburg: SOYUZ, 2002. 271 p.
2. Mishenina A.A., Kiryanina I.A. Tactical Features of Interrogating Minor Participants of Criminal Proceedings // Russian Investigator. 2015. No. 2. P. 12—16.
3. Ceci S.J., Bruck M. Jeopardy in the Courtroom: A Scientific Analysis of Children's Testimony. Washington, DC: American Psychological Association, 1995. 336 p.

Информация об авторах

В.Ф. Енгалычев — профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им К.Э. Циолковского.

М.Ю. Исаев — научный сотрудник Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им К.Э. Циолковского.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

V.F. Engalychev — Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Expertise and Criminalistics at Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

M.Yu. Isaev — Researcher at the Research Center for Forensic Expertise and Criminalistics at Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ч. 7 ст. 166.

Практика работы Северо-Кавказского филиала федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» в производстве судебных лингвистических экспертиз, назначенных по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Гаяне Гургеновна Курегян

Северо-Кавказский филиал федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Ессентуки, Россия

Аннотация. Автор отмечает, что посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность детей — резонансные преступления, из чего следует вывод, что защита ребенка — задача, которая стоит в целом перед государством и перед родителями, школой, медицинскими учреждениями и сотрудниками правоохранительных органов. Изложен опыт работы Северо-Кавказского филиала федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» в части производства лингвистической и фоноскопической судебных экспертиз при расследовании преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, права ребенка, фоноскопическая судебная экспертиза, педофилия.

Для цитирования: Курегян Г.Г. Практика работы Северо-Кавказского филиала федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» в производстве судебных лингвистических экспертиз, назначенных по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 77–79.

The practice of the North Caucasus branch of the Federal State State Institution «Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation» in the production of forensic linguistic examinations assigned in criminal cases related to the investigation of crimes against the sexual integrity and sexual freedom of an individual

Gayane G. Kuregyan

North Caucasus branch of the Federal State State Institution

«Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation», Yessentuki, Russia

Abstract. The author notes that attacks on the sexual freedom and sexual integrity of children are high-profile crimes, which leads to the conclusion that protecting children is a task that the state, parents, schools, medical institutions, and law enforcement agencies must address. The article presents the experience of the North Caucasus branch of the Federal State State Institution «Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation» in conducting linguistic and phonoscopic forensic examinations in the investigation of crimes that infringe upon sexual freedom and sexual integrity.

Keywords: linguistic forensic examination, child rights, phonoscopic forensic examination, pedophilia.

For citation: Kuregyan G.G. The practice of the North Caucasus Branch of the Federal State Government Institution «Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation» in the conduct of forensic linguistic examinations assigned in criminal cases related to the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 77–79.

Осуществляя экспертную деятельность в Северо-Кавказском филиале СЭЦ СК России, эксперты-лингвисты сталкиваются с экспертизами, назначенными по ст. 131, 132, 133, 134, 135, 242.2 (п. «а», «в» ч. 2 ст.) УК РФ. В ходе производства экспертиз вполне успешно решаются вопросы в рамках лингвистики.

Сегодня актуальной и значимой является деятельности судебных экспертов в рамках резонансных уголовных дел. В связи с этим возникает вопрос, насколько преступления, предусмотренные ст. 131, 132, 133, 134, 135, 242.2 (п. «а», «в» ч. 2) УК РФ, можно отнести к резонансным. В основном о подобных уголовных делах широкая общественность не узнает, поскольку, как правило, данная информация не обнародуется, а если и обнародуется, то частично и не для широкого круга. Причина очевидна: в большинстве случаев потерпевшими являются лица, достигшие 12-летнего возраста, но не достигшие 14-летнего возраста. По своей воле или по принуждению, но в итоге дети оказываются вовлеченными в преступные действия, совершаемые взрослыми. Как правило, подобные преступления не входят в круг так называемых резонансных и характеризуются как латентные, несмотря на то что у общества есть четкое понимание того, что подобные деяния наносят не только моральные, психологические травмы, но и физический вред ребенку, который при любых обстоятельствах в данной ситуации остается беззащитным.

Задача ребенка — задача, которая стоит в целом перед государством и перед родителями, школой, медицинскими учреждениями и сотрудниками правоохранительных органов.

Ребенок имеет полное право на заботу о себе и защиту, о чем заявлено законодательно как на международном уровне, так и на государственном уровне Российской Федерации. Несмотря на наличие подобных правовых документов, дети становятся участниками преступных деяний, как правило, являясь жертвами такого явления, как педофилия. В современном мире

преступность обретает новые формы выражения, современные технологии для части общества с невысоким или даже низким нравственным уровнем становятся вполне хорошим инструментом в совершении правонарушений. Но благодаря технологиям сохраняются объекты, которые в итоге подвергаются судебной лингвистической или фоноскопической экспертизе. Все чаще предметом этих видов экспертиз (в большей мере лингвистической) являются такие объекты, как тексты переписок/разговоров в социальных сетях и различных мессенджерах.

По нашему мнению, центральной проблемой в борьбе с подобными правонарушениями выступает педофилия, действенных способов и методов борьбы с которой на сегодняшний день нет.

Мы убеждены в том, что любые действия, направленные против педофилии, в той или иной мере являются способом борьбы с этим явлением. В связи с этим задача эксперта — проведение всестороннего исследования и дача достоверного и убедительного заключения.

В Северо-Кавказском филиале осуществляется производство лингвистических экспертиз в рамках расследования уголовных дел, возбужденных по вышеуказанным статьям. В 2021—2025 гг. экспертами Северо-Кавказском филиала исполнено 30 экспертиз, назначенных постановлениями о назначении судебных лингвистических экспертиз по уголовным делам, возбужденным по вышеуказанным статьям. По результатам проделанной работы исследованы 33 объекта, даны ответы на 95 поставленных вопросов.

Преступный характер деяний, совершенных против несовершеннолетних, не вызывает сомнений, и, казалось бы, нет необходимости в назначении лингвистической или фоноскопической экспертизы. Но наш опыт работы говорит о том, что есть случаи, в которых только лингвистическая экспертиза становится доказательством совершенного преступления. Речь идет о так называемой бесконтактной педофилии.

В качестве примера подобной ситуации приведем информацию из уведомления следственного отдела по городу Кисловодску следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю, полученного на имя заместителя директора Северо-Кавказского филиала.

В вышеуказанном отделе расследовались уголовные дела, возбужденные в 20XX году в отношении «XXX» по признакам преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 3 ст. 135 УК РФ. В ходе расследования были назначены судебные лингвистические экспертизы.

В уведомлении прописано, что выводы экспертиз позволили следствию изобличить преступный умысел «XXX». В отношении «XXX» постановлен обвинительный приговор, и в результате частичного сложения назначенных наказаний окончательно было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет. При вынесении данного приговора суд как доказательство вины и умысла «XXX» «на совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних указал на заключения судебных лингвистических экспертиз, выводы которых объективно подтверждали умысел «XXX» на совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних, отражая объективную

сторону преступления (ведение бесед, разговоров, рассказов на сексуальные темы циничного характера), а также заведомость преступника о возрасте потерпевших».

Отношение к детям в обществе и в целом к детству как важному периоду жизни человека есть главная характеристика общества в плане его социального «здравья» и жизнеспособности. Физическое и психологическое здоровье каждого ребенка в настоящем — это залог здорового будущего поколения, которое сможет полноценно и гармонично реализовать себя во всех видах общественной деятельности и в межличностных отношениях, что выступает гарантией здоровой нации и сильной страны.

Информация об авторе

Г.Г. Курегян — эксперт отдела Северо-Кавказского филиала (с дислокацией в городе Ессентуки Ставропольского края) Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, кандидат филологических наук.

Information about the author

G.G. Kuregian— expert at the North Caucasus Branch (located in Yessentuki, Stavropol Krai) of the Forensic Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of philological sciences.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: интеграция антропологического подхода, информационных технологий и искусственного интеллекта в преодолении вызовов глобализации

Сергей Анатольевич Пичугин

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

E-mail: pichugin81@mail.ru

Аннотация. В условиях глобализации и интенсивной миграции традиционные методы криминалистической габитоскопии, основанные на среднеевропейском фенотипе, сталкиваются с кризисом эффективности. «Эффект межрасового восприятия» приводит к методическим ошибкам при идентификации лиц иных, неевропейских антропологических типов, что ставит под угрозу установление объективной истины по уголовному делу. В статье обосновывается необходимость перехода от интуитивного описания признаков внешности к научно обоснованному антропологическому подходу. Его теоретической базой служат современные достижения этнической антропологии, в частности концепция «адаптивного типа» Т.И. Алексеевой, объясняющая формирование внешнего облика как результат адаптации к условиям среды. Методология подхода сочетает типологический и более гибкий популяционный анализ, учитывающий как общие закономерности, так и индивидуальную вариабельность признаков внешности. Теоретические наработки находят воплощение в синтезе с информационными технологиями и искусственным интеллектом. Автор описывает возможности специализированного программного обеспечения (на примере системы «Портрет — Поиск»), а также алгоритмы искусственного интеллекта, которые позволяют автоматизировать локализацию и анализ устойчивых статических признаков, а также осуществлять идентификацию по динамическим параметрам (мимика, походка). Это формирует комплексный, «объемный» подход к установлению человека по признакам внешности.

Ключевые слова: криминалистическая габитоскопия, антропологический подход, эффект межрасового восприятия, идентификация человека, искусственный интеллект, адаптивный тип, популяционная изменчивость, криминалистическое обеспечение.

Для цитирования: Пичугин С.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: интеграция антропологического подхода, информационных технологий и искусственного интеллекта в преодолении вызовов глобализации // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 80–84.

Forensic support of crime investigation: integration of the anthropological approach, information technologies and artificial intelligence in overcoming the challenges of globalization

Sergey A. Pichugin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

E-mail: pichugin81@mail.ru

Abstract. In the context of globalization and intensive migration, traditional methods of forensic habitoscopy, based on the Central European phenotype, are facing a crisis of effectiveness. The «cross-race effect» leads to methodological errors in the identification of persons of non-European anthropological types, which jeopardizes the establishment of objective truth in criminal cases. The article substantiates the necessity of transitioning from an intuitive description of appearance traits to a scientifically grounded anthropological approach. Its theoretical basis is formed by modern achievements in ethnic anthropology, particularly T.I. Alekseeva's concept of the «adaptive type», which explains the formation of physical appearance as a result of adaptation to environmental conditions. The methodology of the approach combines typological and a more flexible population analysis, accounting for both general patterns and individual variability of appearance traits. Theoretical developments are implemented in a symbiosis with information technologies and artificial intelligence. The author describes the capabilities of specialized software (us-

ing the «Portret-Poisk» [Portrait-Search] system as an example), as well as artificial intelligence algorithms that automate the localization and analysis of stable static traits and enable identification based on dynamic parameters (facial expressions, gait). This forms a comprehensive, «three-dimensional» approach to establishing a person's identity based on appearance traits.

Keywords: forensic habitoscopy, anthropological approach, cross-race effect, human identification, artificial intelligence, adaptive type, population variability, forensic support.

For citation: Pichugin S.A. Criminalistic support for crime investigation: integration of the anthropological approach, information technologies and artificial intelligence in overcoming the challenges of globalization // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 80–84.

Современный этап развития общества, характеризующийся процессами глобализации и интенсивной миграцией, порождает уникальные вызовы для системы правоохранительных органов. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, являясь фундаментальной основой для установления истины по делу, сталкивается с необходимостью адаптации к новым реалиям. Одной из наиболее актуальных проблем становится достоверная идентификация человека по признакам внешности в условиях беспрецедентного антропологического разнообразия.

Традиционные методы криминалистической габитоскопии, сформированные в иную эпоху и на основе изучения среднеевропейского фенотипа, зачастую оказываются неэффективными при работе с лицами, чьи внешние признаки существенно отклоняются от этого условного стандарта. Возникает системная проблема, известная в научной литературе как «эффект межрасового восприятия» (cross-race effect) [2]. Она заключается в том, что специалист или свидетель, незнакомый с особенностями внешнего облика иных антропологических типов, может принять широко распространенный в другой популяции групповой признак за уникальную индивидуальную особенность, которая обладает высокой идентификационной значимостью, и наоборот. Подобные методические ошибки напрямую ставят под угрозу как установление объективной истины по уголовному делу, так и защиту прав личности, гарантированных Конституцией РФ.

Ответом на этот вызов стала глубокая интеграция в криминалистическую практику антропологического подхода, кото-

рый, в свою очередь, на современном этапе неразрывно связан с применением информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта. Данный симбиоз представляет собой не просто эволюцию криминалистического инструментария, а фундаментальный методологический сдвиг в криминалистическом обеспечении расследований, переводящий идентификацию человека по признакам внешности из плоскости интуитивного сопоставления в плоскость научного, доказательного и технологически опосредованного анализа.

Проблема надежной идентификации человека по признакам внешности является краеугольным камнем всего уголовного процесса. От ее успешного решения зависят не только результаты розыска и изобличения лица, совершившего преступление, но и соблюдение ключевых принципов уголовного судопроизводства (ст. 6, 73, 74 УПК РФ требуют от следствия и суда обеспечения обоснованности, достоверности и законности всех процессуальных действий). «Эффект межрасового восприятия» создает прямую угрозу выполнению этих требований. Когда специалист, осуществляющий производство портретной экспертизы или участвующий в изготовлении субъективного портрета, в силу недостаточной осведомленности о вариативности признаков внешности в различных антропологических популяциях допускает методическую ошибку, это приводит к формированию недостоверного доказательства. Последствия могут быть двоякими: с одной стороны, это ведет к непривлечению действительного виновного лица, с другой — к ложному обвинению невиновного человека. Например, такие при-

знаки, как форма глазной щели, ширина и профилировка носа, форма губ, структура волос, обладают значительной вариативностью в разных антропологических группах. То, что для одной популяции является индивидуальной особенностью, для другой — широко распространенным групповым признаком. Неучет этой вариативности де-факто означает выход за рамки профессиональной компетенции и ставит под сомнение все криминалистическое обеспечение на этапе идентификации.

Следовательно, традиционная криминалистическая габитоскопия, ограниченная узкой фенотипической базой, становится источником системной ошибки, что требует коренного пересмотра ее методологических основ.

Ответом на возникший кризис идентификации может стать антропологический подход, который представляет собой не просто дополнительный инструмент, а новую парадигму в криминалистическом исследовании признаков внешности. Его суть заключается в переходе от интуитивного описания и сопоставления признаков внешности к научному анализу, основанному на понимании популяционно-адаптивных закономерностей формирования человеческого облика.

Теоретической базой подхода служат положения современной этнической антропологии, в которой ключевые понятия претерпели серьезную эволюцию. Категория «раса» сегодня понимается не как набор стереотипных и неизменных признаков внешности, а как биологическая категория, описывающая исторически сложившуюся в конкретном географическом ареале популяцию, объединенную комплексом наследственных физических признаков. Как подчеркивал выдающийся антрополог Я.Я. Рогинский, расы являются подразделениями единого вида *Homo sapiens* и представляют собой системы популяций (см.: [1]).

Центральное место в современной антропологии заняла концепция «адаптивного типа», разработанная Т.И. Алексеевой. Согласно этой концепции, внешний

облик человека — это не случайный набор параметров, а сложная система признаков, сформировавшаяся в ходе длительной адаптации к специфическим условиям окружающей среды (климат, солнечная радиация, влажность и т.д.). *Адаптивный тип* понимается как биологическая норма реакции, обеспечивающая популяционное равновесие со средой обитания.

Пример тропической адаптации. Для популяций, сформировавшихся в условиях жаркого и влажного климата, характерен комплекс признаков, направленных на защиту от перегрева:

- темная пигментация кожи (естественный УФ-фильтр);
- курчавые волосы (воздушный «фильтр» для термоизоляции);
- протяженные пропорции тела с удлиненными конечностями (максимизация поверхности теплоотдачи).

Пример арктической и континентальной адаптации. У народов, исторически проживающих в регионах с холодными зимами и сильными ветрами, выработался иной комплекс:

- брахиморфное (коренастое) телосложение (минимизация отношения поверхности тела к объему для снижения теплопотерь);
- уплощенное лицо с развитым слоем жировой клетчатки (защита от обморожения);
- специфическое строение глазной щели, часто с эпикантусом (защита глаз от холода, пыли и ослепляющего света от снега и пр.) [3].

Эти адаптационные признаки (форма элементов черепа и особенности мягких тканей лица) обладают высокой устойчивостью. Они формируются к моменту достижения физиологической зрелости (около 25 лет) и остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни. Именно эта устойчивость делает их надежным объектом для криминалистического исследования в отличие от изменчивых признаков типа телосложения.

Методология антропологического подхода в криминалистике базируется на двух взаимодополняющих направлениях.

1. Типологический подход предполагает выделение условных, идеализированных антропологических типов (негроидный, монголоидный, европеоидный и их подтипы). Задача специалиста — оценить степень соответствия внешности индивида тому или иному этническому «эталону». Этот подход полезен для анализа первичной классификации, но обладает недостатком — статичностью и игнорированием индивидуальной вариабельности, что может приводить к ошибкам в идентификации.

2. Популяционный подход является более современным и гибким. Первичной единицей анализа является не индивид, а исторически сложившаяся популяция с уникальным гено- и фенофондом. Этот подход акцентирует внимание на групповой изменчивости, признавая, что фенотипические признаки не наследуются как жестко сцепленный комплекс, а образуют множество вариативных сочетаний. Он рассматривает антропологические типы как условные, статистические обобщения, между которыми существует непрерывный ряд переходных форм.

В криминалистической практике оба подхода используются комплексно, что позволяет избежать методических ошибок и учесть как общие закономерности, так и индивидуальное разнообразие.

Теоретические наработки антропологического подхода нашли свое практическое воплощение в современных информационных технологиях, основой которых являются специализированное программное обеспечение и базы данных. Примером практической реализации антропологического подхода является регистрационно-поисковая система «Портрет-Поиск вер. 5.0». В ее основе лежит не шаблонное комбинирование статичных признаков внешности, а сложная антропологическая модель, позволяющая генерировать визуально-реалистичные образы, презентативные для различных эт-

нических групп. Это кардинально расширяет оперативно-розыскные возможности, позволяя эффективно осуществлять поиск лиц, чьи биометрические параметры отличаются от среднеевропейских.

Актуальность такого подхода многократно возрастает в сложных ситуациях, когда идентификация осложнена:

- *изменением внешности* вследствие воздействия средств пластической хирургии, возрастных трансформаций;
- *маскировкой признаков внешности* (изменением прически, отращиванием бороды, использованием грима);
- *условиями съемки* (низкое разрешение камер видеонаблюдения, разнонаправленный ракурс, недостаточно яркое освещение).

В этих случаях именно анализ устойчивых морфологических структур, заложенных в алгоритмы системы, позволяет специалисту сформулировать обоснованные выводы.

Современное развитие антропологического подхода невозможно без его интеграции с передовыми информационно-коммуникационными технологиями и системами искусственного интеллекта. Эта интеграция открывает принципиально новые возможности для криминалистического обеспечения расследований.

Технологии искусственного интеллекта позволяют автоматизировать наиболее трудоемкие этапы идентификации.

1. Автоматическая локализация признаков внешности на основе «обобщенных портретов» (алгоритмы искусственного интеллекта способны автоматически выявлять и производить измерение устойчивых морфологических признаков на фото- и видеозображениях, даже в условиях низкого качества и частичного перекрытия лица).

2. Сопоставление выявленных признаков с типовыми антропологическими (антропометрическими) данными, включающими параметры тысяч индивидов из разных популяций, что позволяет не только установить личность человека по

признакам внешности, но и с определенной вероятностью оценить ее возможное происхождение.

Эволюция идентификации смещается со статичных изображений в сторону анализа динамических биометрических параметров. Это особенно актуально в условиях повсеместного распространения систем видеонаблюдения. Алгоритмы искусственного интеллекта способны анализировать и идентифицировать человека:

- *по особенностям мимики* (уникальные паттерны сокращения лицевых мышц);
- *особенностям походки* (ритм, длина шага, покачивание корпуса — признаки, крайне сложно поддающиеся маскировке);
- *особенностям жестикуляции* (индивидуальные особенности движений руками).

Это формирует комплексный, «объемный» подход к идентификации по признакам внешности, когда личность устанавливается не только по особенностям лица, но и по поведенческим паттернам.

Развитие криминалистического обеспечения в русле интеграции положений антропологии, информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта открывает ряд стратегических направлений для дальнейшего развития:

- *внедрение алгоритмов 3D-моделирования и VR/AR* (создание высокоточных трехмерных моделей на основе пропорциональных характеристик лицевой части головы, позволяющих проводить виртуальные реконструкции и опознания в иммерсивной среде);
- *использование искусственного интеллекта для анализа массивов видеоданных с городских камер в реальном времени* в целях не только розыска, но и прогнозирования возможных противоправных действий на основе поведенческих особенностей;

- *глубокая междисциплинарная конвергенция* (создание единых платформ, где данные криминалистической габитоскопии, дактилоскопии, ДНК-анализа и одорологии взаимно обогащают и верифицируют друг друга, формируя целостный «цифровой профиль» человека для целей расследования).

Список источников

1. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биол. аспекты): Курс лекций. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 278 с.
2. Бодалев А.А. Познание человека человеком: Возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты. СПб: Технол. ун-т, 2005. 336 с.
3. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология: Учебник для студ. вузов, обучающихся по биол. Специальностям. 4-е изд. М.: МГУ: Наука, 2005. 399 с.

References

1. Alekseeva T.I. Human adaptation in various ecological niches of the Earth (Biol. aspects): A course of lectures. Moscow: MNEPU Publishing House, 1998. 278 p.
2. Bodalev A.A. Human cognition by man: Age, gender, ethnic and professional aspects. Saint Petersburg: Technological University, 2005. 336 p.
3. Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. Anthropology: A Textbook for University Students Studying Biology. 4th ed. Moscow: Moscow University Publishing House, Nauka, 2005. 399 p.

Информация об авторе

С.А. Пичугин — доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S.A. Pichugin — Associate professor of Department of criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor.

Следствие сквозь годы...

УДК 348

© Звягинцев А.Г. 2025

«Станции утешения». Сексуальное рабство по-японски

Александр Григорьевич Звягинцев

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. В статье раскрываются преступления, совершенные армией Японии во время Второй мировой войны в отношении comfort women — женщин, которых принуждали к сексуальному обслуживанию военных.

Ключевые слова: «станции утешения», женский трибунал, сексуальное рабство, преступления армии Японии.

Для цитирования: Звягинцев А.Г. «Станции утешения». Сексуальное рабство по-японски // Мир криминалистики. 2025. № 4. С. 85–89.

«Comfort stations». Sexual slavery in Japanese

Alexander G. Zvyagintsev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article reveals the crimes committed by the Japanese army during World War II against comfort women, women who were forced to provide sexual services to the military.

Keywords: «comfort stations», the women's tribunal, sexual slavery, the crimes of the Japanese army.

For citation: Zvyagintsev A.G. «Stations of Consolation». Sexual slavery in Japanese // The World of Criminology. 2025. No. 4. P. 85–89.

В первой половине декабря 2000 г. мировые СМИ сообщили, что в Токио заседал интернациональный трибунал, который расследовал преступления, совершенные армией Японии во время Второй мировой войны в отношении comfort women — женщин, которых принуждали к сексуальному обслуживанию военных.

Этот трибунал был организован по инициативе неправительственных организаций. Его идею выдвинула базирующаяся в Токио известная женская организация Violence Against Women in War-Network, и она была поддержана целым рядом женских групп из шести азиатских стран, находившихся во время войны под военной властью Японии.

Женский трибунал по «сексуальному рабству» был организован по модели из-

вестного общественного трибунала 1967 г. английского философа Бертрана Рассела и французского мыслителя Жана-Поля Сартра. Тот трибунал рассматривал военные преступления, совершенные в ходе войны во Вьетнаме. Разумеется, процесс не имел прямых юридических последствий, однако оказал большое влияние на мировое общественное мнение, обнародовав многочисленные факты военных преступлений и решительно высказавшись за прекращение войны и расследование преступного поведения американской армии в отношении мирного населения Вьетнама. Резонанс от его решений был весьма значителен.

Женщины, живущие в азиатских странах, а также в Нидерландах, испытавшие на себе сексуальное насилие во время Второй мировой войны, впервые публично заговорили о своем жутком опыте в начале 1990-х годов. Некоторые

из них заявили о праве на компенсацию со стороны японского правительства и потребовали привлечь к ответственности виновных. Более 600 женщин за эти годы признались, что они являлись жертвами «сексуального рабства», практиковавшегося японской армией во время Второй мировой войны. В японский суд было по дано восемь исков. Однако японские суды отказались их удовлетворить.

Женский трибунал 2000 г. квалифицировал факты сексуального рабства как военные преступления. Решения его, как и решения трибунала Рассела—Сартра, не имели каких-либо прямых правовых последствий, однако они имели очень важное моральное и политическое значение.

В заседаниях приняли участие юристы, взявшие на себя роль общественных судей, на нем были заслушаны свидетельские показания жертв «сексуального рабства», которое, как было установлено, санкционировало японское правительство. Обвинители поставили своей целью установить ответственность высших военных чинов японской армии, включая императора Японии, за совершение преступлений против женщин.

На заседание прибыли более 60 женщин из Китая, Восточного Тимора, Индонезии, Нидерландов, Северной Кореи, Филиппин, Южной Кореи и Тайваня. Они рассказали о совершенных в отношении них сексуальных преступлениях. Они были и свидетелями и жертвами. На этом необычном процессе присутствовали более 1000 человек — японцев и граждан других стран.

* * *

Во время войны в специальных борделях для японских солдат, по разным данным, находились от 200 до 400 тыс. женщин из Китая, Кореи и других стран. Так называемые «станции утешения», а иначе полевые бордели, начали открываться еще в 1930-е годы. В 1932 г. генерал-лейтенант Ясудзи Окамура обратился к командованию с планом об организации

для армии публичных домов. Мотивировал он свое предложение тем, что японские солдаты массово насилуют женщин и заражаются от них венерическими заболеваниями. К тому же у местного населения в результате усиливаются антияпонские настроения.

Первую «станцию» открыли в Шанхае. Сначала там работали японские женщины, прибывшие добровольно. Но с увеличением популярности подобных заведений туда начали привозить заключенных из филиппинских и индонезийских лагерей, а также набирать местных женщин. Японские военные власти планировали иметь одну сексуальную рабыню на каждые 30 солдат и офицеров. Японские женщины предназначались главным образом для офицеров, а кореянки и китаянки — солдатам.

Объявления, вывешенные японцами на улицах, обещали «работу для девушек», им предлагалось стать «санитарками особого типа» за приличные деньги. «Работа особого типа» оборачивалась заключением в борделях. И выбраться из этого капкана было уже невозможно. Идею одобрили в высших японских кругах, и по всей Азии стали появляться «станции утешения», которые условно делились на три группы. Первая находилась в полном подчинении военных, контроль над ней осуществлялся куда более жесткий, чем за остальными двумя. Еще одна группа контролировалась частными лицами, но по факту все так же была в подчинении и личном пользовании у военных. Третья группа, достаточно малочисленная, но также существующая, была более «народной» — ею могли пользоваться как военные, так и обычные японцы, а в некоторых, пусть и очень редких случаях — даже представители других наций.

Рядовой оплачивал входной билет, который стоил 5 иен, для офицеров развлечения обходилось дешевле — за билет просили всего 2 иены. Девушки жили в нечеловеческих условиях — им приходилось обслуживать по 20—30 солдат в

день, а после роста популярности борделей это число достигло 50—60 человек в день. Время работы борделей строго регламентировалось, также указывалось максимально возможное время нахождения солдата с девушкой — сначала оно составляло 30 минут, потом было уменьшено до 10—15 минут... С девушками «работали» врачи, которые должны были контролировать их здоровье, но они не отличались ни профессионализмом, ни милосердием. Наоборот, многие доктора сами насиливали своих «подопечных», что поздоровее.

С 1944 г. из жительниц Кореи начали формировать «добровольные» трудовые отряды, декларируя, что они будут работать на ткацких фабриках, секретарями в вооруженных силах, медперсоналом. Но обещаниям уже верили немногие, поэтому на «станции утешения» угоняли девушек, встреченных на улицах, захваченных в их собственных домах. Девушек либо просто крали, либо ложью и обещанием достойной работы заманивали в военные бордели. Большинство их обитательниц надеялись на работу швеями, санитарками.

Вербовщики работали неустанно, в процесс привлечения новых работниц вовлекались серьезные деньги — некоторых девушек просто выкупали из их семей, после чего проданные становились собственностью государства, вовлеченного во все этапы вербовки. Насилие, угрозы, обманы и деньги служили действенным оружием в руках японцев, заботливо устраивавших для своих солдат «заслуженный отдых».

В число будущих сексуальных рабынь попадали и маленькие девочки, и подростки. Большинству было 15—17 лет. Забирали всех, даже неместных. Например, угнанной оказалась гражданка Нидерландов, которой пришлось провести годы в борделе до освобождения острова Ява в 1945 г.

Одна из доживших до наших дней «женщин для утешения» вспоминала, что солдаты ворвались в дом к ее семье за ри-

сом. Женщин заталкивали в грузовики, матерей отрывали от младенцев и далее будущих «утешительниц» везли как груз в товарных поездах и на кораблях.

Корейские девушки считались особо ценным «товаром» — они хорошо говорили по-японски, потому что с 1910 г. Корея была японской колонией. Кореянки, как и японки, были абсолютно бесправны. К тому же в Японии и подконтрольных ей территориях проституция была легализована и мало чем отличалась от рабства, даже в обычных борделях.

«Станции утешения» обычно размещались в обычных бараках, обнесенных колючей проволокой. В комнатах не было ничего, кроме циновок и раковины. Зачастую это были комнаты на несколько человек. Чтобы забыться и не сойти с ума от ужаса и унижений, многие девушки из «станций утешения» воровали у солдат опий, многие пытались покончить с собой: горстями ели лекарства, вешались на полотенцах и своей одежде. Через «станции утешения» прошли тысячи девушек и девочек самых разных возрастов из Китая, Кореи, Тайваня. До конца войны дожила лишь четверть. Да и насилия женщин не прекратились. Дело в том, что «станции утешения» не были благотворительными организациями, да и не стремились ими стать, а стоимость услуг в них для японских солдат была слишком высока. Они предпочитали искать развлечения на стороне и экономить, а не тратить деньги на такое же удовольствие в официальных учреждениях.

* * *

Когда на оккупированных территориях уже почти не оставалось девушек, которых можно было вовлечь в проституцию, а ряды обитательниц «станций утешения» редели, пополняли их перевозкой пленниц из концлагерей.

В одном только Китае функционировало около 280 борделей для японских солдат и офицеров. Такие подсчеты сделали в 1942 г. сами японцы.

Самоубийства среди девушек были таким же повседневным событием, каким было обслуживание клиентов. «Батальоны комфорта» вполне можно было бы назвать «батальонами смерти», поскольку из всех похищенных и завлеченных девушек после Второй мировой войны выжила лишь небольшая часть.

Набравшись опыта от немецких нацистов, японцы стали использовать «медицину» для контроля над рождаемостью на этих станциях. Широко применялся так называемый «препарат 606», содержащий в своем составе огромное количество мышьяка — его применяли для прерывания беременности у «работниц». Среди эффектов этого препарата значилось провоцирование выкидышей, возможность развития бесплодия или как минимум мутаций у будущих детей, смерть забеременевшей женщины...

Стремясь скрыть свои преступления, японская армия во многих случаях просто уничтожала при отступлениях в 1943—1945 гг. несчастных сексуальных рабынь. Когда город Сюньчен, расположенный неподалеку от Нанкина, был на время освобожден от японцев, китайцы обнаружили здание, в котором лежали обнаженные тела десятков китаянок, убитых японцами, перед тем как их выбили из города. Вывеска над входной дверью гласила: «Станция утешения великой Императорской армии».

После Второй мировой войны инициатор создания «станций утешения» генерал Окамара был признан в Китае военным преступником, но благодаря защите китайского лидера Чан Кайши ему удалось вернуться в Японию.

* * *

После капитуляции Японии история вернула ей своеобразный исторический долг — уже в оккупированной Японии появилась Ассоциация отдыха и развлечений. Эта правительственные организация выступила с призывом к патриотично настроенным японкам не допустить мас-

совых изнасилований, которые ожидались со стороны американцев, и заняться проституцией. Японское руководство было уверено, что американцы проявят себя на оккупированных территориях ничем не лучше солдат императорской армии в Китае и Корее.

К январю 1946 г. в организацию были завербованы 55 тыс. женщин. Вербовщики обещали взамен за временную работу проститутками предоставить в будущем работу на заводах или в государственных учреждениях. В основном на предложение правительства откликнулись девушки в возрасте от 14 до 25 лет. Максимальный заработка проституток в борделях для американских солдат составлял около 2 долл. В кварталах «красных фонарей» военные патрули следили за порядком.

Армейские врачи следили за здоровьем проституток, но ожидаемого результата это не дало. Среди солдат стали распространяться венерические заболевания. Так, в 34-й австралийской пехотной бригаде гонореей и сифилисом через полгода оккупации Японии болели 55% личного состава. Руководство оккупационной администрации было вынуждено распространять среди проституток недостающий даже для армии США пенициллин.

После этого американцы стали настаивать на ликвидации проституции в Японии. В результате к ноябрю 1946 г. масштабы проституции в Японии сократились до нескольких «кварталов красных фонарей» на всю страну. Схожей была ситуация и в соседней Корее, где японцы после 1945 г. оставили огромное число армейских «женщин для утех».

* * *

Женский трибунал напомнил, что Международный токийский военный трибунал 1946—1948 гг. не рассматривал факты сексуальных преступлений, хотя акты сексуального насилия, совершенные во время военных конфликтов, составляют «преступление против человечности»,

т.е. являются военными преступлениями, подлежащими уголовному наказанию.

И Токийский международный трибунал действительно не рассматривал как отдельное преступление насилие военных над женщинами. Правда, факты о том, что творили японские войска во время резни в Нанкине, звучали и приводились. И факты эти свидетельствовали о том, что имели место не просто эксцессы — выполнялась специально разработанная и одобренная государственная программа. Остается надеяться, что сегодня такое уже невозможно...

2017

Информация об авторе

А.Г. Звягинцев — заместитель Директора Института государства и права Российской академии наук, президент Академии Нюрнбергских принципов, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции 1-го класса, член Президиума Международного союза криминалистов.

Information about the author

A.G. Zvyagintsev — Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, President of the Academy of Nuremberg Principles, Honored Lawyer of the Russian Federation, 1st Class State Adviser of Justice, member of the Presidium of the International Union of Criminologists.

Не стало профессора А.Ф. Волынского

(10 июня 1939 г. — 16 декабря 2025 г.)

16 декабря 2025 г. ушел из жизни заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Александр Фомич Волынский, член Президиума Международного союза криминалистов.

Александр Фомич родился 10 июня 1939 г. в д. Черниговка Иланского района Красноярского края. В 1958 г. окончил Омскую среднюю школу милиции, а в 1964 г. — Высшую школу Министерства охраны общественного порядка РСФСР по специальности «Правоведение»; в 1961—1964 гг. был слушателем Высшей школы МООП РСФСР.

Прошел путь от оперуполномоченного ОУР Красноярского края до заместителя начальника ЭКУ МВД СССР. Более 50 лет посвятил научной деятельности. В 1971 г. в Высшей школе МВД СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Криминалистическая экспертиза в европейских социалистических странах». В 1999 г. в Юридическом институте МВД России защитил докторскую диссертацию на тему «Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений».

С 2002 г. работал в должности профессора кафедры криминалистики Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Долгие годы работал по совместительству в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева профессором кафедр криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности, главным научным сотрудником (по социологическим исследованиям) научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы. В 2019 г. ему присвоено звание «Почетный профессор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева».

Профессор А.Ф. Волынский был одним из наиболее известных и уважаемых ученых-криминалистов, ведущих специалистов в сфере научно-технического обеспечения организации раскрытия и расследования преступлений, судебно-экспертного и криминалистического обеспечения этой деятельности. Им опубликовано более 300 научных трудов, в числе которых монографии, учебники, учебные пособия по фундаментальным и прикладным проблемам криминалистики. Под его руководством защищено более 50 диссертаций на соискание ученых степеней, в том числе выпускников аспирантуры Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Среди множества его научных работ можно выделить изданную под редакцией А.Ф. Волынского совместно с профессором В.А. Прорвичем серию учебных пособий по судебно-экономическим экспертизам: «Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе» (2010), «Судебно-экономическая экспертиза в гражданском и арбитражном процессе» (2012), «Судебно-кадастровая экспертиза» (2013). Он был соавтором и соредактором фундаментального учебно-методического пособия «Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений» (2016), подготовленного под общей редакцией Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина на базе Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

В числе многочисленных наград А.Ф. Волынского — орден «Знак почета», знаки «Почетный работник МВД СССР», «Заслуженный работник МВД России».

Александр Фомич восхищал своей энергичностью, неиссякаемыми научными идеями, принципиальностью научных позиций. До последних дней жизни он активно работал над решением волнующих его научных задач, передавал знания ученикам, участвовал в работе Международного союза криминалистов, был постоянным докладчиком на научно-практических конференциях, проводимых в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева и в других учебных и научных учреждениях.

Коллектив Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева глубоко скорбит об утрате Ученого, Учителя, Наставника, Коллеги и выражает искренние соболезнования всем его родным и близким.